

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 27/2023

г. Донецк 2023

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России

ВЕСТНИК

ДОНБАССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Юридические науки

**Научный журнал
№ 27 / 2023**

Выходит 4 раза в год. Издаётся с 2016 г.

**Донецк
ДГУЮ
2023**

УДК 34

Главный редактор

Заместитель

главного редактора

Ответственный редактор

Ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Н. В. Барбашова, д-р юр. наук, профессор (*Донецкий государственный университет*)

А.И. Левченков, д-р юр. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права (*Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, г. Луганск*)

А.А. Любчик, д-р юр. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин (*Донбасский государственный университет юстиции*)

Е.Ю. Рьжкова, канд. юрид. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*)

Г.Н. Гапотченко, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), Р. Х. Гиззатуллин, д-р юр. наук (*Башкирский государственный университет, г. Уфа*), В.В. Груздев, д-р юр. наук (*Костромской государственный университет, г. Кострома*), С.Х. Джиев, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*), О.Г. Дьяконова, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*), В.С. Елисеев, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*), В.И. Козюберда, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), В.А. Комаров, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), С.В. Лихачев, д-р юр. наук (*Курский государственный университет, г. Курск*), А.А. Лукьянцев, д-р юр. наук (*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону*), О.А. Малышева, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*), С.Ю. Мироненко, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), А.М. Моисеев, д-р юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), А.А. Николаев, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), Э.С. Навасардова, д-р юр. наук (*Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь*), Т.И. Отческая, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*), А.Н. Першин, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*) А.А. Савченко, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), В.Г. Севка, д-р экон. наук (*Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, г. Макеевка*), А.А. Ситник, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*), Л.Б. Смирнов, д-р юр. наук (*Северо-Западный институт управления – филиал РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург*), Ю.В. Степаненко, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*)

Журнал зарегистрирован

в Научной Электронной библиотеке (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (лицензионный договор № 596-11/2016 от 10 ноября 2016 г.); в Министерстве информации ДНР. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – Серия ААА № 000169 от 14.11.2017 г.

Внесен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Приказом МОН ДНР от 08.05.2018 г. № 433

Основатель и издатель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» г. Донецк.

Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасского государственного университета юстиции, протокол от 28.12.2023 г. № 6

Язык публикации: русский, английский.

Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.

Адрес редакции:

ул. Лебединского, д. 9, г. Донецк, 283049

e-mail: Vestnik.DLA@yandex.ru

Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов. – Вып. 27. – Донецк: ДГУЮ, 2023. – 175 с. – («Юридические науки»).

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России, 2023

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie
vy'sshego obrazovaniya «Donbasskij gosudarstvenny`j universitet yusticii»
Minyusta Rossii**

VESTNIK

DONBASSKOY YURIDICHESKOY AKADEMII

Yuridicheskiye nauki

Nauchnyi Zhurnal

№ 27 / 2023

Vykhodyt 4 raza v god. Izdaetsia s 2016 g.

**Donetsk
DGUYu
2023**

UDK 34

Editor-in-chief

N.V. Barbashova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Donetsk State University*)

Deputy editors-in-chief

A.I. Levchenkov, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law (*Lugansk Academy of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Lugansk*)

Executive secretary

A.A. Lyubchik, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Civil Law Disciplines (*Donbass State University of Justice*)

Executive secretary:

E.Yu. Ryzhkova, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*)

Editorial board:

G.N. Gapotchenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), R.H. Gizzatullin, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Bashkir State University, Ufa*), V.V. Gruzdev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kostroma State University, Kostroma*), S.Kh. Dzhioev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), O.G. Dyakonova, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), V.S. Eliseev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), V.I. Kozyuberda, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), V.A. Komarov, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), S.V. Likhachev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kursk State University, Kursk*), A.A. Lukyantsev, Doctor of Juridical Sciences (*Southern Federal University, Rostov-on-Don*), O.A. Malysheva, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), S.Yu. Mironenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), A.M. Moiseev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), A.A. Nikolaev, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), E.S. Navasardova, Doctor of Juridical Sciences (*North Caucasus Federal University, Stavropol*), T.I. Otcheskaia, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), A.N. Pershin, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), A.A. Savchenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), V.G. Sevka, Advanced Doctor of Economical Sciences (*Donbass National Academy of construction and architecture, Makeevka*), A.A. Sitnik, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences (*North-Western Institute of Management Branch of RANH and GS, St. Petersburg*), Iu.V. Stepanenko, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*)

The journal is registered

Of the Scientific Electronic Library (SEL) – the chief executive of the project on determining Russian Science Citation Index (RSCI) (license agreement № 596-11/2016 of November 10, 2016).

In Ministry of information of DPR. Testifying to registration of means of mass information is Series of AAA № 000169 dated 14.11.2017.

Included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of the candidate of sciences should be published, for the academic degree of the Doctor of Sciences Order of the Ministry of Education and Science of the DPR dated 08.05.2018 No.433.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice»

Recommended for publishing by Academic Board of Donbass State University of Justice. The Minute № 6 dated 28.12.2023.

Language of publication: Russian, English

All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher

Address of editor office:

9, Lebedinsky Street, Donetsk, 283049

e-mail: Vestnik.DLA@yandex.ru

Herald of Donbass Law Academy: collection of scientific papers. – Issue 27. – Donetsk: DSUJ, 2023. – 175 p. – («Juridical science» series).

© Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», 2023

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials

СОДЕРЖАНИЕ

Билялов Р.А. Гражданско-правовые отношения образовательных организаций в Российской Федерации.....	7
Голобородько В.И., Титов А.Н. Некоторые дискуссионные вопросы регулирования мер административного принуждения.....	15
Гридин А.Н. Правовые условия эффективности функционирования социального государства.....	24
Дмитриева А.А. Юридизация естественного языка в правовой системе и текстах закона.....	35
Каравацкая С.А. Актуальные вопросы взаимодействия медиации и адвокатской деятельности...	44
Лобов Д.В., Мавлиханова Р.В. Историко-правовые аспекты формирования законодательства Донецкой Народной Республики до момента принятия в состав Российской Федерации...	54
Мавлиханова Р.В. Проблемы взаимоотношений прокуратуры с другими государственными органами.....	69
Мамона Т.М. Уголовная ответственность за нарушение прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого на защиту.....	79
Нарыжный Н.А. Актуальные вопросы наследования по римскому праву.....	88
Николаев А.А. Понятие и содержание профилактики административных проступков.....	95
Савченко А.А. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве.....	107
Самофалов Д.А. Терроризм как разновидность организованной преступности.....	116
Седнев В.В., Войтов А.В. Государство: правовое и социальное.....	126
Сиренко Б.Н. Проблемы регулирования отношений по договору строительного подряда.....	133
Червяков А.Л., Лобов Д.В. Общая характеристика прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.....	143
Чуб Д.Г. Пропаганда безопасности дорожного движения в Российской Федерации и пути повышения её эффективности.....	155
Шульга В.В., Степанюк М.С. Сравнительный анализ стандартов профессиональной этики адвокатуры разных стран.....	165

CONTENTS

Bilyalov, R.A. Civil law relations of educational organizations in the Russian Federation.....	7
Goloborodko, V.I., Titov, A.N. Some discussion issues in the regulation of administrative coercive measures.....	16
Gridin, A.N. Legal conditions for the effective functioning of the welfare state.....	24
Dmitrieva, A.A. The legitimization of natural language in the legal system and the texts of the law....	35
Karavatskaya, S. A. Topical issues of interaction between mediation and advocacy.....	44
Lobov, D.V., Mavlikhanova, R.V. Historical and legal aspects of the formation of the legislation of the Donetsk People's Republic before its admission to the Russian Federation.....	55
Mavlikhanova, R.V. Problems of relations between the prosecutor's office and other state bodies.....	69
Mamona, T.M. Criminal liability for violation of the rights of a suspected, accused, defendant to defense.....	79
Narizhny, N.A. Current issues of inheritance under roman law.....	89
Nikolaev, A.A. The concept and content of prevention of administrative offenses.....	96
Savchenko, A.A. On the issue of criminal liability of legal entities in russian legislation.....	107
Samofalov, D.A. Terrorism as a type of organized crime.....	116
Sednev, W.V., Vojtov, A.V. The state: legal and social.....	126
Sirenko, B.N. Problems of regulating relations under construction contracts.....	133
Chervyakov, A.L., Lobov, D.V. General characteristics of the rights and freedoms of human and citizens in the Russian Federation.....	143
Chub, D.G. Promotion of road safety in the Russian Federation and ways to improve its effectiveness.....	155
Shulga, V.V., Stepaniuk, M.S. Comparative analysis of professional ethics standards of lawyers in different countries.....	165

УДК 378.014:15

Р.А. Билялов, аспирант, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: putnik2019@mail.ru)

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье описаны гражданско-правовые отношения образовательных организаций. Определено, что одним, но не единственным проявлением гражданско-правовых отношений в образовательной организации является договор возмездного оказания платных образовательных услуг. Кроме того, установлено, что, поскольку образовательная организация относится к виду некоммерческих организаций, она выступает участником гражданского оборота. Определены направления развития гражданско-правовых отношений с учетом новелл гражданского законодательства.

Ключевые слова: правоотношения, гражданско-правовые отношения, образование, образовательные организации, некоммерческие организации, образовательные услуги.

Bilyalov, R.A.

CIVIL LAW RELATIONS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article describes the civil law relations of educational organizations. It is determined that one, but not the only manifestation of civil law relations in an educational organization is a contract for the provision of paid educational services. In addition, it has been established that, since an educational organization belongs to the type of non-profit organizations, it acts as a participant in civil turnover. The directions of the development of civil law relations are determined, taking into account the novelties of civil legislation.

Key words: legal relations, civil law relations, education, educational organizations, non-profit organizations, educational services.

Актуальность темы исследования. Образование во все времена имело весомое значение для страны в целом, и для каждого человека в частности. Указанная тенденция сохраняется на протяжении долгих лет, более того, наблюдается тенденция к повышению роли образования в связи с появлением новых сфер общественных отношений.

Общеизвестно, что развитие образования невозможно без активного участия самой личности в процессе обучения и воспитания. Человек, который учится, является одновременно потребителем образовательных продуктов и участником их производства. В этом заключается основное отличие создания образовательных продуктов от любых других. В связи с этим гражданско-правовое регулирование отношений в сфере образования в Российской Федерации имеет особое значение.

Анализ научных исследований. В отечественной цивилистической литературе вопросы правосубъектности как категории права стали предметом исследования ученых достаточно давно. Теоретической основой настоящего исследования послужили работы таких авторов как Д.Н. Ахтямова,

В.В. Безбах, Э.П. Гаврилов, Г.А. Гаджиев, В.А. Дозорцев, С.Э. Жилинский, В.А. Мирошникова и др. Указанные ученые с различных точек зрения рассматривали гражданско-правовые отношения образовательных организаций.

Цель статьи – провести анализ гражданско-правовых отношений образовательных организаций в Российской Федерации.

Изложение основного материала. Образование в России является обязательным до достижения 18 лет и бесплатным в государственных образовательных учреждениях. Оно включает в себя как академическое, так и профессиональное образование. Также оно выступает в роли социального явления, национальной и общественной категорией, способствующей развитию индивидуальности и общества. Оно имеет большое значение для человека, общества и государства. Право на образование признано международными и национальными правовыми актами, такими как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

Сегодня в Российской Федерации уделяется большое внимание вопросам качественного обеспечения гражданских правоотношений посредством их нормативно-правового регулирования. Вышеуказанное осуществляется наряду с анализом правоприменительной практики защиты прав и законных интересов участников гражданских правоотношений. В данном аспекте гражданско-правовые отношения образовательных организаций не являются исключением.

В рамках данной статьи, в первую очередь нужно определить понятия рассматриваемых категорий для более глубокого анализа выбранной тематики.

В юридической литературе учеными высказываются разные мнения относительно определения понятия «правоотношения». По мнению В.К. Бабаева, правоотношения представляют собой охраняемые государством общественные отношения, которые возникают при воздействии норм права на поведение людей. Правоотношения характеризуются наличием субъективных прав и юридических обязанностей у участников этих отношений [12, С. 58].

Признаками правоотношений, как считал В.К. Бабаев, можно считать следующие: отношения людей, которые лежат в основе правоотношений, должны быть связаны с их деятельностью; при возникновении правоотношений на поведение людей должны воздействовать нормы позитивного права; при возникновении правоотношений между людьми должна осуществляться связь посредством субъективных прав и юридических обязанностей; правоотношение основано на воле участников; правоотношение – это отношение, охрану которого обеспечивает государство [12, С. 47].

Для того, чтобы определение понятия правоотношения было более полным, необходимо отметить две группы признаков: признаки правоотношения, характерные для любого социального отношения неправового характера: социальность, нормативность, гарантированность, санкционированность; признаки правоотношения, отличающие его от социального отношения: правовой характер, правомерность, непосредственная

связь с государством, правосубъектность лиц, реализующих в рамках правоотношения субъективные права и обязанности, корреспондирующий характер прав и обязанностей субъектов правоотношений [4, С. 5].

Понятие «гражданское правоотношение» имеет следующие отличительные признаки, а именно: метод защиты гражданских прав; основания возникновения; диспозитивный характер норм гражданского права; особые способы прекращения [4, С. 36].

Следует заметить, что за время действия Закона об образовании внесено множество поправок, дополнений и изменений, направленных на улучшение законодательства системы образования, что позволяет говорить нам о достаточной вовлеченности государства в регулирование гражданско-правовых отношений данной сферы.

В силу ч. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения), договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников [1]. То есть, вышеуказанные отношения являются объектом регулирования гражданского законодательства.

При этом, сфера образования является специфическим объектом гражданско-правового регулирования.

Так, специфика образовательных услуг проявляется в их классических характеристиках (неошутимость, неотделимость от источника, непостоянство качества, невозможность сохранности) и индивидуальных чертах. Невозможность сохранения образовательных услуг оказывается двояко: во-первых, невозможно предоставить услуги в полном объеме заранее и сложить их как материальный товар в ожидании повышения спроса; во-вторых, со временем человек забывает полученную информацию, полученные знания в случае их неприменения теряются в человеческом сознании. В связи с развитием научно-технического прогресса часть знаний теряет свою актуальность [3, С. 138].

Основным результатом образования является «система знаний, умений и навыков, передаваемых человеку в процессе обучения» [7, С. 315].

Образовательный продукт может быть в материально-вещественной форме (товар), или нематериальной форме (услуга) [6].

Рассматривая понятие образовательной услуги как объект правового регулирования, следует заметить, что некоторые ученые считают, что образовательные услуги проявляются в реализации разнообразной (педагогической, воспитательной, научной) деятельности работниками сферы

образования по удовлетворению образовательных потребностей отдельных людей и всего общества [5, С. 301].

Одними из наиболее значимых изменений являются поправки, внесенные Федеральным законом от 14 июля 2022 года №295-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». В результате введенных изменений было исключено понятие «образовательная услуга» для всех видов отношений, кроме гражданско-правовых, для регулирования которых сохранилось понятие «платные образовательные услуги». Несмотря на это – категория «образовательные услуги» [2].

Названные изменения не повлекли извлечение образования из гражданско-правового оборота, однако изменили статус образования как социального блага, что, в свою очередь, изменило траекторию развития образовательного законодательства с целью усовершенствования правового регулирования образовательных отношений, где образование выступает как социальное благо.

При этом образовательные организации не перестали быть участником гражданского оборота.

Так, согласно статье 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) «Об образовании в РФ» образовательной организацией признается некоммерческая организация, которая осуществляет на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности в соответствии с целями, ради достижения которых такая организация создана [2].

Являясь юридическим лицом, в силу ст. 48 ГК РФ, образовательная организация имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и осуществлять гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Оказывая платные образовательные услуги, образовательные организации выступают субъектом гражданско-правовых отношений.

В качестве спорного вопроса, касающегося определения образовательной услуги как объекта гражданских прав, А. К. Попова указывает аспект предоставления или оказания образовательной услуги [9, С. 33]. Процесс оказания образовательной услуги представляет собой действие, которое находится в непосредственном процессе. Предоставление образовательной услуги рассматривается исследователем как возможность оказания образовательной услуги. Вполне логичным является то, что отличаются и объекты данных процессов. Оказывает образовательную услугу педагог, а предоставляет ее образовательная организация. Из этого следует, что при процессе оказания образовательной услуги и процессе ее предоставления будет отличаться и правовое регулирование данных процессов.

Основополагающим документом при ведении образовательным учреждением экономической деятельности является договор об оказании

платных образовательных услуг. Договор по своему типу является смешанным, потому что его содержание регулируется нормами гражданского и законодательства об образовании. Образовательные услуги на возмездной основе образовательная организация должна оказывать строго в соответствии с положениями договора об оказании платных образовательных услуг.

Договор возмездного оказания образовательных услуг можно определить как соглашение между образовательным учреждением (гражданином, занимающимся индивидуальной педагогической деятельностью) и потребителем о предоставлении последнему возможности получения объема знаний по соответствующей образовательной программе, сопровождающейся проведением контрольных мероприятий за определенную плату в течение определенного периода времени.

Правовая природа данного договора вызывает много споров. Отдельные авторы категорически отвергают гражданско-правовой характер отношений между студентом и вузом по оказанию образовательных услуг. Особенно остро вопрос об отраслевой принадлежности отношений между образовательным учреждением и обучающимся по поводу оказания возмездных образовательных услуг в рамках федерального государственного образовательного стандарта встал после принятия второй части ГК РФ, которая отнесла к договору возмездных услуг и услуги по обучению.

Прежде всего, нужно обратить внимание на то, что в п. 2 ст. 779 ГК РФ речь идет об обучении, а не об образовании, которые не являются тождественными понятиями согласно Закону об образовании. В связи с этим был сделан вывод, что гл. 39 ГК РФ применима только к договорам на обучение (например, к договорам на обучение вождению автомобиля) [1].

В соответствии с Конституцией РФ каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии. Поэтому стоит отметить то, что если же возможности бесплатного обучения у вуза нет, то гарантированное государством бесплатное высшее образование для граждан, желающих его получить, автоматически трансформируется в платное. Для того чтобы получать высшее образование возмездно, т.е. за определенную плату, гражданин, стремящийся получить образование, должен заключить договор об оказании платных образовательных услуг.

В целях необходимости однозначного определения гражданско-правовой природы договора возмездного оказания образовательных услуг следует внести в законодательство прямое указание на то, что к договорам возмездного оказания услуг относится также и договор оказания образовательных услуг.

Характеризуя содержание договора об оказании образовательных услуг как гражданско-правовой сделки, следует заметить, что к элементам договора можно отнести следующие: стороны, предмет, форма, цена, срок исполнения, содержание договора. Сторонами договора являются Заказчик (услугополучатель) и Исполнитель (услугодатель).

В.А. Мирошникова отмечает, что стороной-исполнителем услуг могут быть прежде всего образовательные организации, а именно: дошкольные образовательные организации, общеобразовательные организации, профессиональные образовательные организации, образовательные организации высшего образования, организации дополнительного и дополнительного профессионального образования [7, С. 30]. Стороной договора могут быть также индивидуальные предприниматели, которые могут осуществлять образовательную деятельность самостоятельно.

Относительно другой стороны по договору – заказчика (получателя платных образовательных услуг), в ГК РФ также отсутствуют ограничения по его статусу. Стороной договора могут быть и совершеннолетние, и несовершеннолетние лица. Согласно п. 1 ст. 26 ГК РФ лица от 14 до 18 лет могут заключать договоры, и они являются действительными при наличии письменного согласия своих законных представителей – родителей, усыновителей, попечителей. Представители обучающегося, не достигшего 18 лет, выступают в договоре стороной, действующей в интересах несовершеннолетнего.

В качестве предмета договора рассматривают получаемый заказчиком нематериальный полезный результат от осуществления образовательной деятельности за определенную плату. Относительно предмета договора в указанном аспекте, следует отметить, что им является образовательная деятельность, которая в Законе об образовании трактуется как собственно образование (ст. 2 Закона об образовании) [2], в понятие которого включены два взаимосвязанных процесса – воспитание и обучение

Что касается формы исследуемого договора, то он заключается в простой письменной форме. Основанием для заключения договора является личное заявление для физического лица или гарантийного письма от юридического лица с указанием полных реквизитов.

Цена по договору может включать в себя не только расходы исполнителя в процессе осуществления образовательной деятельности и его вознаграждение, но и обуславливаться рыночными механизмами. Цена, указанная в исследуемом договоре, должна представлять собой полную стоимость образовательных услуг. Возрастание стоимости образовательных услуг после заключения договора не разрешается, не считая случаев увеличения их стоимости на величину инфляции.

Срок в договоре может быть представлен в трех видах: срок действия договора в целом, срок исполнения заказчиком и исполнителем обязательств, срок оказания непосредственно образовательных услуг. Сроки действия самого договора и сроки оказания образовательных услуг зависят от специфики образовательной программы и учебных планов, которые разрабатываются и утверждаются исполнителем. Сроки исполнения обязательств в договоре могут быть установлены по усмотрению его сторон.

В содержание договора должен быть включен ряд следующие сведений, таких как:

– данные об исполнителе или его представителе (наименование юридического лица);

– адрес местонахождения, данные документа о полномочиях представителя, реквизиты образовательной лицензии;

– данные об обучающемся, и другие.

В содержание договора не могут быть включены условия, ограничивающие права обучающихся и поступающих, а также снижающие уровень предоставления им установленных законодательством гарантий.

Однако в правоприменительной практике нередко встречаются и явления нарушения законодательства при оказании образовательных услуг.

Так, из Решения Лесозаводского районного суда № 2-126/2017 от 1 августа 2017 г. по делу № 2-126/2017 [10] следует об обращении гражданина Ч. с иском о расторжении договора образовательных услуг, который был заключен между ним и университетом РУДН. Следует отметить, что данный иск носил встречный характер и был выдвинут после того, как представители РУДН обратились в суд с целью взыскания с гражданина Ч. задолженности за обучение. В качестве аргумента гражданин Ч. привел неоказание представителями университета образовательных услуг, ссылаясь на то, что преподавание определенных учебных дисциплин было предоставлено не в полном объеме. Представителями университета данный аргумент был опровергнут, они пояснили, что гражданин Ч. определил в качестве объема часов именно часы лекций и семинаров, в то время как программа предусматривает и внеаудиторные часы, которые отведены на выполнение самостоятельных работ. Основным требованием, которое гражданин Ч. выдвигал к университету, был перевод его на заочную форму и перерасчет денежных средств. Судьей было вынесено решение об удовлетворении иска университета РУДН, поскольку оказание образовательных услуг на платной основе подразумевает их оплату. Также аргументом данного решения выступает и то, что во время обучения гражданин Ч. не обратился к руководству университета с претензиями относительно качества предоставления образовательных услуг и их объем.

Согласно Решению Приморского районного суда Санкт-Петербурга № 2-6018/2018 от 28 ноября 2018 г. по делу № 2-6018/2018 [11], гражданка К. и ЧОУ дополнительного образования «Алибра» заключили договор об оказании образовательных услуг – обучение иностранному языку. В условиях договора прописано, что у обучающегося есть право в одностороннем порядке отказаться от его исполнения, если при этом подано письменное заявление в образовательную организацию. Поскольку истцом была внесена сразу полная стоимость образовательной услуги, то было выдвинуто требование о возврате денежных средств от ЧОУ «Алибра». Однако расторжение договора произошло уже в процессе оказания образовательной услуги, поэтому судом было вынесено решение об удовлетворении иска и взыскании с образовательной организации той части оплаты за обучение, которая не соотносилась с объемом неоказанных образовательных услуг.

Данные примеры судебной практики иллюстрируют такое свойство образовательной услуги, как полное соответствие договору об оказании платных образовательных услуг и соотношение между объемом оказанных образовательных услуг и их стоимостью, что указывает на неотъемлемость гражданско-правовой составляющей в сфере образования.

Выводы. Таким образом, одним из проявлений гражданско-правовых отношений в образовательных организациях в Российской Федерации является договор об оказании платных образовательных услуг, по своему существу выступающий гражданско-правовой сделкой.

Правовое регулирование договора на оказание образовательных услуг осуществляется не только положениями ГК РФ, а также законодательством в сфере образования. Оно устанавливает нормы и требования, которым должны соответствовать образовательные учреждения, и определяет права и обязанности студентов в рамках таких договоров. Правовое регулирование включает в себя различные аспекты, такие как лицензирование образовательных учреждений, установление минимальных стандартов качества образования, контроль над соблюдением правил и условий договоров, а также механизмы разрешения споров и защиты прав потребителей.

При этом нельзя забывать, что образовательные организации, являясь некоммерческой организацией, выступают участником гражданского оборота.

Учитывая изложенное, необходимо заметить, что многоаспектность вопроса гражданско-правовых отношений образовательных организаций не позволяет в полной мере изучить его в рамках данного исследования, что указывает на необходимость продолжения научных разработок в данной сфере.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 16.05.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32, ст. 3301.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
3. Ахтямова Д.Н. Особенности заключения и правовое регулирование договоров оказания образовательных услуг / Д.Н. Ахтямова // Теория и практика современной науки. – 2023. – С. 58-62.
4. Бялт В.С. Теория государства и права в схемах: Учебное пособие / В.С. Бялт. – М.: Изд-во Юрайт, 2022. – 69 с.
5. Гривенная Е.Н. Понятие и сущность образовательной услуги как правовой категории / Е.Н. Гривенная // Общество и право. – 2013. – №. 4 (46). – С. 301-305.
6. Журавлева Л.В. Образовательный продукт: понятие и ценность / Л.В. Журавлева // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 321. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnyy-produkt-ponyatie-i-tsennost> – (дата обращения: 07.12.2023).

7. Мирошникова В.А. Особенности ответственности сторон при оказании платных образовательных услуг в системе высшего образования России / В.А. Мирошникова // Образование и право. – 2020. – № 2. – С. 30.
8. Нечаева Е.А. Особенности образования как услуги / Е.А. Нечаева // Академическая публицистика. – № 2-1/2023. – С. 315.
9. Попова А.К. Услуга (оказание услуг) как объект гражданских прав / А. К. Попова // Юридический мир. – 2016. – № 8. – С. 32-35.
10. Решение Лесозаводского районного суда № 2-126/2017 от 1 августа 2017 г. по делу № 2-126/2017. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3Q1DR12nNEYS/> – (дата обращения 05.02.2024).
11. Решение Приморского районного суда Санкт-Петербурга № 2-6018/2018 от 28 ноября 2018 г. по делу №2-6018/2018. – URL: <https://судебныерешения.рф/33601127> – (дата обращения 03.02.2024).
12. Теория государства и права: Учебник для бакалавров / под ред. В.К. Бабаева. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2021. – 452 с.

УДК 342.9

В.И. Голобородько, ст. преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД, Донецкий филиал Волгоградской академии МВД РФ (г. Донецк)

(e-mail: apdavd@mail.ru)

А.Н. Титов, канд. юрид. наук, доцент, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: atitov77@mail.ru)

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

В статье в рамках общей характеристики административных мер принуждения рассматриваются проблемы, а также теоретико-правовые и методологические основы применения административного принуждения как одного из методов государственного принуждения. Анализируется система мер административного принуждения в государственном управлении. Особое внимание уделено раскрытию содержания понятия и сущности административного принуждения как одного из способов обеспечения законности в деятельности органов исполнительной власти и их должностных лиц. Делается вывод о том, что действующее административное законодательство вносит больше разногласий и споров при классификации и применении мер административного принуждения. Некоторые меры принудительного характера не зафиксированы в нормативных правовых актах.

Ключевые слова: административное принуждение, государственное принуждение, административно-предупредительные меры, меры административного пресечения, административно-восстановительные меры.

Goloborodko, V.I.,

Titov, A.N.

SOME DISCUSSION ISSUES IN THE REGULATION OF ADMINISTRATIVE COERCIVE MEASURES

The article, within the framework of the general characteristics of administrative coercion measures, examines the problems, as well as the theoretical, legal and methodological foundations of the use of administrative coercion as one of the methods of state coercion. The system of administrative coercion measures in public administration is analyzed. Particular attention is paid to revealing the content of the concept and essence of administrative coercion as one of the ways to ensure legality in the activities of executive authorities and their officials. It is concluded that the current administrative legislation introduces more disagreements and disputes in the classification and application of administrative coercive measures. Some coercive measures are not recorded in regulatory legal acts.

Key words: *administrative coercion, state coercion, administrative preventive measures, administrative measures of restraint, administrative restorative measures.*

Актуальность темы исследования. Вопросы, связанные с административным принуждением как одним из методов реализации исполнительной власти в административном законодательстве, являются в настоящее время дискуссионными. Назрела необходимость принятия нового Кодекса об административных правонарушениях и Административно-процессуального кодекса, в котором нашли бы закрепление многочисленные меры административного принуждения. Кроме того, меры административного пресечения на сегодня – наиболее часто применяемые способы воздействия на субъекты административных отношений, их разнообразие и неправильное толкование законов в процессе их применения порождает большое количество противоречий и проблем.

Анализ научных исследований. Вопросы роли и места мер административного принуждения исследовались в трудах российских ученых в области административного и полицейского права, а именно: Д.Н. Бахраха [7], И.А. Галагана [1], М.И. Еропкина [13], Ю.М. Козлова [4], Л.Л. Попова [20], В.А. Юсупова [23] и ряда других авторов. В последнее время проблемы административного принуждения рассматривались в работах таких ученых, как С.А. Агамагомедова [1], В.Д. Ардашкин [5], В.И. Бобов [8], О.Н. Гапонов [9; 10], В.А. Драгун [12], Т.В. Зенкова [14], С.Н. Кушнаренко [15], В.Д. Орлов [18], В.А. Тюрин [22] и др. В то же время, в современном механизме государственного регулирования общественных отношений все более значимую роль приобретают меры административного принуждения, которые наряду с мерами убеждения позволяют эффективно решать задачи построения правового государства, занимающие особое место в деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации, что говорит об актуальности и своевременности настоящей работы.

Цель статьи – проведение анализа социального назначения и предназначения мер принуждения, применяемых в рамках исполнительно-

распорядительной деятельности для регулирования поведения субъектов – участников общественных отношений, а также исследование государственного принуждения и его отличительных признаков.

Изложение основного материала. Административное принуждение является одним из методов управленческой деятельности, который применяется в различных сферах для защиты интересов общества и государства в случаях отклонения поведения от установленных правил.

По мнению Л.Л. Попова, каждой стадии развития общества свойственна собственная основа формирования методов управления. И, вместе с тем, ни одно государство не свободно в выборе методов управления делами общества и государства, где действуют объективные законы, которые невозможно игнорировать [20]. Выбор того или иного метода управления зависит от многих объективных и субъективных факторов. В теории административного права к основным методам государственного управления относят убеждение и принуждение.

Метод убеждения формирует чувство ответственности людей за свои поступки и выступает в качестве приоритетного метода управления. Метод принуждения является полностью противоположным убеждению и применяется лишь тогда, когда неэффективно убеждение. Принудительные меры со стороны государства заставляют гражданина изменить свое поведение на правомерное.

Формы государственного правового принуждения определяются правовыми нормами, и они многообразны. Это – предупредительные меры: проверка документов, осмотр, досмотр; меры, направленные на пресечение правонарушения – административное задержание, обыск и пр.; меры административного наказания; меры защиты – восстановления нарушенных прав. В теории административного права на протяжении многих лет принуждение рассматривалось только как наказание за административное правонарушение, т.е. оно отождествлялось с административной ответственностью. Не соглашаясь с таким мнением, отметим, что меры административного принуждения применяются не только за совершенные административные правонарушения, но и как меры, направленные на предупреждение и пресечение нежелательных последствий. В качестве примера можно привести меры предупредительного характера: проверку документов с целью предотвращения правонарушения, объявление карантина, ограничение движения транспорта при стихийных бедствиях. Именно данные меры применяются не в связи с административным правонарушением, а в связи с особыми обстоятельствами (эпидемии, землетрясения, наводнения) и выполняются добровольно.

Принуждение предполагает доминирование в обществе воли органа управления как властвующего субъекта, способное навязать субъекту определенный вариант поведения для достижения целей.

Характерными особенностями административного принуждения является то, что оно направлено на обеспечение правопорядка, пресечение

противоправных действий и нежелательных последствий, на исполнение установленных законом предписаний. Основной акцент в применении мер административного принуждения сделан на органы исполнительной власти. Круг органов и должностных лиц, уполномоченных применять меры административного принуждения, определен нормативными актами. Наиболее часто меры принуждения применяются органами внутренних дел, полицией, ГИБДД, ФСИН, ФАС, Роспотребнадзором, Россельхознадзором и другими органами исполнительной власти, осуществляющими контрольные и надзорные функции. Как правило, это органы исполнительной власти, осуществляющие правоохранительные функции в сфере государственного управления. Мерам административного принуждения присущ властно-принудительный характер.

Должностные лица органов исполнительной власти вправе применять к физическим и юридическим лицам предупредительные, пресекающие меры процессуального обеспечения и меры административной ответственности. При применении каждой из перечисленных мер административного принуждения может возникнуть необходимость административного усмотрения. Такая необходимость возникает чаще всего в случае обнаружения правовых коллизий административно-процессуальных норм либо в случае применения относительно определенных или альтернативных санкций, либо при диспозитивном характере административно-процессуальной нормы, либо при преодолении правоприменителями имеющихся в законодательстве пробелов [11, С. 62]. При осуществлении контрольных и надзорных функций, а также правоприменительных функций им предоставлена определенная свобода в выборе форм реагирования на совершенное административное правонарушение.

Должностному лицу предоставлены достаточно широкие границы административного усмотрения в выборе мер административного принуждения.

При отсутствии контроля вполне реальны различного рода злоупотребления и произвол со стороны должностных лиц.

В административном законодательстве в ст. 1.6 КоАП РФ закреплено, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, не может быть подвергнуто административному наказанию и мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении иначе как на основании и в порядке, установленном законом. Законодательством также установлены правовые ограничения при применении мер административного принуждения в связи с совершением административного правонарушения – не допускается решения и действия (бездействия) должностных лиц, унижающие человеческое достоинство. Если возникают нарушения прав, при применении мер административного принуждения граждане и юридические лица обладают целым арсеналом способов защиты своих прав в судебном и административном порядке.

В юридической науке к институту административного усмотрения при применении мер принуждения многие ученые относятся критически. Так,

Ю.П. Соловей отмечает, что «произвол и усмотрение потому и противостоят друг другу, поскольку опираются на соответствующую правовую основу. Ее составляют относительно-определенные нормы, применение которых требует самостоятельной оценки всех обстоятельств дела» [21, С. 9].

Некоторые ученые считают, что принуждение исключает добровольность, поскольку «оно применяется вопреки воле лица, к которому применяется, лишая его свободы проявления собственной воли, вынуждая, тем самым, к требуемому поведению» [6, С. 34]. Следует отметить, что подавляющее большинство субъектов выполняют нормы не из-за угрозы наказания, в связи с потребностью поступать правомерно. К таким мерам относятся соблюдение санитарных норм и других предупредительных мер.

Правовой основой административного принуждения являются Конституция РФ, ФКЗ «О военном положении», «О чрезвычайном положении», федеральные законы «О полиции», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Кодекс административного судопроизводства РФ, Административно-процессуальный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, Воздушный кодекс, указы Президента РФ от 28 апреля 2020 г. № 294 «О продлении мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции» и др. Особое место среди них занимает КоАП РФ, который является единственным кодифицированным актом, содержащим исчерпывающий перечень мер административного принуждения, а именно: меры административной ответственности, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Правовое регулирование мер принуждения закреплено в огромном массиве законодательства. Оно несовершенно и не кодифицировано, что позволяет сделать вывод о необходимости закрепления основы административного законодательства о применении мер принуждения в рамках подготовки нового проекта КоАП РФ в отдельном разделе. Однако многие ученые данное предложение считают ошибочным, указывая на увеличение объема Кодекса, и предлагают разработать и принять отдельный законодательный акт «Основы законодательства РФ об административном принуждении» [3, С. 88].

Административное принуждение включает разнородные по нормативно-правовому регулированию по назначению и характеру меры. Однако в науке административного права нет единого мнения по поводу классификации мер принуждения.

Вопрос о классификации мер административного принуждения в юридической литературе является самым дискуссионным. В административно-правовой науке существуют различные подходы к его решению. В 50-е годы XX ст. все меры административного принуждения были подразделены на две

группы: административные наказания и иные меры административного принуждения.

Позднее М.И. Еропкин предложил разделить их на три группы: административно-предупредительные меры; меры административного пресечения и административные взыскания [13, С. 62]. Схожей позиции относительно классификации мер принуждения придерживался и Ю.М. Козлов. Подобный подход к классификации мер административного принуждения имел бесспорную ценность, так как в его рамках обоснованно выделялась самостоятельная однородная группа мер административного принуждения – административно-предупредительные меры [1]. Однако многие представители науки не соглашались с такой классификацией, аргументируя это тем, что в классификации, предложенной М.И. Еропкиным, не содержатся меры восстановительного характера.

В современной науке административного права обосновывается классификация мер административного принуждения на четыре группы. Это – классификация, предложенная Л.Л. Поповым, согласно которой все меры административного принуждения делятся на четыре группы:

- 1) административно-предупредительные меры;
- 2) меры административного пресечения;
- 3) меры административно-процессуального обеспечения;
- 4) меры административной ответственности [20, С. 214].

В современной литературе некоторые авторы предлагают классификацию мер принуждения на пять групп:

- 1) административно-предупредительные меры;
- 2) меры административного пресечения;
- 3) меры административно-процессуального обеспечения;
- 4) меры административной ответственности;
- 5) административно-восстановительные меры [16, С. 12].

На наш взгляд, классификация, предложенная Л.Л. Поповым, наиболее актуальна. Следует также согласиться с другими авторами, считающими нецелесообразным относить меры восстановительного характера к самостоятельной группе.

В теории административного права в связи с отсутствием закрепления данных мер вопрос о выделении административно-восстановительных мер в самостоятельную группу является одним из дискуссионных. Д.Н. Бахрах, будучи сторонником выделения административно-восстановительных мер в самостоятельную группу, считает, что восстановительные меры применяются «с целью возмещения ущерба, восстановления прежнего положения вещей» [7, С. 190]. К восстановительным мерам он относит: выселение из самовольно занятой жилой площади, изъятие незаконно полученного, снос самовольно возведенных сооружений, возмещение вреда, причиненного природной окружающей среде, изъятие земельного участка при использовании участка с нарушением законодательства, лишение лицензии лиц осуществляющих

предпринимательскую деятельность, возмещение ущерба, причиненного административным правонарушением.

Таким образом, административно-восстановительные меры применяются с целью возмещения имущественного ущерба, причиненного административным правонарушением. По нашему мнению, восстановление означает возмещение материального вреда потерпевшей стороне правонарушения. Согласно ст. 4.7 КоАП РФ споры о возмещении имущественного ущерба, причиненного административным правонарушением, рассматриваются судом в порядке гражданского судопроизводства. Как представляется, данная мера носит гражданско-правовой характер. Думается, следует согласиться с Ю.М. Козловым в том, что «иногда упоминаются административно-правовые восстановительные меры принудительного характера. Но они не зафиксированы в действующих административно-правовых нормах. Кроме того, названные выше виды административно-принудительных мер в большей или меньшей степени выполняют правосстановительную функцию (особенно пресекательные и наказательные меры)» [4, С. 264].

Противники выделения административно-восстановительных мер обосновывают свою позицию тем, что такие меры характерны для гражданского, финансового, экологического права и не свойственны природе административного права.

Выводы. Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Административное принуждение можно определить как вид государственного принуждения, применяемого должностными лицами органов исполнительной и судебной власти, заключающегося в психическом и физическом воздействии на сознание и поведение физических и юридических лиц в случае отклонения их поведения от правовой модели с целью предупреждения и пресечения противоправного посягательства для того, чтобы заставить субъекта совершить те или иные действия либо воздержаться от их совершения и подчиниться установленным правоограничениям.

Принуждение как метод государственного управления используется в исключительных случаях. Меры административного принуждения применяются в силу государственной необходимости для обеспечения дисциплины и правопорядка, предупреждения и пресечения правонарушений, а также для предотвращения вредных последствий.

Основной целью метода принуждения является регулирование поведения субъектов административно-правовых отношений в интересах общества и государства. Формой проявления административного принуждения могут быть личные, имущественные, организационные ограничения.

В зависимости от основания применения существующая система мер принуждения разделена на четыре группы: предупредительные, меры пресечения, обеспечительные меры и меры административной ответственности. В административном законодательстве нередко одна и та же мера принуждения, например личный досмотр, носит многозначный характер. В

одних случаях она применяется как мера пресечения (п. 16 ст. 13 Федерального закона «О полиции», а в других – как мера предупреждения (ч. 6 ст. 14 Федерального закона «О полиции», а в-третьих – как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (ст. 27.7 КоАП РФ). Меры пресечения по содержанию схожи с обеспечительными мерами административного принуждения, но применяются также для обеспечения применения иных мер административного принуждения (восстановительных и карательных).

В разных ситуациях одна и та же мера может рассматриваться как мера предупредительная или мера пресекающая, либо может иметь несколько целей. Соглашаясь с Е.В. Овчаровой, можно сделать вывод о том, что КоАП РФ не отграничивает нормы об обеспечительных мерах от норм о пресекающих мерах. Сложившаяся ситуация требует разъяснений для недопущения ошибок при применении этих мер на практике [17, С. 44].

Как известно, административное принуждение урегулировано нормами административного права. Меры административного принуждения закреплены во множестве законов и подзаконных актов. Однако отсутствует единый правовой акт, который закрепил бы исчерпывающий перечень мер административного принуждения. В связи с этим сложилось научно обоснованное мнение о необходимости принятия отдельного Федерального закона «Об административном принуждении в РФ», в котором будут сформулированы: классификация мер принуждения; общие принципы применения мер административного принуждения; процедура применения мер принуждения, а также исчерпывающий перечень мер административного принуждения. И как было сказано на состоявшейся в 2022 году конференции в Институте государства и права Российской академии наук Российской Федерации «Лазаревские чтения», административная наука требует фундаментальных изменений [19, С. 121].

Список литературы

1. Агамагомедова С.А. Взгляды И.А. Галагана на административное принуждение и административную ответственность: современное понимание / С.А. Агамагомедова // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2023, № 2 (53). – С. 190-194.
2. Административное право: учебник / под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. – 2-е изд. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2016. – 991 с.
3. Административное принуждение / отв. ред. Л.В. Стадзонь. – М.: Проспект, 2021. – 320 с.
4. Алехин А.П. Административное право Российской Федерации / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1998. – 671 с.
5. Ардашкин В.Д. Меры защиты (пресечения) в Российском административном праве / В.Д. Ардашкин // Административное и муниципальное право. – 2016. – № 10. – С. 193-197.

6. Базылев Б.Т. Сущность позитивной юридической ответственности / Б.Т. Базылев // Правоведение. – 1979. – № 4. – С. 34-38.
7. Бахрах Д.Н. Административное право / Д.Н. Бахрах. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2011. – 622 с.
8. Бобов В.И. Виды и основания применения мер административного пресечения к иностранным гражданам и лицам без гражданства / В.И. Бобов // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2018. – № 1. – С. 14-17.
9. Гапонов О.Н. Проблемы применения мер обеспечения при производстве по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок / О.Н. Гапонов; Брянский фил. Гос. образовательного учреждения высш. проф. образования «Московский ун-т МВД России». – Брянск: Брянский фил. МосУ МВД России, 2007. – 171 с.
10. Гапонов О.Н. Реализация мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок / О.Н. Гапонов // Вестник Управления судебного департамента мировых судей. – 2017. – № 2. – С. 206-209.
11. Головина (Гапон) Ю.П. Административное усмотрение при применении мер принуждения органами исполнительной власти / Ю.П. Головина (Гапон) // Административное право и процесс. – 2022. – № 6. – С. 62-67.
12. Драгун В.А. Меры административного пресечения, применяемые органами внутренних дел / В.А. Драгун // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 336-339.
13. Еропкин М.И. О классификации мер административного принуждения / М.И. Еропкин // Вопросы административного права на современном этапе. – М.: Госюриздат, – 1963. – С. 60-68.
14. Зенкова Т.В. Меры административного пресечения, применяемые сотрудниками полиции, как средство охраны российского правопорядка / Т.В. Зенкова // Наука и право. – 2017. – № 4. – С. 19-21.
15. Кушнарченко С.Н. Сущность мер административного пресечения: правовой аспект / С.Н. Кушнарченко // Конституционное и административное право. 2017. – № 8. – С. 452-455.
16. Общее административное право: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2017. – 820 с.
17. Овчарова Е.В. Пресекательные и обеспечительные меры и административного принуждения в производстве по делам об административных правонарушениях законодательства о налогах и сборах: дихотомия или сходство / Е.В. Овчарова // Административное право и процесс. – 2019. – № 1. – С. 44-48.
18. Орлов В.Д. Меры защиты (пресечения) в Российском административном праве / В.Д. Орлов // Административное право. – 2016. – № 8. – С. 163-171.
19. Побежимова Н.И. К вопросу об административных правонарушениях и административных наказаниях / Н.И. Побежимова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 2. – С. 121-128.

20. Попов Л.Л. Ренессанс государственного управления в России : избранное / Л.Л. Попов. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2015. – 366 с.
21. Соловей Ю.П. Усмотрение в административной деятельности советской милиции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12 2.00.02 / Соловей Юрий Петрович; [Место защиты: Моск. высшая школа милиции МВД СССР]. – М., 1982. – 24 с.
22. Тюрин В.А. К вопросу о понятии мер административного пресечения в системе административного принуждения / В.А. Тюрин // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 7. – С. 65-67.
23. Юсупов В.А. Теория административного права / В.А. Юсупов. – М.: Юрид. лит., 1985. – 160 с.

УДК 342.22

А.Н. Гридин, канд. истор. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, директор межрегионального юридического института, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: Gridin_pol@mail.ru)

ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

В данной статье рассматриваются теоретические, концептуальные положения о сущности и правовой конструкции процесса формирования основ демократического правового государства, а также определения эффективности конституционно-правовых отношений, связанные с разработкой и реализацией стратегии строительства в России правового социального государства.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, политико-правовые режимы, государственная власть, право, демократия, эффективность.

Gridin, A.N.

LEGAL CONDITIONS FOR THE EFFECTIVE FUNCTIONING OF THE WELFARE STATE

This article discusses theoretical and conceptual provisions on the essence and legal structure of the process of forming the foundations of a democratic rule of law, as well as determining the effectiveness of constitutional and legal relations related to the development and implementation of a strategy for building a legal social state in Russia.

Key words: state, civil society, political and legal regimes, state power, law, democracy, efficiency.

Проблема эффективного функционирования государства является предметом исследования многих отечественных и зарубежных научных деятелей. В отечественной теории государства и права также имеется много монографических работ, посвященных эффективности правовых норм,

механизма действия права, правового регулирования. Однако вопросы, связанные с эффективностью функционирования социального государства и влиянием на нее права, в трудах отечественных ученых не получили столь глубокого теоретического анализа. В связи с этим, рассмотрение проблем оптимального функционирования социального государства, а также определение условий, создающих предпосылки для эффективного осуществления таким государством своей деятельности, приобретают очевидную значимость и актуальность, как в теоретическом, так и в практическом плане.

Анализ научных исследований. Различные стороны, грани, аспекты политического режима и его функционирования, так или иначе, соприкасаются практически все юристы, работающие в области общей теории государства и права, конституционного и административного права, других отраслях юридических наук: О.Ю. Еремина, О.Е. Кутафин, Г.М. Лановая, В.В. Лазарев, В.М. Манохин, А.В. Мицкевич, А.В. Молодцова, А.С. Палазян, Т.Н. Радько, Р.А. Ромашов, В.П. Сальников, М. В. Саудаханов, В.Н. Синюков, Т.С. Соболев и др.

Вышеперечисленные ученые с различных точек зрения и в разные периоды рассматривали правовые условия, при которых эффективно функционирует социальное государство.

Цель статьи – провести анализ гражданско-правовых отношений образовательных организаций в Российской Федерации.

Целью исследования является определение концептуальных основ эффективного функционирования государства в условиях социально-экономических и политико-правовых изменений и степень результативности государственного воздействия на различные сферы общественной жизни в Российской Федерации.

Результаты исследования. В условиях постоянных социально-экономических и политико-правовых изменений, оказывающих существенное влияние на российское общество, повышается значимость решения задач, связанных с формированием правовой государственности, укреплением дисциплины и правопорядка, гарантированием прав и свобод человека, а также созданием условий для эффективного функционирования социального государства. Достижению указанных целей, как правило, во многом способствует адекватное использование государством правового инструментария, находящегося в его руках. В силу этого большое значение приобретает решение вопроса о том, при каких правовых условиях достижение важных для государства целей оказывается максимально эффективным.

Государство также не может считаться социальным, если в нем не обеспечивается эффективное действие специфического по своему содержанию права, и в этой связи закономерно оказывается постановка вопроса о правовых условиях эффективного функционирования социального государства. Рассмотрение интересующего нас вопроса следует начать с определения понятия «эффективность». В зависимости от сферы научного знания можно

выделить множество подходов к определению названного понятия, что связано, прежде всего, с многоаспектностью и сложностью того явления, которое за ним скрывается.

Так, например, в политологических исследованиях эффективность определяется как результат реализации властью своих функциональных обязанностей в различных сферах общественной жизни. Широкое использование термина в экономических науках привело к тому, что было выработано определение, в рамках которого эффективность интерпретируется как достижение поставленных целей с минимально возможными издержками и затратами, обеспечиваемое преимущественно последовательным и обоснованным распределением ресурсов, необходимых для достижения этих целей. Необходимо отметить, что термин «эффективность» органично включен в аппарат юридической науки. Так, например, Р.А. Ромашов определяет эффективность как «результативное воздействие образующих аппарат государственной власти структурных институтов на общественные отношения, складывающиеся в рамках самой социальной системы» [10, С. 119].

О.Ю. Еремина под эффективностью государственного управления в социальной сфере понимает «степень достижения правовыми средствами зафиксированных в юридической форме целей государственной политики» [4, С. 11].

Таким образом, эффективность функционирования государства определяется характером и степенью результативности государственного воздействия на различные сферы общественной жизни. При этом основной целью такого воздействия является удовлетворение социально-значимых потребностей граждан, а значимыми инструментами – правовые средства, находящиеся в распоряжении государства. Сказанное в полной мере справедливо в применении к социальному государству.

Эффективным функционирование социального государства может быть только тогда, когда созданы условия, способствующие гармоничному и сбалансированному развитию современного общества. К числу наиболее значимых правовых условий следует отнести, во-первых, гарантированность права на достойную жизнь и свободное развитие человека, во-вторых, формирование и развитие гражданского общества, в-третьих, высокий уровень правовой защищенности отдельных категорий граждан и, в-четвертых, обеспечение функционирования механизма реализации прав и свобод человека. Необходимо отметить, что как на законодательном, так и на доктринальном уровне отсутствует общепризнанное толкование сущности и содержания понятия «достойная жизнь».

Однако декларирование Конституцией Российской Федерации положения о том, что политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, определяет стратегическое направление правовой политики России как современного социального государства. Право на достойную жизнь, как справедливо полагает М.В. Саудаханов, представляет собой сложное, полиморфное явление, которое

включает в себя определенный уровень духовно-культурного развития, самореализации и защищенности [11].

Ключевым в характеристике данного права является достойное материальное обеспечение граждан, соответствующее необходимому уровню развития современного общества и государства, а также возможность обладать и пользоваться социальными благами, представляющими культурные и правовые ценности. Стоит отметить, что реализация рассматриваемого условия определяется двумя факторами. С одной стороны, государство берет на себя обязательство не только признавать и декларировать соблюдение и защиту прав и свобод человека, но и предпринимать реальные меры, обеспечивающие осуществление прав и свобод человека на практике, гарантировать реализацию прав и свобод. С другой стороны, государство, задавая границы правового поля, определяет рамки, позволяющие человеку развешивать свою активность, а реализация своего потенциала, в том числе экономического, осуществляется каждым самостоятельно (будет ли человек пользоваться своими правами – зависит в итоге от него самого, а не от государства).

Гарантирование права на достойную жизнь может быть осуществлено только в условиях поддержания правового равенства, а также взаимной ответственности государства и человека, государства и общества. Так, например, устанавливая законодательные ограничения властного вмешательства в различные сферы общественной жизни, государство определяет пределы своей экспансии и гарантирует отсутствие такого вмешательства в жизнь человека, которое бы препятствовало самостоятельной реализации личностного потенциала. Мера свободы личности, в свою очередь, также определена правовыми предписаниями, и может быть ограничена в случае их нарушений. Описывая второе условие, необходимо отметить, что современное гражданское общество представляет собой сложное институциональное образование, основными принципами построения и функционирования которого являются самоорганизация, самоидентификация, юридическое равенство и экономическая свобода.

Как правило, важной задачей и для государства, и для гражданского общества является признание прав и свобод человека и гражданина, а также создание условий для их эффективной реализации. В связи с этим организация взаимодействия между государством и гражданским обществом, а также обеспечение возможности оптимального функционирования последнего является одним из основных критериев, определяющих эффективность осуществления государственно-правовой политики. Одним из важных условий оптимального функционирования гражданского общества выступает признание существования наряду с правом, поддерживаемым и обеспечиваемым государством, такой негосударственной формы права, которую в специальной литературе принято называть «правом гражданского общества» [6, С. 39].

Признание методологического плюрализма базовой идейной парадигмой, лежащей в основе исследования государственно-правовых явлений, позволяет говорить не только о существовании права гражданского

общества, но и о специфичности его предназначения, которое проявляется в реализации функций саморегуляции, социальной интеграции и координации [8, С. 99].

Следует отметить, что право гражданского общества представляет собой сложное сочетание различных форм негосударственного права, функционирование которых обеспечивается «встраиванием» в среду государственного права. Возможность существования права гражданского общества в настоящее время обеспечивается развитием локализованных форм организации и интеграции людей, основной целью которых является удовлетворение общих потребностей и интересов. Позиционирование себя в качестве конструктивной оппозиции государственной власти обуславливает потребность гражданского общества в сдерживании расширения экспансии государственной власти и в обеспечении реализации притязаний негосударственных субъектов права посредством «превращения» их в права.

Взаимодействие государства и гражданского общества, как правило, регулируется по принципу обратной связи. Так, государство, определяя границы правового воздействия на различные сферы общественных отношений, предоставляет гражданскому обществу рычаги влияния на институты государственной власти. Гражданское общество, в свою очередь, задавая параметры функционирования государства, обеспечивает возможность своей автономизации и делает действие права гражданского общества наиболее эффективным при сохранении доминирования государственного права. Еще одним значимым условием оптимального функционирования гражданского общества является высокий уровень правовой активности граждан. Основной идейной установкой гражданского общества является обеспечение признания притязаний индивида, а также его интеграции в правовое пространство. Это, в свою очередь, оказывается возможным только посредством выстраивания стратегических линий поведения, направленных на приобретение новых прав, и создание механизма использования существующих правовых возможностей.

Следует отметить, что основной целью правовой политики российского государства как социального является реализация комплексной политико-правовой стратегии создания благоприятных условий для самореализации и самоидентификации личности, расширения экономической свободы, обеспечения равноправия, а также социальной справедливости. Тактически реализация данной стратегии сопровождается, среди прочего, преодолением деформации правосознания современного общества. Деструктивное отношение к праву, негативное отношение к правовой действительности обуславливают неадекватное представление о правовой жизни общества и оказывают ощутимое влияние на выстраивание гражданами линий своего правового поведения. В связи с этим необходимо отметить, что обеспечение реализации рассматриваемого условия осуществляется, прежде всего, мерами идеологического характера. Использование обозначенных мер в рамках реализации названной стратегии объясняется необходимостью нивелирования

традиционных для отечественного правосознания представлений о взаимоотношениях общества, личности и государства.

Следующим условием эффективного функционирования социального государства является высокий уровень правовой защищенности отдельных категорий граждан. Подразумевается, что отдельные категории граждан в силу своих индивидуальных особенностей не могут в полном объеме реализовывать предоставленные им права. Такие лица, как правило, оказываются в неодинаковом, в сравнении с другими, положении, и реализация их прав и свобод нуждается в дополнительных обеспечительных мерах со стороны государства. В настоящее время проблеме правовой защищенности социально уязвимых категорий граждан со стороны органов государственной власти уделяется большое внимание. Так, например, одним из компонентов социально-экономической политики российского государства является создание благоприятных условий для гармоничного развития детей и обеспечение функционирования системы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Реализация данного компонента социально-экономической политики предполагает, во-первых, совершенствование законодательства в сфере обеспечения и защиты прав детей, во-вторых, координацию деятельности органов государственной власти и общественных организаций в вопросах реализации государственной политики в интересах детей, а также социально-правовой поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей-инвалидов и безнадзорных детей, в-третьих, обеспечение установленного порядка судебной защиты прав и законных интересов детей, а также дружественного к ребенку правосудия и системы исполнения наказаний, в-четвертых, принятие мер по совершенствованию системы профилактики правонарушений и установление факторов, оказывающих существенное воздействие на выстраивание несовершеннолетним линии своего правового поведения. Необходимо отметить, что проблеме защиты социально уязвимых категорий граждан большое внимание уделяет Следственный комитет Российской Федерации. Так, в частности, Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин обозначил, что «особое значение для Следственного комитета имеет защита прав социально уязвимых групп граждан, в первую очередь детей. И с любым преступным насилием в отношении несовершеннолетних мы совместно с институтами гражданского общества ведем непримиримую борьбу» [3].

В рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» особое внимание Следственным комитетом Российской Федерации уделяется проблеме социальной адаптации, интеграции, реабилитации, обеспечению права на благоустроенное жилое помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также своевременному применению уголовно-правовых мер при выявлении злоупотреблений должностных лиц в рамках обеспечения данной категории детей жилым помещением. Четвертым

условием функционирования социального государства следует признать обеспечение функционирования механизма реализации прав и свобод человека. На ментальном уровне в отечественном правосознании коренится идея о том, что права и свободы человека – это высшая культурная ценность, определяющая характер взаимоотношений государства с личностью как субъектом права. Права и свободы человека предстают в качестве иллюзорного фантома в том случае, если отсутствуют надлежащие средства их реализации. В связи с этим юридическое гарантирование прав и свобод человека является необходимым условием практического воплощения им собственных притязаний. Механизм реализации прав и свобод представляет собой совокупность правовых инструментов, посредством которых оказывается возможным воплощение правовых предписаний юридических норм в конкретном поведении индивида. Благодаря эффективному функционированию механизма реализации прав и свобод, основные ценности, закрепленные в действующих нормативных правовых актах, из возможностей трансформируются в конкретные блага.

При изучении проблем реализации конституционно-правовых гарантий в России исследователь М.А. Иванова выделяет проблемы реализации принципов бесплатности и общедоступности образования. Так, автор обращает внимание на неправомерность взимания денежных сборов с родителей учащихся общеобразовательных организаций. Несмотря на конституционно закрепленную гарантию права на бесплатное образование, родители школьников ежедневно сталкиваются с необходимостью оплаты сборов на их обучение и организацию мероприятий, проводимых школой, а также на покупку учебных пособий. Данная практика противоречит как статье 43 Конституции РФ, так и положениям Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [5, С. 296].

Кроме того, исследователь обращает внимание на проблему нехватки мест в детских садах для удовлетворения существующего спроса, отмечая противоречивость судебных решений при определении вопроса ответственности муниципальных органов в связи с возникновением очереди в образовательные организации дошкольного образования. Для решения указанной проблемы М.А. Иванова предлагает вынести вопрос об ответственности органов местного самоуправления на решение Верховного суда для принятия окончательного разрешения [5, С. 290].

Подобное предложение представляется эффективным средством облегчения защиты права граждан на получение общедоступного дошкольного образования.

Для решения первой проблемы следует ужесточить контроль за неправомерным сбором денежных средств с родителей школьников. Данный контроль должен быть направлен на установление причины недостатка финансов образовательного учреждения, выделение дополнительного финансирования при необходимости, а также применение соответствующих

санкций за нарушение установленных норм права в отношении администрации образовательного учреждения.

При рассмотрении порядка реализации конституционной гарантии на предоставление в бесплатном порядке или по доступной цене жилища малоимущим гражданам и нуждающимся в жилище А.В. Молодцова отмечает следующие проблемы в данной области [7, С. 317].

1. Сложность справедливого и обоснованного выделения категорий граждан, имеющих право на получение социального жилья. Исследователь обращает внимание на сужение категорий граждан, имеющих право на передачу жилых помещений по договору социального найма. Данное сокращение прослеживается в сравнении Жилищных кодексов РФ и РСФСР. При рассмотрении тенденции Анна Валерьевна отмечает, что Конституционный суд неоднократно подчеркивал невозможность государства произвольно отказаться от взятых на себя публично-правовых обязательств. В связи с чем, сокращение списка данной категории лиц автором определяется как конституционное правонарушение.

2. Возникновение очередности среди граждан, нуждающихся в предоставлении социального жилища как нарушение принципа недискриминации, установленного статьей 19 Конституции. Рассматривая сложившуюся практику реализации гарантии малоимущих и нуждающихся граждан на получение жилья, Анна Валерьевна отмечает несправедливость очередности реализации данного права как предоставление жилища «не тому, кто имеет право, а тому, кто успел первым встать в очередь». На наш взгляд, данное суждение не является юридически верным т.к. очередность возникает в связи с недостатком социального жилого фонда и базируется на времени возникновения соответствующих юридических фактов, а именно времени изъявления воли гражданина на предоставление ему социального жилья.

Тем не менее, проблема очередности действительно имеет место быть, и для ее решения видится необходимым ввести более эффективную политику ускорения строительства социального жилого фонда для предоставления жилья гражданам. Что касается сокращения категорий граждан, имеющих право на социальное жилье, следует не столько закрепить конкретные категории, сколько определить критерии, при наличии которых граждане имеют право на получение жилья. В частности, необходимо закрепить определение понятия гражданина, нуждающегося в жилье. Сама исследователь предлагает ввести механизм государственной жилищной сертификации в целях решения указанных проблем, а также для учета фактора дифференцированности стоимости жилья; установления более справедливой денежной формы нормирования качества жилого помещения; вовлечения в жилищный фонд объектов вторичного рынка жилья и в целях предотвращения коррупции в государственной и муниципальной деятельности [9, С. 310].

Проблемы реализации ключевой конституционной нормы, определяющей социальную роль Российской Федерации – статьи 7 Конституции РФ, в соответствии с которой государство стремится создать

условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека [2]. Как отмечает автор статьи «Уровень жизни населения России: современный взгляд на действительность» Т.С. Соболев «Определение понятия «достойный уровень жизни» не упоминается ни в одном нормативно-правовом акте в Российской Федерации. Вместо этого фактическим мерилom достойной жизни населения России выступает такое понятие, как прожиточный минимум. Он подразумевается как стоимостная оценка потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы. В то же время размер прожиточного минимума рассчитывается из величины средств, необходимых на оплату услуг ЖКХ и приобретение минимального набора продуктов» [12, С. 12].

Для сравнения можно рассмотреть, что предполагается под достойным уровнем жизни в международном праве. Так, статьей 22 Всеобщей декларации прав человека закреплено, что «каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной сферах через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства» [1]. В силу положений п. 4 ст. 15 Конституции общепризнанные принципы и нормы международного права, и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Тем не менее, очевидно расхождение смысла понятия «достойный уровень жизни» в национальном и международном праве. Так, в России этот уровень измеряется, исходя из удовлетворения базовых потребностей человека, и фактически определяет уровень на грани нищеты. При этом он не обеспечивает защиту человека при возникновении каких-либо непредвиденных обстоятельств в жизни. Как ни прискорбно это звучит, но порой таким обстоятельством может выступать даже элементарная покупка предмета одежды на зиму. В связи с чем приравнивание достойного уровня жизни человека и обеспечение базового уровня, необходимого для его выживания, очевидно, не является адекватным. На основании чего можно согласиться с Соболев Т.С. и придерживаться мнения, что термин «достойный уровень жизни» должен быть раскрыт должным образом [12, С. 10].

Также можно рекомендовать, что его понятие следует закрепить в Конституции РФ и сформулировать на основании понятий возможности развития личности человека, реализации его прав в экономической и культурной сферах. Под достойным уровнем жизни следует закладывать идеал личности, которая направляет свою активную деятельность уже не только для того, чтобы выжить, но, чтобы развиваться духовно и культурно. Безусловно, подобное добавление потребовало бы пересмотра всей социальной политики в целом, однако оно необходимо для достижения основных благ современного человечества на национальном уровне [9, С. 55].

Следует отметить, что основной целью реализации прав и свобод человека является объективация идеальной модели какого-либо правового явления. Достижение данной цели обеспечивается, во-первых, созданием

необходимых условий, при которых человек потенциально может воспользоваться любым правом, признаваемым государством, во-вторых, гарантированием возможности каждого защищать свои права и свободы всеми способами, которые не запрещены законом, в-третьих, обеспечением каждому субъекту права на защиту его интересов от государственно-властного произвола. Так, например, лицо, самостоятельно иницируя процедуру защиты собственных прав и интересов в рамках судопроизводства, как правило, нуждается в дополнительных обеспечительных мерах со стороны государства, и, прежде всего, речь идет об обязательствах, которые берет на себя государство для защиты прав и свобод человека от нарушений.

Значимость механизма реализации прав и свобод человека определяется степенью его эффективности, повышение которой во многом зависит от качественной характеристики структурно-содержательных элементов, входящих в названный механизм, а также создания условий для их конструктивного использования. В качестве таких условий можно выделить, во-первых, формирование у субъекта правовых установок, ценностных ориентиров, а также позитивного отношения к праву и правовой реальности, во-вторых, развитие публичных институтов, основной сферой деятельности которых является обеспечение законных прав и свобод человека, в-третьих, принятие государством на себя обязательств по совершенствованию осуществления контрольно-надзорной функции в сфере обеспечения и юридического гарантирования реализации прав и свобод человека, в-четвертых, качественное преобразование системы правовых средств воздействия на общественные отношения.

Выводы. Таким образом, развитие социального государства определяется не только целями правовой политики и оптимизацией правового инструментария, используемого при ее осуществлении, но и наличием благоприятных обстоятельств, способствующих его эффективному функционированию. В условиях именованного российского государства правовым, укрепления дисциплины и правопорядка, а также гарантирования и обеспечения прав и свобод человека чрезвычайно значимой как в теоретическом, так и практическом плане оказывается проблема правовых условий эффективного функционирования социального государства. К числу таких условий следует отнести, во-первых, гарантированность права на достойную жизнь и свободное развитие человека, во-вторых, формирование и развитие гражданского общества, в-третьих, высокий уровень правовой защищенности отдельных категорий граждан и, в-четвертых, обеспечение функционирования механизма реализации прав и свобод человека.

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1995. – № 67.

2. Конституция Российской Федерации (с комментариями Конституционного Суда РФ). – М.: Проспект, 2020. – 120 с.
3. Бастрыкин А.И.: Мы немедленно реагируем на каждый факт насилия в отношении детей // Российская газета. – 23.01.2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/01/23/bastrykin.html> (дата обращения: 11.03.2023).
4. Еремина О.Ю. Теоретико-правовые основы оценки эффективности государственного управления в социальной сфере [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Еремина, Ольга Юрьевна. – Москва, 2020. – 158 с.
5. Иванова М.А. Проблемы реализации конституционно-правовых гарантий получения общего и профессионального образования // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. 2018. – № 18. – С. 287-296.
6. Лановая Г.М. Функциональная характеристика права гражданского общества [Текст] / Г.М. Лановая // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 3. – С. 79-82.
7. Молодцова А.В. Проблемы реализации конституционного права на жилище малоимущими и иными льготными категориями граждан в России / А.В. Молодцова // Конституционно-правовые механизмы защиты прав человека и гражданина в России и мире. 2019. – С. 307-317.
8. Палазян А.С. Современное право: функциональный аспект [Текст]: монография / А.С. Палазян. – Москва : Московский университет МВД России, 2009. – 383 с.
9. Романовская О.В. Проблемные аспекты реализации конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / О.В. Романовская // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2020. – Т. 8. – № 2 (30). – С. 52-59.
10. Ромашов Р.А. Эффективность как критерий оценки социальной ценности системы государственной власти [Текст] / Р.А. Ромашов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2003. – № 2. – С. 119-123.
11. Саудаханов М.В. Человек и его право на достойную жизнь / М.В. Саудаханов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – № 3. – С. 44-46. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-ego-pravona-dostoynuyu-zhizn> (дата обращения: 14.02.2023).
12. Соболев Т.С. Уровень жизни населения России: современный взгляд на действительность // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: экономика и управление. 2020. – № 3 (34). – 7-12.

УДК: 343.148:81

А.А. Дмитриева, ст. преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: AnnaFr83@mail.ru)

ЮРИДИЗАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ И ТЕКСТАХ ЗАКОНА

В статье рассматривается процесс вхождения естественного языка в юридические тексты, выявляются особенности юридизации естественного языка как ядра социальной коммуникации. Исследуется семантизация языковых единиц в текстах закона. Анализируются слова, выражения и конструкции, которые приобретают юридическую значимость в контексте правовых документов. Подчёркивается пересечение юриспруденции и лингвистики в сфере действия языка и права.

Ключевые слова: юридизация, юридлингвистика, юридические термины, естественный язык, тексты закона.

Dmitrieva, A.A.

THE LEGITIMIZATION OF NATURAL LANGUAGE IN THE LEGAL SYSTEM AND THE TEXTS OF THE LAW

The article examines the process of natural language entering into legal texts, identifies the features of the legitimization of natural language as the core of social communication. The semantics of linguistic units in the texts of the law is investigated. The words, expressions and constructions that acquire legal significance in the context of legal documents are analyzed. The intersection of jurisprudence and linguistics in the sphere of language and law is emphasized.

Key words: legal studies, legal linguistics, legal terms, natural language, texts of the law.

Актуальность темы исследования. Функционирование естественного языка подлежит юридическому регулированию. Речевые действия оказываются средством осуществления различных правонарушений. Язык становится объектом следственных действий, судебной лингвистической экспертизы и судебного разбирательства.

Рядовые законопослушные граждане, которые не владеют юридическим языком, обыденно толкуют тексты закона. Они сводят специальные смыслы слов и выражений к обычным. По этой причине возникают серьёзные конфликты в юридическом функционировании языка в обыденной сфере.

Преобразование естественного языка в юридический предполагает преодоление множественных интерпретаций речевых произведений, что необходимо для успешной правовой коммуникации.

Юридизация естественного языка в правовой системе и текстах закона обладает высокой научной актуальностью, поскольку требует правильных методологических подходов к исследованию правового языка.

Анализ научных исследований. Российская юридическая литература относит правовой язык к особому виду литературного языка.

Лингвистика – интегративная наука. Е.С. Кубрякова в своих исследованиях говорит о том, что в настоящее время лингвистика характеризуется принципами функционализма, экспланатарности, антропоцентризма, экспансионизма. Языкознание изучает функционирование языка в различных сферах (юридической, политической, психологической и т. д.).

Н.Д. Голев изучал юридизацию естественного языка как лингвистическую проблему [6].

В последние десятилетия специфика юридического языка привлекла внимание как лингвистов, так и юристов за рубежом. Так, проф. А.Н. Баранов изучал развитие юридической лингвистики в Германии, Э.В. Будаев, С.В. Власенко – в Соединенных Штатах и других англоязычных странах.

Российские ученые вносят значительный вклад в развитие юридической лингвистики (Л.А. Араева, Л.О. Бутакова, С.В. Доронина, Г.С. Иваненко, Е.С. Кара-Мурза, П.А. Катышев, Н.Б. Лебедева, О.Н. Матвеева, В.А. Мишланов и другие) [11, С. 83].

Проблему юрислингвистики рассматривали в своих научных трудах К.И. Бринёв [2], Е.И. Галяшина [4], А.В. Алымова [1], Я.В. Полякова [11].

Цель исследования – изучить процесс вхождения естественного языка в юридические тексты, выявить особенности юридизации естественного языка как ядра социальной коммуникации.

Изложение основного материала. Естественный и юридический языки взаимодействуют между собой. Естественный язык – объект правового регулирования. Он осуществляет правовую деятельность и является основным средством воплощения её результатов. С точки зрения права, язык представляет собой основу социальных конфликтов разного рода, которые обычно происходят, когда язык используется носителями в каких-либо социальных ситуациях. Зачастую эти ситуации являются частью тех или иных законов.

Юридизироваться могут отношения в сфере искусства, религии, культуры и других сферах общественной жизни. Важным видом социального взаимодействия, которое возникает при использовании естественного языка, являются коммуникативные отношения. Из-за большого количества конфликтных ситуаций, которые решаются только при привлечении внешних институтов, возникает потребность в правовом регулировании. Общество и его отдельные члены должны ориентироваться на определённое поведение в соответствии с законами права. За неисполнение законов институт права предусматривает определённую ответственность.

Любой коммуникативный акт может закончиться конфликтом. Всякое высказывание может содержать в себе недопонимание или какое-то двусмысленное понимание. К юридическому разбирательству может привести каждый речевой акт или речевое поведение. Неоднозначное толкование того или иного юридического текста может привести к судебным спорам. Возникает необходимость по документальным и информационным спорам привлекать

лингвистов-экспертов. Естественным образом избежать конфликтов можно следуя орфоэпическим, стилистическим, этическим и другим нормам.

Существуют аспекты речевой конфликтологии, которые являются конфликтогенными, потому что существуют естественные противоречия самого языка. Эти противоречия являются необходимым способом существования и нуждаются в урегулировании.

Разрешение конфликтных ситуаций выходит за рамки естественного языка и пересекается с областью морали, закона, языковой культуры, профессионализма специалистов.

Вследствие юридикации конфликтных ситуаций предотвращаются конфликты. Коммуникативные конфликты препятствуют развитию работы любой отрасли и нуждаются в правовой корректировке. Язык может быть источником не только добра, но и зла. Таким образом, он тоже имеет нужду в координации на уровне закона.

Язык регулирует социальные отношения. Он разрешает или запрещает использовать определённые языковые средства (закон о рекламе, о государственном языке и т. д.). Когда язык выступает в роли объекта собственности, и возникает необходимость предотвращения речевого плагиата – он является языком регулирования. Язык обслуживает коммуникацию в правовой сфере. На его основе строится законодательная деятельность. Очевидным становится то, что язык – объект юридического упорядочивания в разных сферах человеческой деятельности. [8, С. 47].

Когда языковые единицы попадают в тексты законов, они обретают особые юридические смыслы. Происходит процесс юридикации. Это сложный и многогранный процесс. Юридический язык не может полностью вытеснить естественный. То есть, юридикация не может быть абсолютной. В любом случае в юридическом тексте будут сохраняться элементы естественного языка. Даже максимально терминологизированные тексты закона, в которых слова естественного языка нежелательны, не могут существовать без общеупотребительных слов.

Закон рассматривается на различных уровнях. Например, в местных постановлениях юридикация будет проявляться в меньшей степени по сравнению с текстом Конституции. Юрислингвистика призвана выявить этот минимум естественного языка и приблизить его к терминам. То есть сделать этот смысл более строгим, чтобы он не выходил за рамки научной речи.

Более регулярно проявляется естественный язык в текстах служебной переписки, которая создаётся профессиональными юристами. По сравнению с текстами, созданными неспециалистами, но имеющими юридическую направленность, частота употребления естественных языковых единиц ниже. Стил и лексика таких текстов зачастую представляет собой обыденные представления носителей языка о юридикации.

Тексты, попавшие в юридическую среду по объективным причинам, содержащие инвективную лексику, которая нуждается в лингвистической экспертизе, например дела о словесном оскорблении личности, лишь

соприкасаются с юридизацией. Чтобы закон начал действовать в таких текстах, необходимо перевести естественный язык в правовую сферу.

Юридическая терминология находится на пересечении языка и права. Это сложное и неоднородное явление. Одно и то же слово на шкале инвективности может очень легко менять своё место. Это может происходить в разных ситуациях и контекстах, по отношению к разным лицам. Эмоционально-экспрессивная лексика постоянно обновляется. Часто меняются функционально-стилистические и смысловые принципы. Качество и степень инвективности также меняются.

Особого внимания в юрислингвистической инвектологии заслуживает фактор внутренней формы. Он является центральным. Коммуникативная реальность даёт возможность автору использовать внутреннюю форму для осуществления разных целей. Значимость внутренней формы даёт автору-обидчику возможность говорить об отсутствии инвективного замысла и утверждать, что второй стороне вовсе не обязательно обижаться. Доказать, что на самом деле всё было именно так, как утверждает обидчик, с юрислингвистической стороны, достаточно сложно. Обосновать принципы анализа внутренней формы не так просто, так как может иметь место внушение ложного образа.

Юридический текст включает в себя термины, общеупотребительную лексику и грамматические связки, и формы. Язык права должен быть понятен народным массам. Решающую роль здесь играют общенародные слова. Законодатель должен пользоваться простотой словарного запаса, чтобы обеспечить общедоступность закона. Это говорит о том, что термины, которые употребляются в законе, должны быть ясными, чёткими и доступными для разных слоёв населения.

Следует отметить, что общий смысл текста влияет на каждую его часть. В юридическом тексте выражается идея и воля законодателя. Такой текст вводится в общий контекст, вследствие чего происходит формирование внутренних отношений всех языковых элементов. Взаимодействие естественного и юридического языков в таких текстах предусматривает, например, ориентировку на присяжных заседателей, не имеющих специальных знаний. В п.8 ст.339 УПК РФ говорится о том, что формулировка вопроса должна быть понятной для присяжных заседателей. Выступления представителей обвинения, защиты и суда должны быть понятны для рядового гражданина. Юридические термины не должны затруднять понимание того или иного вопроса, а наоборот – обеспечивать осмысление и адекватное восприятие всего того, что происходит в судебном заседании. Деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, должно быть рассмотрено на разных языковых уровнях в доступных и простых языковых единицах [8, С. 50].

В юридической речи используется жёсткая семантизация языковых единиц. Текст закона пишется на современном русском литературном языке и должен быть понятен для всех носителей этого языка. Для того чтобы граждане были законопослушными, необходимо обеспечить понимание этого закона.

Таким образом, к законодательной технике предъявляются особые требования, направленные на ясность и понимание юридической речи всеми слоями населения. В обществе сложился некий стереотип: закон выражает волю народа и должен быть доступен народу.

Во всех юридических документах большое значение имеет ясность, точность и понятность выражения. В то же время, если постоянно упрощать юридический язык для достижения уровня неспециалистов, можно выйти за рамки дозволенного. Это приведёт юридические тексты к упрощению в языковой сфере, что может негативно сказаться на законодательной речи. Таким образом, не стоит полностью подстраиваться под уровень присяжных, а целесообразнее повышать уровень правового сознания и юридической образованности граждан. То есть, и юридический, и естественный язык должны фигурировать в текстах закона, не выходя за рамки, установленные специалистами.

Слова, выражения и конструкции естественного языка могут приобретать юридическую значимость, если они помещены в контекст правовых документов. От этого они не становятся терминами, но приобретают юридический смысл. Например, модальные предикаты *должен*, *обязан* носят долженствующе-предписывающий характер нормативного текста. Предписание, разрешение и запрещение направлены на действия, связанные с долгом и требованиями, которые предъявляет некая система правил к поведению участников ситуации. Эти участники могут быть с нормативным и ненормативным поведением. Следовательно, эти слова передают обязывающие нормы поведения и побуждают к действию, отражают социальное взаимодействие человека в обществе. Таким образом, модальные предикаты *должен* и *обязан* носят сугубо юридический смысл.

Если в законе написано, что организация *должна* возместить ущерб гражданину, который он претерпел, когда спасал имущество этой организации, то независимо от результата, спас он или не спас, организация *должна* возместить ущерб. Предполагается, что законодатель осознанно избрал этот глагол для того, чтобы выразить своё волеизъявление. В этой неспециальной части текста законодатель интуитивно использовал русский язык и не придал юридического смысла глаголу, а использовал его на грамматическом уровне.

В речи людей, которые далеки от юриспруденции: заявлениях, жалобах, протоколах допросов отражается обыденная речь её носителей. В такой речи отражаются субъективные модальности, нетерминологические слова, нечёткие размытые конструкции, сниженная лексика, свободная композиция текста, упрощённые синтаксические конструкции. Внедряясь в тексты юридической направленности, они сохраняют признаки естественной речи, где не соблюдены юридические условности. Когда начинается юридическая обработка подобных смыслов, то естественные смыслы отдаляются. Очень часто они становятся малопригодными для дальнейшей реализации.

Законодатель воплощает своё волеизъявление через естественный язык. Высшая форма юридизации возникает именно в законотворческой

деятельности. Автор любого юридического документа пишет на естественном русском языке. И при этом пользуется морфологическими, лексическими, орфографическими и синтаксическими средствами.

Правовая логика в юридических текстах обусловлена необходимостью обслуживания потребностей обыденной коммуникации. Законодатель, который излагает свою волю в тексте закона должен приспособливаться к закономерностям естественного языка.

Когда естественные элементы языка попадают в юридический текст, они проходят процесс юридизации. Другими словами, они приспособляются к юридическим элементам, которые подлежат юрисгерменевтическому анализу.

Семантика русских глаголов в текстах многогранна и неоднозначна. Возникает проблема нейтрализации видовых оппозиций. Смысловая семантика вопроса: *где вы купили хлеб?* В лексическом значении равна вопросу: *где вы покупали хлеб?* Если толковать фразу из Конституции РФ «каждый вправе *получить* высшее образование», то в смысловом значении она равна фразе «каждый вправе *получать* высшее образование». Хотя слово *получать*, исходя из его толкования, означает многократный процесс приобретения (в данном случае высшего образования). Может возникнуть вопрос: насколько осознанно законодатель употреблял видовую форму глагола? Таким образом, юрист, который толкует закон, должен обладать определённым уровнем лингвистической компетенции. Без метаязыковой подготовки трудно справиться с подобными вопросами.

Язык – это основное средство осуществления мысли и воли законодателя. Концепция языка выступает как орудие мышления. Для юридической логики язык играет глубинную роль. Очень часто роль языка недооценивается в праве. В истории права отражается история языка. Лингвистику для юриспруденции можно рассматривать как грамматику права. Создание и толкование юридических текстов неразрывно связывает языкознание с нормами закона. Это может служить свидетельством того, что лингвистика по отношению к юриспруденции переходит в разряд не периферийных, а фундаментальных, основополагающих наук.

Правосудие стремится конкретизировать признаки и обстоятельства, отойти от субъективности и приблизиться к объективности. Жёсткость естественного языка в сфере юриспруденции проявляется весьма обширно. Например, с точки зрения закона языковых средств, в плане орфографии буквы Е и Ё в естественной письменной речи могут не различаться. В юридизированных текстах, названиях, учреждений, именах, фамилиях, топонимах, не различать Е и Ё не допускается. Это может привести к серьёзным конфликтам, так как действуют законы об авторском праве, а также ряд других законов.

С юрислингвистической точки зрения специализация языка должна быть главной. Нельзя допускать фальсификацию юридических текстов, которые «переводятся» на простой язык неспециалистами. Упрощение специальных терминов может привести к приблизительному пониманию воли законодателя,

которая выражается в юридическом документе. В бытовом и юридическом употреблении простые слова *брак, супруг, отец* различаются в плане семантики. Поэтому чрезмерное упрощение юридического языка может усугубить трудности практического понимания носителями языка юридических текстов.

Для языковедов юридический язык представляет интерес как отдельная система. Он обладает собственными семантическими законами. С одной стороны, он подобен естественному языку, а с другой – отличается от него. Между обычным языком и юридическим необходим баланс. Только сбалансированная система языковых элементов одного и другого языка сможет помочь достичь равновесия и избежать перегибов в вопросах юрислингвистики.

Следует уделить внимание юридической терминологии с точки зрения живого языка и языка закона. Такая терминология находится на границе естественного языка и языка права. Возникает проблема: к какой области относить те или иные термины, как чётко и правильно определить их значение, как они будут пониматься и толковаться простым народом?

Существует ряд терминов, которые приобретают и раскрывают своё значение в нормативных документах, их можно определить юридически. Термины, которые не имеют определения закона, считаются лингвистически определяемыми. Из-за отсутствия единого источника толкования возникает множество правовых конфликтных ситуаций.

С одной стороны, термины в юридических текстах должны быть понятны для каждого индивида. С другой – совпадение термина с общенародным словом может стать причиной непонимания юридического текста. Рядовой носитель языка может лишь приблизительно понимать волю законодателя. В вопросе понимания юридических терминов может помочь только сбалансированная языковая система, тесное сотрудничество естественного языка и языка закона.

Более детальное рассмотрение законодательных текстов и поиск путей понимания и толкования лексических значений слов в какой-то степени поможет решить проблему понимания юридических терминов, слов, словосочетаний. Целесообразно при сохранении принципа общей доступности не забывать о важном принципе целостности всего текстового материала. Целостный характер смысла всего текста, законодательного в том числе, влияет на каждый его элемент.

Общий смысл текста нельзя вывести, если суммировать его смысловые части. Юридический термин функционирует в контексте, который необходимо учитывать. Внутренние отношения всех элементов позволяют связывать значения и смыслы.

Повышение уровня образованности всех слоёв населения позволит достичь понимания юридических понятий всеми сторонами процесса. Стремление к языковой ясности будет способствовать взаимопониманию сторон. Если чрезмерно упрощать текст документа, то это может привести к

противоречию юридических терминов. Поэтому упрощение правовых текстов – это крайний способ достижения понимания [8, С. 67].

Языковые нормы – это достояние культуры, которое вырабатывается народом на протяжении длительного времени. Язык тоже нуждается в защите. Юридическое решение многих проблем языка невозможно без представлений о языковой самооценности.

Часто у допрашиваемой личности блокада информации сопровождается противоречиями в показаниях. Возникает смысловой барьер по отношению к некоторым словам и выражениям. Слова, выражения и термины, которые несвойственны естественной речи говорящего, резко выделяются из описания обстоятельств дела, и могут свидетельствовать о ложности показаний [1, С. 14].

Следует заметить, что при юрислингвистической экспертизе естественных речевых произведений происходит некий «перевод» на юридический язык. Естественный язык воздействует на восприятие.

Практический аспект исследования вопросов, связанных с пересечением юридического и естественного языков, заключается в том, что исходный текст, который является предметом юрислингвистической экспертизы, создаётся по законам естественного языка, а эксперту необходимо найти точки соприкосновения речевого конфликта со статьями закона. Вывод эксперта должен быть сделан в строгом соответствии с юридическим языком.

Преобладание юридического языка над естественным стремится к «идеальному праву». Лингвистическая сфера должна препятствовать подобным процессам. С другой стороны, соблюдение всех законов естественного языка не должно препятствовать нормальному функционированию языка права. Участие языковедов в правотворчестве помогает переводить естественный язык в юридическую сферу.

Следует отметить, что во многих языковых кодифицированных нормах содержатся правовые элементы. Если возникает общественная необходимость, то они могут претендовать на юридическую закреплённость. Такая закреплённость должна осуществляться только с учётом языковых норм. Все эти процессы нуждаются в тщательных исследованиях.

Очень часто возникает вопрос: можно ли потребовать от носителя фамилии *Столяр* ставить ударение на втором слоге, в соответствии с акцентологическими нормами русского языка, если он сам и его знакомые считают ударным первый слог? Правовые нормы в конкретных случаях оказываются сильнее языковых. Существует множество примеров узаконенных в фамилиях нарушений орфографических и орфоэпических норм. Подобного рода вопросы нуждаются в юрислингвистическом обосновании.

Правовой язык обладает определённой лексической, морфологической, орфографической, орфоэпической, синтаксической спецификой. Эти элементы правового языка формируются в процессе правотворческой или научной деятельности. Юридизация носит общий характер и придаёт каким-либо фактам, отношениям правовой характер. Прикладные правовые тексты и

прикладная правовая речь имеют сложное строение и требуют тщательного анализа.

Профессиональная и обыденная речь юристов нуждается в лингвистическом анализе. Речь юристов-профессионалов в ходе судебного процесса, речь должностных лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, должна соответствовать языковым и правовым нормам и законам.

Выводы. Пересечение языка и права – это самостоятельная зона научных исследований. Юриспруденция и лингвистика пересекаются в сфере действия языка и права. Юридический язык является одним из подстилей русского языка, поэтому современный русский язык должен привести юридический к литературной нормативности.

Адаптация в юридической сфере естественного языка – многогранная и сложная проблема. На основе естественного языка строятся юридические тексты. Степень юридизации разных типов текстов неодинакова.

Взаимопроникновение языка и права носит фундаментальный характер. Язык и право объединяются на глубинном уровне.

Русский язык постоянно преобразовывается, развивается. Функциональную юридическую разновидность этого языка можно рассматривать как самостоятельную подсистему, которая нуждается в автономном предмете исследования. Таким образом, необходим новый подход, стремящийся к универсализации.

Список литературы

1. Алымова Е.В. Лингвистическая экспертиза по уголовным, гражданским и административным делам: опыт российского эксперта – Донбассу / Е.В. Алымова // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2022. – №21 – С. 7-17.
2. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза [Текст] : моногр. / К.И. Бринев ; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
3. Будаев Э.В. Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины / Э.В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1(73). – С. 122-126.
4. Галяшина, Е.И. Судебное речеведение / Е.И. Галяшина. – Москва: Юридическое издательство «Норма», 2020. – 320 с. – EDN NLRDPS.
5. Голев Н.Д. Постановка проблем на стыке языка и права. Юрислингвистика – 1 : Проблемы и перспективы / Н.Д. Голев. – Барнаул, 1999. – С. 4-11.
6. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии / Н.Д. Голев. – Барнаул, 2000. – С. 8-40.
7. Голев Н.Д. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: Межвузовский сборник

- научных трудов./ Н.Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2008. – С. 136-155.
8. Голев Н.Д. Юрислингвистика. Вводный очерк теории : учебное пособие / Н.Д. Голев. – Кемерово : КемГУ, 2021. – 214 с.
 9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
 10. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов / Т.А. Назарова, Е.А. Гримайло, Н.Ю. Мамаев, А.П. Коршиков, А.В. Ростовская // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч.I / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. – Москва : ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010.
 11. Полякова Я.В. Некоторые вопросы истории и современных тенденций развития юридической лингвистики в зарубежных странах / Я.В. Полякова // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2022. – № 20. – С. 83-92.

УДК 347.9

С.А. Каравацкая, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: svetun1997@mail.ru)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕДИАЦИИ И АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье предпринята попытка раскрытия понятия медиации как правового явления и юридического института. Также проведена характеристика исторического развития медиации. В статье рассмотрена роль адвокатуры в медиации, а также проведена сравнительная характеристика адвокатской деятельности и медиационной деятельности. Определены основные критерии необходимости совершенствования медиационной деятельности адвоката.

Ключевые слова: медиация, адвокат, законодательство, защита прав человека, судебные органы, общество, право, правовая культура.

Karavatskaya, S.A.

TOPICAL ISSUES OF INTERACTION BETWEEN MEDIATION AND ADVOCACY

The article attempts to disclose the concept of mediation as a legal phenomenon and legal institution. The historical development of mediation is also characterized. The article examines the role of the legal profession in mediation, and also provides a comparative description of advocacy and mediation activities. The main criteria for the need to improve the mediation activities of a lawyer are determined.

Key words: *mediation, lawyer, legislation, protection of human rights, judicial authorities, society, law, legal culture.*

Актуальность темы исследования. В настоящее время высокую актуальность приобретают вопросы защиты прав человека. Законодательством Российской Федерации предусмотрены способы и механизмы такой защиты. В связи с этим особую популярность приобрел судебный способ защиты прав физических и юридических лиц. В этой связи наблюдается высокая загруженность судебных органов. По этой причине высокую популярность приобрел институт медиации, который служит как альтернативный способ для быстрого решения конфликтных ситуаций и сохранения отношений между спорящими сторонами. Особую актуальность приобретает вопрос взаимодействия адвоката и медиации, а также роль адвокатуры в популяризации института медиации.

Также актуальность темы заключается в том, что особую роль адвокатура приобретает в медиации в уголовном судопроизводстве.

Анализ научных исследований. Отдельные вопросы медиации рассматривались преимущественно в рамках работ, посвященных вопросам альтернативного разрешения споров и примирения (А.А. Бегаева, Е.И. Носырева, И.Ю. Захарьяшева, М.Е. Медникова, Д.Э. Столетова, О.С. Карпенюк, А.С. Мямин, Д.Л. Давыденко). Институт медиации изучается представителями других научных направлений при разрешении социальных, в том числе правовых конфликтов, в частности, в юридической конфликтологии (В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев, Т.В. Худойкина, В.С. Жеребин), социологии (В.В. Андреев, М.В. Гвоздарева), психологии (О.В. Алахвердова, А.Д. Карпенко и другие). При наличии имеющихся результатов, комплексных исследований, посвященных анализу медиации как самостоятельному способу урегулирования правовых споров и интеграции ее в деятельность органов гражданской юрисдикции, в российской юридической науке недостаточно и несомненно требует изучения, обобщения и выработки единых рекомендаций по совершенствованию и применению.

Целью настоящей статьи является характеристика факторов взаимодействия органов адвокатуры и медиации, а также выявление преимуществ и недостатков института медиации в России.

Изложение основного материала. В процессе современного развития гражданского общества особо остро стоит вопрос защиты прав человека, в частности использования способов их защиты физическими и юридическими лицами. В Российской Федерации предусмотрены способы защиты прав – внесудебный, судебный, самозащита. Современное стремительное развитие общественной жизни привело к возникновению альтернативного способа защиты прав – медиация. Сам по себе институт медиации возник уже давно. Отсылки к данной процедуре можно найти еще в древнем Риме, где примирительные процедуры были закреплены в отдельный законодательный институт.

Обратимся к мнению Р.С. Байрамова, который заключает, что «истоки зарождения института посредничества наблюдаются еще во времена древней Руси. В качестве медиатора тогда выступали представители духовенства. Свои

услуги они предоставляли в решении международных споров, княжеских междоусобиц. Название у этого феномена было разное: посредничество, ходатайство, предложение добрых услуг и т. д. Позже осуществлялись попытки создания институтов, главной целью которых ставили согласование интересов разных социальных групп общества: Вече, Земский Собор, земства» [4, С. 26]. Уже в данный период времени представители духовенства понимали, что большую часть споров можно решить с помощью «третьих лиц». Важной особенностью посредничества на тот момент выступало умение согласовывать интересы социальных групп.

Позднее Российская империя пробовала применить институт медиации в международных отношениях, однако, несмотря на действенность этого способа, медиация не получила широкого применения. Применение данной процедуры стало актуальным только после отмены крепостного права. В дальнейшем империя сталкивалась с торговыми спорами, в которых без участия медиатора было не обойтись. Во многом это положительно сказывалось на развитии международных торговых отношений.

Советский период времени для медиации не обернулся расцветом и возрождением, так как государственная власть применяла данный способ только в дипломатической сфере. Лишь к моменту распада СССР появляется заинтересованность в применении процедуры медиации, тогда в стране были вынуждены обратиться за помощью к зарубежному опыту и специалистам.

В 1990 году в Москве состоялся форум, посвященный демонстрации применения различных техник медиации, а также методик проведения переговоров. Удивителен тот факт, что ранее государство не стремилось применять процедуру медиации, которая как раз-таки говорит об умении организовать процесс ведения переговоров.

Также в 1992 году в Санкт-Петербурге была создана общественная Российско-американская программа по конфликтологии, которая внесла огромный вклад в развитие практики медиации, в становление и обучение первых медиаторов России. Данные специалисты уже активно работали, в том числе участвовали в разрешении конфликтов при акционировании ряда предприятий.

Достижение договоренностей, удовлетворяющих и сотрудников, и администрацию, позволило этим предприятиям избежать развала, сохранить рабочие места и не допустить жестких способов раздела имущества. Данная программа позволила, с другой стороны, посмотреть на применение процедуры медиации с учетом того, что зарубежные нововведения в большинстве случаев находятся в споре.

Шагом к развитию процедуры медиации стал Центр разрешения конфликтов (1993 г.), его деятельность способствовала формированию и накоплению знаний у будущих медиаторов. Соответственно, в этом центре начинала проходить подготовка первых в России медиаторов, чья деятельность строилась именно на разрешении споров и конфликтов. В России данный

институт законодательно закрепился с принятием Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193 – ФЗ [1].

Итак, мы совершили краткий экскурс в историю медиации, что позволило нам сделать определенные выводы о том, что в России имеется все таки исторический опыт института медиации, который может быть изучен и положительные его моменты могут быть использованы в процессе разрешения споров уже на современном историческом этапе.

Также, в настоящем исследовании для более глубокого понимания рассматриваемого нами правового явления необходимо разобраться в теоретических началах медиации. Так, Н.И. Минкина считает, что медиация представляет собой самостоятельный внеюридический способ разрешения правового конфликта при осуществлении содействия медиатором, основанный на добровольном согласии сторон конфликта в целях достижения взаимного решения [7, С. 25].

Анализируя взгляды ученых о понятии медиации, стоит обратить внимание на мнение Н.М. Романовой, которая дает общую дефиницию понятия «медиация» как средство разрешения конфликта с участием профессиональной третьей стороны – посредника (медиатора), действия которого помогают сторонам разобраться в конфликте и его решить [8, С. 6].

Один из ведущих специалистов в области альтернативного урегулирования споров Ц.А. Шамликашвили утверждает, что под медиацией необходимо понимать путь к взаимовыгодному решению, основанному на согласии между спорящими сторонами [10, С.15].

Анализируя представленные выше определения, можно сделать вывод, что под медиацией можно понимать альтернативный судебному способ разрешения правовых конфликтов, при котором стороны добровольно прибегают к помощи посредника (медиатора) с целью разрешения имеющегося противоречия. Установленное определение медиации позволяет определить присущие ей признаки.

Во-первых, медиация является альтернативным судебному способу разрешения конфликта, т.е. применяется самостоятельно; во-вторых, непосредственными участниками медиации являются стороны спорного правоотношения и медиатор; в-третьих – добровольность, т.е. стороны самостоятельно решают вопрос о возможности обращения к процедуре посредничества; в-четвертых, достижение соглашения и разрешение правового конфликта как цель процедуры ее проведения.

Основная цель медиации – скорейшее и качественное, а главное – максимально справедливое разрешение правового конфликта. Под правовым конфликтом понимают разновидность социального конфликта, поэтому между ними прослеживаются общие закономерности зарождения, продолжения и урегулирования.

Правовой конфликт – это конфликт, возникающий между людьми по поводу противоречивых взглядов и интересов в сфере права. Т.В. Худойкина приводит следующее понятие правового конфликта – это любой социальный конфликт, имеющий хотя бы один элемент, обладающий правовой

характеристикой. В свою очередь А.С. Хохлов приводит немного другое понятие [9, С.102].

Правовой конфликт, по его мнению, это противоборство субъектов права (являющихся сторонами правового конфликта) с противоположным пониманием и действиями по отношению к принципам и нормам с целью изменения своего статуса и юридического состояния. Понятие и признаки социального и правового конфликта практически идентичны друг другу (правовой конфликт – один из видов социального конфликта, в котором различается лишь цель и сфера противоречия).

Основными признаками правового конфликта являются, во-первых, противоречивость интересов, целей, идей сторон правового конфликта, во-вторых – осознанный и целенаправленный характер. Функции правового конфликта делятся на конструктивные, носящие позитивный характер, и деструктивные, имеющие преимущественно негативный характер.

К конструктивным функциям можно отнести:

- устранение напряженности между сторонами правового конфликта;
- коммуникативно-информационная функция, результатом которой является установление связи между сторонами конфликта;
- стимулирующая функция, в рамках данной функции конфликт выступает в роли двигателя социальных преобразований, предотвращает застой и социальной системы;
- функция маркера негативной тенденции в отношениях между сторонами правового конфликта, возникновение противоречия между сторонами может сигнализировать о развитии и укреплении между сторонами негативных процессов, требующих разрешения.

К деструктивным функциям можно отнести следующие:

- негативный настрой по отношению к представителям иной группы или конкретному индивиду (конфликт предполагает и эмоционально-психологическое отношение к нему сторон, конфликт, по своей сути, может нести позитивные изменения общественных отношений, но отдельные представители конфликтующих сторон все равно отнесутся к изменениям негативно);
- негативный настрой по отношению к другой стороне перерастает в прекращение сотрудничества и окончательному разрыву социальных связей;
- предвзятое отношение к ценностям, идеалам и идеям другой стороны, выражающееся в однозначно негативном их восприятии в будущем (любое действие противоположной стороны будет восприниматься реакционно);
- увеличение враждебности между сторонами.

Итак, рассматривая медиацию как альтернативный способ решения споров между сторонами, можно сделать вывод, что в настоящее время процедура медиации не может применяться в полной мере, так как у граждан отсутствует интерес к последней, прежде всего, это связано с чрезмерным доверием граждан к судебной системе и ее органам, выполняющим

охранительную функцию. Возможно, из-за чуждости такого альтернативного способа разрешения споров, как медиация, она остается невостребованной у граждан нашего государства.

Следует согласиться с мнением Н.И. Минкиной, что «не случайно на становление профессии медиатора за рубежом уходило, как правило, порядка 15 лет; на этом длинном пути развития в отечественном государстве важно сохранить, приумножить и совершенствовать практическую медиацию» [6, С. 153].

Процесс развития института медиации возможен лишь в том случае, когда инициатива применения будет исходить именно от общества, а не от государства. Так как на первый взгляд может сложиться мнение о том, что институт медиации лишь навязывается государством, соответственно, стоит помнить, что граждане с трудом принимают то, что им кажется чуждым. Граждане должны самостоятельно убедиться в необходимости и действенности данной процедуры.

В этом контексте следует отметить, что правовая культура в обществе находится на достаточно низком уровне, в связи с чем особое место в процессе ее повышения должны занимать юридические службы и адвокатура, поскольку только работники права могут проводить разъяснительную работу среди населения и определять эффективность и действенность процедуры медиации.

Рассмотрим роль адвоката и необходимость популяризации медиации в адвокатской деятельности. Начнем с того, что Конституцией Российской Федерации [4] каждому гарантируется право на юридическую помощь. В целях выполнения этой важной социальной функции в России действует институт адвокатуры. В то же время в условиях сегодняшних реалий защита прав и свобод граждан в государстве возможна благодаря не только обращению в юрисдикционные органы и правозащитные институты, но и также к альтернативным способам разрешения споров, среди которых особенное место занимает медиация.

В значительной степени на повышение интереса адвокатов и других юристов к медиации повлияло, как уже упоминалось выше, принятие ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Практика многих стран и исторический опыт существования медиации свидетельствует, что применение сегодня в адвокатской деятельности медиативных техник и навыков медиатора – распространенное явление. Объясняется это тем, что урегулирование спора с помощью медиации имеет ряд преимуществ как для клиентов, так и непосредственно для самого адвоката, что позволяет ему повысить свою конкурентоспособность на современном рынке труда.

В частности, благодаря медиации для адвокатов открываются следующие возможности в их профессиональной деятельности. Во-первых, овладение навыками медиатора повышает уровень профессионального мастерства адвоката. Основными инструментами медиатора являются техники перефразирования, резюмирования, активного слушания и постановки вопросов. С помощью этих техник медиатору удается наладить коммуникацию, снять эмоциональное напряжение, а также

выяснить интересы и потребности сторон конфликта. Эти же инструменты полезны и для адвоката, ежедневно принимающего участие в различных переговорах и встречах (с клиентами, судьями, процессуальными оппонентами, коллегами и т.п.), в процедурах защиты и представления интересов своих клиентов. Навыки медиатора могут помочь адвокату в выяснении интересов и потребностей клиентов, обычно озвучивающих адвокату свою позицию.

Во-вторых, медиация открывает новое направление в профессиональной деятельности адвоката – сопровождение клиента в процедуре медиации. Во время медиации адвокатская помощь необходима для решения многих вопросов – заключение договора о проведении медиации, оценка законности и реалистичности реализации достигнутых сторонами договоренностей, заключение соглашения по результатам медиации, подготовка на базе соглашения по результатам медиации мирового соглашения или других процессуальных документов (при наличии открытого судебного производства) и т.д.

Также адвокат должен, по возможности, способствовать внесудебному урегулированию споров между клиентом и другими лицами. Медиация является одним из возможных и достаточно эффективных путей внесудебного урегулирования споров. Следует информировать клиентов о такой возможности и предлагать им сопровождение в процедуре медиации. В таком случае адвокат не теряет своего клиента, а получает больше свободного времени на новых клиентов, ведь, безусловно, будучи удовлетворенным внесудебным урегулированием спора, клиент посоветует такого адвоката своим знакомым.

В-третьих, адвокат сам может выполнять функцию медиатора. В то же время возникает важнейший вопрос возможности совмещения адвокатом своей профессиональной адвокатской деятельности с медиационной. Ответ на этот вопрос приобретает особое значение с учетом того, что законодательство, которым должны быть урегулированы основные принципы осуществления медиационной деятельности, еще формируется, однако, практика ее введения уже активно ведется.

Как известно, адвокатская деятельность – это независимая профессиональная деятельность адвоката по осуществлению защиты, представительства и предоставления других видов правовой помощи клиенту. Она осуществляется на принципах верховенства права, законности, независимости, конфиденциальности и избегания конфликта интересов. Профессиональными обязанностями адвоката, кроме прочего, является соблюдение присяги адвоката и правил адвокатской этики. Одним из основных принципов адвокатской деятельности определена недопустимость конфликта интересов, что является противоречием между личными интересами адвоката и его профессиональными правами, и обязанностями, наличие которого может повлиять на объективность или беспристрастность при исполнении адвокатом его профессиональных обязанностей, а также на совершение или несвершение им действий в процессе осуществления адвокатской деятельности.

Адвокат не может представлять или защищать одновременно двоих или больше клиентов, интересы которых взаимно противоречивы или достоверно могут стать противоречивыми, а также при таких обстоятельствах оказывать им правовую

помощь. В случае возникновения конфликта интересов в процессе реализации адвокатом договора, такой договор должен быть расторгнут.

Адвокатская деятельность регламентируется преимущественно как представителя и защитника только одной из сторон спора. Адвокату прямо запрещается входить в отношения с другой стороной, интересы которой не совпадают с интересами его клиента, и быть представителем одновременно обеих сторон.

В то же время Кодексом профессиональной этики адвоката [1] определены условия, при которых адвокат может выступать посредником между клиентами. В частности, это возможно в тех случаях, когда:

- между интересами клиентов нет конфликта или при наличии письменного согласия обоих (всех) клиентов, интересы которых представляет адвокат;
- адвокат должен объяснить каждому клиенту сущность отношений посредничества и согласие каждого из клиентов на их одновременное представительство;
- у адвоката есть достаточные основания полагать, что он сможет сохранить объективность при одновременном представительстве интересов клиентов и по каждому из них выполнить свои профессиональные обязанности.

В Кодексе профессиональной этики адвоката также указано, что указанные нами положения не распространяются на исполнение адвокатом функций медиатора. В этом случае действия адвоката должны соответствовать международно признанным этическим принципам медиации, а также основным принципам адвокатской этики.

Из анализа указанных положений можно заключить, что адвокат имеет право быть медиатором. Важным в таком случае является соблюдение адвокатом-медиатором не только этических устоев адвокатской деятельности (в частности, по поводу конфликта интересов), но и нравственных устоев медиации. Ориентиром для адвоката при выполнении функций медиатора должен быть Европейский кодекс этики медиаторов [5], определяющего этические основы осуществления медиационной деятельности и ряд обязательных принципов – независимость, беспристрастность, конфиденциальность и т.д.

В свете этого следует отметить необходимость соблюдения принцип конфиденциальности адвокатом и медиатором. Информация, которая стала известной адвокату от его клиента в процессе осуществления профессиональной деятельности и предоставление правовой помощи, является конфиденциальной и считается адвокатской тайной.

При этом, в случае нарушения адвокатом обязанности хранить адвокатскую тайну он будет нести ответственность по закону. Такое же правило устанавливается и по информации, которая была получена в ходе проведения процедуры медиации. Участники медиации, в том числе медиатор, а также лица, вовлеченные в организации процесса медиации, не имеющих права разглашать информацию о медиации без письменного согласия сторон медиации.

Следовательно, из вышеприведенного можно сделать вывод, что законодательство Российской Федерации дает возможность использовать

инструменты медиации в деятельности адвоката. Со своей стороны, предоставление правовых услуг, направленных на обеспечение реализации прав и свобод человека и гражданина, защита этих прав и свобод, их восстановление в случае нарушения является правовой помощью. В то же время адвокат может осуществлять также другие виды адвокатской деятельности, не запрещенные законом. Другими видами правовой помощи являются виды адвокатской деятельности по предоставлению правовой информации, консультаций и разъяснений по правовым вопросам, правового сопровождения деятельности клиента, составления заявлений, жалоб, процессуальных и других документов правового характера, направленных на обеспечение реализации прав, свобод и законных интересов клиента, недопущение их нарушений, а также на содействие их восстановлению в случае возбуждения.

Таким образом, на основании анализа положений законодательства можно прийти к выводу, что медиация является видом правовых услуг, что является предоставлением правовой помощи. Со своей стороны, предоставление правовой помощи является адвокатской деятельностью. Таким образом, медиация может быть отнесена к видам адвокатской деятельности. Сочетая эти два вида деятельности, необходимо учитывать различия, характерные для работы адвоката и медиатора.

Да, главной задачей медиатора является помощь сторонам конфликта в понимании их реальных потребностей и интересов. Медиатор направляет все свои усилия на восстановление между сторонами способности конструктивно общаться между собой с целью формирования общего понимания проблемы и принятия точки зрения другой стороны. Кроме того, он также способствует сторонам в поиске решения, которое было бы взаимовыгодным и взаимоприемлемым для них обоих. Для того чтобы эта задача была выполнена, медиатор должен быть независимым от сторон и не иметь заинтересованности в содержательном аспекте разрешения спора.

Со своей стороны, адвокаты, осуществляя представительство интересов своего клиента, обычно пытаются склонить судью на свою сторону и представить позицию другой стороны в наиболее невыгодном свете. Это и является ключевым отличием деятельности адвоката и медиатора. Медиация – не соревнование в доказательстве собственной правоты. Это сотрудничество и объединение усилий с оппонентом для решения общей проблемы. Медиатор действует в равной мере в интересах всех сторон спора, а потому он обязательно должен неукоснительно соблюдать принципы независимости и беспристрастности.

Кроме того, в отличие от адвоката медиатор не имеет права предоставлять одной из сторон или каждой из них отдельные указания и рекомендации по вариантам урегулирования спора, а также оценивать правовое положение сторон медиации. Медиатор имеет право предоставлять сторонам медиации консультации исключительно в отношении порядка проведения медиации и фиксирования ее результатов. Еще одним отличием между адвокатской и медиационной деятельностью является заключение договора, согласно которому они осуществляются. В частности, помимо предмета договора, они отличаются также количественным составом их субъектов: договор о проведении медиации заключается между медиатором и сторонами конфликта, в то же время договор о

предоставлении правовой помощи в рамках адвокатской деятельности является двусторонним договором и заключается между адвокатом и одной из сторон спора.

Выводы. Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что сравнение вышеупомянутых преимуществ медиации с недостатками судебной системы для решения правовых конфликтов подтверждает, что медиация может стать эффективной альтернативой судебному процессу. Важно отметить, что речь идет о дополнительной, альтернативной практике, а не о полном замещении судебной процедуры. Данный институт альтернативного разрешения споров, как и другие методы разрешения конфликтов, обладает своими ограничениями, такими как наличие согласия обеих сторон на участие в переговорах. Тем не менее, перспективы медиации являются серьезными и обнадеживающими.

Возможность совмещения статуса адвоката с медиационной деятельностью сегодня является преимущественно вопросом сферы профессиональной адвокатской этики. В то же время, если говорить о расширении прав граждан с учетом проблем государственного правосудия и уровня конфликтной напряженности, интеграция медиации в российскую правовую систему оказывается важной задачей не только для институтов гражданского общества, но и для государства.

Даже если адвокат уже представлял интересы одной из сторон, это не может в последующем лишать его права урегулировать данный вопрос, выступая медиатором и гарантируя, что данное урегулирование будет выгодно обеим сторонам. Другая ситуация складывается лишь тогда, когда обе стороны предоставили свои доказательства адвокату-медиатору, сделали признания о фактах, а им после этого была выбрана какая-либо из сторон для представления ее интересов. При таком положении дел, на наш взгляд, должен иметь место запрет на участие адвоката в роли медиатора, ведь адвокат в доверительных беседах уже получил много необходимой информации об обеих сторонах, а это ставит стороны в заведомо неравное положение и противоречит адвокатской этике. В целом успешность данной процедуры во многом зависит от профессиональности адвокатов - медиаторов, готовности участников правовых споров к разрешению спора посредством медиации и организационных мероприятий. Принятие ими поручений на содействие урегулированию разногласий в качестве медиатора допустимо и целесообразно, а иногда и крайне необходимо при разрешении правового спора.

Список литературы

1. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (ред. от 15.04.2021). – URL: <https://legislationrf.ru/info2/cgi/online.cgi?Req=doc&base=LAW&n=382564&cacheid=6B05EFDAFAC8F47EB94F8F77BE9B1FA0&mode=splus&rnd=0n9bw3u4giantdry#i7mcw3u877cmetju> – (дата обращения: 27.01.2024).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <http://www.pravo.gov.ru> – (дата обращения: 27.01.2024).

3. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон Российской Федерации № 193-ФЗ [принят Государственной Думой 27 июля 2010 г.]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ – (дата обращения: 27.01.2024).
4. Байрамов Р.С. Медиация: история возникновения и развития в России /Р.С. Байрамов // Проблемы конфликто разрешения в современном обществе: материалы Всероссийской научно - практической конференции (Курск, 23 апреля 2020 г.). – Курск: Юго-Западный государственный университет. – 2020. – С. 26-29.
5. Европейский кодекс поведения для медиаторов – Брюссель, 2 июня 2004 г. – URL: https://mediacia.com/wpcontent/uploads/2018/06/Code_of_Conduct.pdf – (дата обращения: 27.01.2024).
6. Минкина Н.И. Перспектива развития медиации в России / Н.И. Минкина // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2022. – № 1 (42). – С. 152-154.
7. Минкина Н.И. Медиация как альтернативный способ урегулирования конфликтов: монография / Н.И. Минкина. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 158 с.
8. Романова Н.М. Основы медиации: учебное пособие для студентов факультета психологии / Н.М. Романова. – Саратов: Наука, 2017. – 68 с.
9. Худойкина Т.В. Проблемы развития медиации в России / Т.В. Худойкина // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, – 2017. – № 6. – С. 102-104.
10. Шамликашвили Ц.А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров. / Ц.А. Шамликашвили. – М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2017. – 77 с.

УДК 342.55

Д.В. Лобов, канд. юрид. наук, директор института публичного права и управления, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: rait84@mail.ru)

Р.В. Мавлиханова, канд. юрид. наук, доцент, Заслуженный юрист Донецкой Народной Республики, первый проректор, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: roza0106@list.ru)

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ДО МОМЕНТА ПРИНЯТИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются историко-правовые аспекты формирования законодательства Донецкой Народной Республики до момента принятия в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образования в составе Российской Федерации нового субъекта. Рассмотрены практические вопросы применения законодательства в условиях формирования правовой системы Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: *Донецкая Народная Республика, Конституция, Законодательство, Закон, Постановление.*

Lobov, D.V.,

Mavlikhanova, R.V.

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC BEFORE ITS ADMISSION TO THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the historical and legal aspects of the formation of the legislation of the Donetsk People's Republic before the adoption of the Donetsk People's Republic into the Russian Federation and the formation of a new subject within the Russian Federation. The practical issues of the application of legislation in the context of the formation of the legal system of the Donetsk People's Republic are considered.

Key words: *Donetsk People's Republic, Constitution, Legislation, Law, Resolution.*

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что образование в 2014 году Донецкой Народной Республики обусловило необходимость формирования вновь созданным государством собственного законодательства. Изучение историко-правовых аспектов формирования законодательства Донецкой Народной Республики позволяет объективно оценить события периода правового становления государства вплоть до вступления в состав Российской Федерации и разобраться в последствиях для дальнейшего развития региона в составе Российской Федерации. Именно оценка указанных событий для определения перспектив развития региона являются **целью изучения настоящей темы**. Необходимо обратить внимание на отсутствие аналогичных исследований, в связи с чем анализ литературы в настоящей статье не проводился.

Изложение основного материала. Как известно, 11 мая 2014 года на территории Донецкой Народной Республики прошёл референдум, в ходе которого абсолютное большинство граждан Республики выразили своё отношение к поддержке суверенитета Донецкой Народной Республики.

14 мая 2014 года Верховным Советом Донецкой Народной Республики, в условиях политической нестабильности, особого напряжения и разворачивающихся боевых столкновений с вооруженными формированиями Украины принята Конституция Донецкой Народной Республики [1].

Сама Конституция Донецкой Народной Республики и, как следствие, дальнейшее формирование законодательства Донецкой Народной Республики, связаны с использованием элементов украинского права.

В частности, согласно части 2 статьи 86 Конституции Донецкой Народной Республики законы и другие правовые акты, действовавшие на территории Донецкой Народной Республики до вступления в силу настоящей Конституции, применяются в части, не противоречащей Конституции Донецкой Народной Республики.

Вместе с тем, принятие данной нормы, с учётом необходимости проведения юридического анализа законодательных актов Украины, с практической точки зрения имели ряд противоречий и вызывали проблемные вопросы.

Так, частью 1 статьи 5 Конституции Донецкой Народной Республики в республике закреплены следующие виды собственности: государственная, муниципальная и частная.

Вместе с тем, исходя из положений части 2 статьи 86 Конституции Донецкой Народной Республики на территории Республики продолжали действовать Гражданский кодекс Украины и Хозяйственный кодекс Украины, которые не содержали такого понятия, как муниципальная собственность, а вместо данной формы собственности в них предусмотрена коммунальная форма собственности, которые, по сути, не являются тождественными понятиями, что в свою очередь существенно повлияло на правоприменительную практику.

Продолжением формирования законодательства Донецкой Народной Республики с применением в переходный период элементов законодательства Украины, стало принятие Советом Министров Донецкой Народной Республики 2 июня 2014 года постановления № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» [2] (далее – Постановление № 9-1).

Абзацем первым пункта 2 Постановления № 9-1 было предоставлено право Министерствам и ведомствам до принятия Законов Донецкой Народной Республики применять Законы Украины или Законы других государств в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики и Конституции Донецкой Народной Республики.

В абзаце втором пункта 2 Постановления № 9-1 установлено, что такие законы подлежат утверждению Советом Министров ДНР.

Вместе с тем, фактически вышеуказанные положения Постановления № 9-1 действовали только в части применения Законов Украины (без применения законов иных государств, и без утверждения их Советом Министров), что впоследствии повлекло необходимость внесения изменений в данные положения. Так, постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10 января 2015 года № 1-1 [3] внесены изменения в пункт 2 Постановления № 9-1. Установлено, что законы и другие правовые акты, действовавшие на территории Донецкой Народной Республики до вступления в силу Конституции Донецкой Народной Республики, применяются в части, не противоречащей Конституции Донецкой Народной Республики.

Следующим этапом становления Республиканского законодательства стало принятие первого в Донецкой Народной Республике кодифицированного нормативно-правового акта.

Так, в августе 2014 года принят Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики [4], положения которого полностью соответствовали положениям Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом, во вновь принятом кодексе законодателем не были предусмотрены особенности перехода от Уголовного Кодекса Украины к Уголовному кодексу Донецкой Народной Республики, что в условиях различных систем уголовного права повлекло возникновение проблемных вопросов.

Следует отметить, что в этот же период принят первый закон Донецкой Народной Республики «О прокуратуре» [5], который также имел свои особенности, поскольку его положениями была предусмотрена не свойственная для органов прокуратуры функция – проведение предварительного расследования.

После образования Донецкой Народной Республики также остро стоял вопрос нормативного регулирования имущественных отношений прав собственности в отношении находящегося на территории Республики имущества, ранее принадлежащего государству Украина.

С целью законодательного урегулирования данного вопроса 21 июля 2014 года принято постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 18-5 «О переходе в государственную собственность Донецкой Народной Республики собственности государства Украины», в соответствии с пунктом 1 которого с 21 июля 2014 года имущественные права собственности всех предприятий, организаций, учреждений или доли в Уставном капитале таких предприятий, принадлежавшие ранее государственной собственности Украины и расположенные на территории Донецкой Народной Республики, переходят в государственную собственность Донецкой Народной Республики [6].

Указанным постановлением также были запрещены процедуры отчуждения прав собственности государственных и коммунальных предприятий, организаций, учреждений и их имущества.

Важным этапом становления законодательства Донецкой Народной Республики стало принятие нормативно-правовых актов в области регистрации юридических лиц и физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Так, постановлением Совета Министров от 29 сентября 2014 года № 36-10 утверждён Порядок государственной регистрации юридических лиц и физических лиц предпринимателей [7].

Принятие указанного нормативно-правового акта в форме постановления Совета министров фактически повлекло ряд неоднозначных вопросов, поскольку Конституцией Донецкой Народной Республики и Постановлением № 9-1 на территории Республики в случае отсутствия Законов Донецкой Народной Республики предусмотрено действие законов Украины.

Вопрос государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей установлен непосредственно в законодательных актах Украины – Гражданском кодексе Украины и законе Украины от 15 мая 2003 года № 755-IV «О государственной регистрации юридических лиц, физических лиц-предпринимателей и общественных формирований» [8].

Вместе с тем, в Порядке государственной регистрации юридических лиц и физических лиц – предпринимателей весь механизм регистрации не был предусмотрен. В частности, не установлены виды организационно-правовых форм юридических лиц, которые возможно зарегистрировать на территории Донецкой Народной Республики. Вследствие указанного, на территории Республики были зарегистрированы юридические лица, которые не были предусмотрены ни гражданским кодексом Украины, ни хозяйственным кодексом Украины (например, смежные предприятия и арендные предприятия).

Также указанным Порядком не было предусмотрено механизма обязательной регистрации тех юридических лиц и физических лиц-предпринимателей, которые продолжили осуществлять предпринимательскую деятельность на территории Донецкой Народной Республики. Отдельные юридические лица и физические лица-предприниматели фактически продолжали деятельность, без регистрации в установленном порядке, что привело к возникновению различных проблемных вопросов.

В частности, принятые впоследствии Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики и закон Донецкой Народной Республики «О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей» не предусматривали перерегистрацию, либо внесение в соответствующий реестр юридических лиц и физических лиц-предпринимателей, зарегистрированных до 2014 года на территории Украины, но не прошедших соответствующую регистрацию на территории Республики. Невключение в соответствующие реестры фактически действующих субъектов предпринимательской деятельности повлекло ряд спорных вопросов, в том числе, и в части имущественных прав таких лиц.

Довольно важным и актуальным шагом в развитии Республики стало принятие 23 сентября 2014 года Закона № 35-1/1 «О запрете на незаконное отчуждение имущества и транспортных средств, принадлежащих частным лицам или объединениям граждан», в преамбуле которого Верховный Совет Донецкой Народной Республики констатировал, что отдельные должностные лица органов государственной власти или местного самоуправления, группы военнослужащих и участников народного ополчения, пользуясь несовершенством действующего законодательства, защищающего имущественные права частных лиц или объединений граждан, действуя под различными надуманными предлогами, самоуправно присваивают чужое имущество, в том числе транспортные средства. Подобные действия не только причиняют материальный ущерб собственникам имущества, но и объективно способствуют усилению социальной напряжённости в обществе, подрывают доверие населения к институтам народной власти [9].

Статьёй 3 указанного закона внесены изменения в уголовный кодекс Донецкой Народной Республики – введена уголовная ответственность за совершение действий, направленных на ограничение или упразднение прав на владение, пользование или распоряжение транспортными средствами и иным имуществом физических лиц или объединений граждан.

Следующим этапом формирования как правовой системы Донецкой Народной Республики, так и системы органов исполнительной власти стало создание в октябре-ноябре 2014 года Министерств Донецкой Народной Республики, избрание в ноябре 2014 года первого Главы Донецкой Народной Республики и создание Народного Совета Донецкой Народной Республики.

В период формирования органов исполнительной власти, отдельное внимание уделялось формированию судебной власти.

22 октября 2014 года Советом Министров Донецкой Народной Республики принято постановление № 40-1 «О создании судебной системы» [10] и постановление № 40-2 «О судебной системе» [11], которыми утверждено Временное положение о судебной системе, созданы суды общей юрисдикции, создан Арбитражный суд Донецкой Народной Республики.

Главной особенностью упомянутых постановлений являются те обстоятельства, что акты, касающиеся создания и деятельности органов судебной власти, приняты органом исполнительной власти.

Сами постановления также имели ряд особенностей. В частности, постановлениями не было предусмотрено судов апелляционной инстанции, а пересмотр решений судов первой инстанции осуществлялся в кассационном порядке Верховным судом Донецкой Народной Республики. Фактически, становление судебной системы Донецкой Народной Республики и нормативное регулирование её деятельности может быть предметом отдельного исследования.

При этом, следует констатировать, что с момента принятия Советом Министров данных постановлений начался процесс формирования судебной системы Донецкой Народной Республики.

Отдельно стоит остановиться на вопросе применения в переходной период уголовно-процессуального законодательства и законодательства об административных правонарушениях.

Так, пунктом 3 Постановления № 9-1 (в первоначальной редакции) введён в действие на переходный период на территории Республики УПК УССР от 28 декабря 1960 года с изменениями до 2012 года, в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, Конституции Донецкой Народной Республики.

В дальнейшем, постановлениями Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10 января 2015 года № 1-1, от 22 июля 2015 года № 13-13 [12] в пункт 3 Постановления № 9-1 вносились изменения.

31 мая 2016 года Советом Министров Донецкой Народной Республики принято постановление № 7-58 «О применении уголовно-процессуального

законодательства на территории Донецкой Народной Республики в переходный период» [13].

В результате, за довольно короткий период времени на территории Донецкой Народной Республики применению подлежал уголовно-процессуальный кодекс в редакции, принятой до первой судебной реформы в Украине до 2001 года: Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 28.12.1960 года № 1001-05 (в редакции по состоянию на 12.07.2001 года); уголовно-процессуальный кодекс Украины от 28.12.1960 года № 1001-05: разделы 1-8 – по состоянию законодательства на 29.06.2001 года (с изменениями, внесенными на основании Закона Украины от 21.06.2001 года №2533-III «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Украины»); раздел 9 – по состоянию законодательства на 30.07.2011 года (с изменениями, внесенными на основании Закона Украины от 16.06.2011 года №3529-VI «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в связи с ратификацией Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам»); Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 28.12.1960 года №1001-05: разделы 1-8 – по состоянию законодательства на 29.06.2001 года, с изменениями, внесенными на основании Закона Украины от 21.06.2001 года № 2533–III «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Украины»; раздел 9 – по состоянию законодательства на 10.07.2011 года, с изменениями, внесенными на основании Закона Украины от 16.06.2011 года № 3529–VI «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в связи с ратификацией Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам».

Уголовно-процессуальный кодекс Украины в различных редакциях применялся на территории Донецкой Народной Республики вплоть до принятия Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики, который был принят в августе 2018 года.

Поскольку вопрос применения уголовно-процессуального законодательства в период становления Республики был очень сложным, и при этом целью настоящей статьи является рассмотрение практических вопросов применения законодательства в переходной период в целом, вопрос применения уголовно-процессуального законодательства на территории Донецкой Народной Республики может быть объектом отдельного исследования.

Что касается применения в переходной период законодательства об административных правонарушениях, следует отметить, что кодекс об административных правонарушениях Донецкой Народной Республики с момента образования Республики, до момента вступления в состав Российской Федерации, так и не был принят.

Вместе с тем, постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 27 февраля 2015 года принято постановление № 2-22 «О временном порядке применения на территории Донецкой Народной

Республики Кодекса Украины об административных правонарушениях» [14], определено применять на территории Донецкой Народной Республики Кодекс Украины об административных правонарушениях, введённый в действие Постановлением Верховного Совета Украинской ССР от 07.12.1984 № 8074-10, с изменениями и дополнениями, вступившими в силу от 19.11.2013.

Указанным постановлением определён ряд особенностей применения кодекса об административных правонарушениях. В частности, определён круг лиц, имеющих право составлять протоколы об административных правонарушениях по отдельным видам правонарушений, определён ряд должностных лиц, имеющих право рассматривать дела об административных правонарушениях и выносить соответствующие постановления, установлены иные особенности.

Следующим важнейшим этапом формирования законодательной базы Донецкой Народной Республики стало принятие 7 августа 2015 года Закона Донецкой Народной Республики № 72-ІНС «О нормативных правовых актах», который впервые в Донецкой Народной Республике законодательно определил понятия, виды и формы нормативных правовых актов Республики установил их юридическую силу, соотношение между собой и порядок их принятия.

Следует обратить особое внимание на этапы формирования налогового законодательства Донецкой Народной Республики.

Из анализа информации, размещённой на официальном сайте Министерства доходов и сборов Донецкой Народной Республики (<http://mdsdnr.ru/>), до принятия Закона Донецкой Народной Республики «О налоговой системе» применению подлежало «Временное положение о налоговой системе Донецкой Народной Республики (ДНР)» [15] (далее – Временное положение). Временное положение размещено на сайте в редакции по состоянию на 31 декабря 2015 года, при этом в размещённом варианте отсутствуют дата принятия и регистрационный номер, само Временное положение подписано от имени Министра доходов и сборов ДНР и согласовано с Министром финансов ДНР.

Из текста самого Временного положения можно сделать вывод, что оно принято в 2014 году, поскольку его положениями, в частности, запрещается продажа любых пиротехнических средств до 1 декабря 2014 года (пункт 55.1); плательщики, осуществляющие сдачу в аренду недвижимости, договора которых заключены до 01.10.2014 года, обязаны провести регистрацию таких договоров в Министерстве Налогов и Сборов до 01.12.2014 года (пункт 63.1) и т.п.

Необходимо отметить, что на официальном сайте Верховного Суда Донецкой Народной Республики (<https://supcourt-dpr.su/>) имеется начальный текст Временного положения (без изменений), которое утверждено Председателем Совета Министров Донецкой Народной Республики [16].

Вместе с тем, установление официального текста и дата подписания Временного положения не являются целью настоящего исследования, в связи с чем необходимо ограничиться констатацией данного факта.

25 декабря 2015 года Постановлением Народного Совета принят Закон Донецкой Народной Республики «О налоговой системе» № 99-ІНС [17], который вступил в законную силу с момента его официального опубликования – 19 января 2016 года.

К особенностям указанного закона можно отнести те обстоятельства, что в начальной редакции, кроме положений о налогообложении на территории Донецкой Народной Республики в Законе содержались нормы, регулирующие частно-правовые отношения, а его действие распространялось, в частности на бесхозяйное имущество, выморочное имущество, находки, клады и т.п., что зачастую порождало конкуренцию норм и приводило к возникновению коллизий. Впоследствии, 24 сентября 2020 года в Закон «О налоговой системе» внесены изменения [18], и из него были исключены все вышеупомянутые нормы, а положения Закона, кроме вопросов налогообложения, касались порядка выявления, учёта, хранения, оценки бесхозяйных и конфискованных вещей, которые переходят в собственность Донецкой Народной Республики.

В целом, вопрос установления официального текста и даты подписания Временного положения, формирования налоговой системы Донецкой Народной Республики может быть объектом отдельного исследования.

Начиная с 2019 года Донецкая Народная Республика взяла курс на гармонизацию законодательства Республики и Российской Федерации.

Так, 13 декабря 2019 года принят Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики [19], с отсрочкой вступления его в силу с 1 июля 2020 года (статья 1640 Кодекса).

Положения Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики были максимально приближены к положениям Гражданского кодекса Российской Федерации. Вместе с тем, принятый кодекс всё-таки имел ряд особенностей.

В частности, исходя из положений Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, физические лица имели право заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве физического лица-предпринимателя, в то время, как в аналогичных положениях Гражданского кодекса Российской Федерации речь идёт об индивидуальных предпринимателях.

Также, переходными положениями ГК ДНР был установлен двухлетний срок, с момента вступления кодекса в законную силу, в течение которого все юридические лица должны были привести свою организационно-правовую форму в соответствие с действующим законодательством Республики. Вместе с тем, начало проведения Российской Федерацией Специальной Военной Операции и всеобщая мобилизация граждан Донецкой Народной Республики обусловили необходимость продления срока проведения реорганизации, который истекал 1 июля 2022 года, что стало причиной принятия Народным Советом Донецкой Народной Республики Закона о продлении сроков на проведение реорганизации до истечения трёхмесячного срока со дня

завершения всеобщей мобилизации. Вследствие указанного, поскольку не все юридические лица провели реорганизацию, на момент вступления Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации на территории Республики продолжали фактически действовать юридические лица, организационно-правовая форма которых не приведена в соответствие с действующим законодательством Республики и Российской Федерации.

Следующим этапом формирования законодательства Донецкой Народной Республики стало принятие в апреле – июне 2021 года сразу трёх процессуальных кодексов: 30 апреля 2021 года – Арбитражный процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики [20] и Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики [21], 30 июня 2021 года – Кодекс административного судопроизводства Донецкой Народной Республики [22]. Все три кодекса вступили в силу с 1 июля 2021 года. Положение указанных процессуальных кодексов также были максимально приближены к положениям аналогичных кодексов Российской Федерации. Со вступлением в законную силу кодексов на территории Донецкой Народной Республики перестали применяться гражданский процессуальный кодекс Украины и хозяйственный процессуальный кодекс Украины.

Следует отметить, что принятие указанных кодексов и непринятие Кодекса Донецкой Народной Республики об административных правонарушениях привело к определённым коллизиям, вследствие чего в ряде случаев граждане были лишены возможности обжаловать в судебном порядке постановления об административных правонарушениях, принятые уполномоченными должностными лицами, а в некоторых случаях – не имели возможности обжаловать в апелляционном и кассационном порядке решения судов первой инстанции по делам об административных правонарушениях.

Необходимо обратить внимание ещё на один закон, принятый 30 апреля 2021 года – Закон Донецкой Народной Республики № 270-ПНС «Об обращении имущества, находящегося в собственности банков Украины, в собственность Донецкой Народной Республики» [23]. Статьей 4 Закона предусмотрено прекращение прав требования банков Украины к гражданам по обязательствам, возникшим до 14 ноября 2014 года (даты подписания указа президента Украины №875/2014, в соответствии с которым на территории Донецкой Народной Республики прекращено обслуживание лиц банками Украины). Пунктом 4 статьи 4 Закона предусмотрено, что установленные до вступления в силу настоящего Закона ограничения (обременения) прав на движимое имущество, возникшие по обязательствам граждан перед банками Украины, прекращаются.

Фактически, принятие вышеуказанных кодексов и закона, которым был наложен мораторий на взыскание задолженности по кредитным договорам граждан, стали последним глобальным этапом формирования законодательства Донецкой Народной Республики, перед вступлением в состав Российской Федерации.

Вместе с тем необходимо констатировать, что после вступления Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации в правоприменительной

практике появились ряд проблемных вопросов, связанных, в частности, с включением юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в гражданский оборот Российской Федерации. Такие проблемные вопросы обусловлены, в том числе, вышеперечисленными факторами, которые берут своё начало задолго до вступления ДНР в состав РФ.

Так, Федеральным законом от 21.11.2022 № 451-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [24], которым предусмотрено включение юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, действующих на территории Донецкой Народной Республики на день принятия в Российскую Федерацию, в соответствующие реестры.

В Единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) до 31.12.2022 автоматически были внесены сведения о находящихся на новых территориях Российской Федерации юридических лицах на основании сведений соответствующих реестров, которые созданы и велись в соответствии с нормативными правовыми актами Донецкой Народной Республики.

Исходя из норм указанного Закона, с момента внесения в ЕГРЮЛ сведений юридические лица приобретают права и обязанности российских организаций и их личным законом становится право Российской Федерации.

Согласно этому же закону юридические лица, сведения о которых внесены в ЕГРЮЛ, обязаны привести свои учредительные документы в соответствие с законодательством Российской Федерации не позднее 31 декабря 2023 года.

Пунктом 9 статьи 1 Закона установлено, что юридические лица, которые не представили заявление о внесении сведений о них в ЮГРЮЛ в связи с приведением учредительных документов в соответствие с законодательством Российской Федерации до 31 декабря 2023 года, подлежат исключению из единого государственного реестра юридических лиц в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон № 129-ФЗ).

Вместе с тем, из анализа вышеуказанных законодательных актов можно выделить ряд проблем:

1. Юридическое лицо фактически может быть действующим (иметь исполнительный орган), при этом учредитель (участники) до настоящего времени не приняли соответствующего решения по объективным причинам (выезд участников юридических лиц за пределы ДНР в связи с продолжающимися боевыми действиями на территории Республики, мобилизация участников юридических лиц, участие участников юридических лиц в проведении СВО и т.п.).

В данном случае на законодательном уровне не определены последствия исключения таких юридических лиц из ЕГРЮЛ (в том числе – не определены действия по выполнению обязательств ликвидируемого юридического лица перед контрагентами, перед бюджетом, перед физическими лицами, не определены правовые последствия для сотрудников такого юридического лица и т.п.).

2. Действующим законодательством не определён круг субъектов, имеющих право инициировать исключение таких юридических лиц из ЕГРЮЛ. Сам регистрирующий орган может принять решение об исключении юридического лица в порядке статьи 21.1 Закона № 129-ФЗ при наличии одновременно следующих признаков недействующего юридического лица: в течение последних двенадцати месяцев такое юридическое лицо не представляло документы налоговой отчетности, и не осуществляло операций хотя бы по одному банковскому счету.

3. Также, в таком случае затрагивается ещё один важный правовой институт – институт права собственности. В частности, на законодательном уровне не определено правовое положение имущества исключённого из ЕГРЮЛ юридического лица. Принимая во внимание те обстоятельства, что участник такого юридического лица фактически может принимать участие в боевых действиях в ходе проведения СВО, его право собственности как участника юридического лица может быть нарушено. При этом, защита права собственности таких лиц должна быть приоритетным направлением деятельности государства.

Выводы. Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что все проблемные вопросы, как возникавшие в период становления законодательства Донецкой Народной Республики, так и возникающие в переходной период после вступления Республики в состав Российской Федерации, имеют системный характер, являются следствием принятых соответствующих решений и нормативно-правовых актов, вследствие чего требуют детального изучения, поскольку реализация соответствующих решений и актов является одним из направлений внутренней политики Российской Федерации.

Следует отметить, что необходимо особое внимание уделять принимаемым нормативно-правовым актам, касающимся конституционных прав граждан.

Проведённый анализ и сделанные выводы могут применяться субъектами правотворческой деятельности при подготовке соответствующих нормативно-правовых актов, касающихся интеграции Донецкой Народной Республики в правовую систему Российской Федерации в переходный период.

Список использованных источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0008-1-20140514/> – (дата обращения: 01.12.2023).
2. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходной период» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0003-9-1-2014-06-02/?orig=1> – (дата обращения: 03.12.2023).

3. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10.01.2015 № 1-1 «О внесении изменений в Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики «О применении законов на территории ДНР в переходной период № 9-1 от 02.06.2014 года» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpra-dnr.ru/npra/0003-1-1-2015-01-10/> – (дата обращения: 04.12.2023).
4. Постановление Президиума Совета Министров Донецкой Народной Республики от 17.08.2014 № 27-2 «Об утверждении Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpra-dnr.ru/npra/0009-27-2-20140817/> – (дата обращения: 03.12.2023).
5. Закон Донецкой Народной Республики от 15.07.2014 № 21-6/ВС «О прокуратуре»//Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpra-dnr.ru/npra/0008-21-6-vs-20140715/> – (дата обращения: 04.12.2023).
6. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 21.07.2014 № 18-5 «О переходе в государственную собственность Донецкой Народной Республики собственности государства Украина» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpra-dnr.ru/npra/0003-18-5-20140721/> – (дата обращения: 01.12.2023).
7. Постановление Президиума Совета Министров Донецкой Народной Республики от 29.09.2014 № 36-10 «Об утверждении Порядка государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей» // Официальный сайт Правительства Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravdnr.ru/npra/postanovlenie-prezidiuma-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-29-sentyabrya-2014-g-%e2%84%96-36-10-ob-utverzhdanii-poryadka-gosudarstvennoj-registraczii-yuridicheskikh-licz-i-fizich/> – (дата обращения: 01.12.2023).
8. Закон Украины от 15.05.2003 № 755-IV «О государственной регистрации юридических лиц, физических лиц-предпринимателей и общественных формирований». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ips.ligazakon.net/document/T030755?an=936794> – (дата обращения: 04.12.2023).
9. Закон Донецкой Народной Республики от 23.09.2014 № 35-1/1 «О запрете на незаконное отчуждение имущества и транспортных средств, принадлежащих частным лицам или объединениям граждан» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- <https://gisnra-dnr.ru/nra/0008-35-1-1-20140923/> – (дата обращения: 03.12.2023).
10. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22.10.2014 № 40-1 «О создании судебной системы»//Официальный сайт Правительства Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravdnr.ru/nra/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-22-oktyabrya-2014-g-%E2%84%96-40-1-o-sozdanii-sudebnoj-sistemy/> – (дата обращения: 01.12.2023).
 11. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22.10.2014 № 40-2 «О судебной системе» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnra-dnr.ru/nra/0003-40-2-20141022/> – (дата обращения: 04.12.2023).
 12. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22.07.2015 № 13-13 «О внесении изменений в Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 г. № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период»// Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0003-13-13-20150722/> – (дата обращения: 03.12.2023).
 13. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 31.05.2016 № 7-58 «О применении уголовно-процессуального законодательства на территории Донецкой Народной Республики в переходный период» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0003-7-58-20160531/> – (дата обращения: 01.12.2023).
 14. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 27.02.2015 № 2-22 «О временном порядке применения на территории Донецкой Народной Республики Кодекса Украины об административных правонарушениях» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0003-2-22-20150227/> – (дата обращения: 03.12.2023).
 15. Временное положение о налоговой системе ДНР с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.12.2015 // Официальный сайт Министерства доходов и сборов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mdsdnr.ru/index.php/vremennoe-polozhenie-o-nalogovoj-sisteme-dnr-s-izmeneniyami-i-dopolneniyami-po-sostoyaniyu-na-31-12-2015> – (дата обращения: 02.12.2023).
 16. Временное положение о налоговой системе Донецкой Народной Республики (ДНР) // официальный сайт Верховного Суда Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- <https://supcourt-dpr.su/vremennoe-polozhenie-o-nalogovoy-sisteme-doneckoy-narodnoy-respubliki> – (дата обращения: 04.12.2023).
17. Закон Донецкой Народной Республики от 25.12.2015 № 99-ІНС «О налоговой системе» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0002-99-ihc-20151225/> – (дата обращения: 01.12.2023).
 18. Закон Донецкой Народной Республики от 24.09.2020 № 193-ІНС «О внесении изменений в Закон Донецкой Народной Республики «О налоговой системе» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://gisnra-dnr.ru/nra/0002-193-iihc-20200924/#0002-193-iihc-20200924-1-2-a> – (дата обращения: 04.12.2023).
 19. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики от 13.12.2019 № 81-ІНС» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://gisnra-dnr.ru/nra/0002-81-iihc-20191213-k1/> – (дата обращения: 01.12.2023).
 20. Арбитражный процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 30.04.2021 № 277-ІНС»//Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://gisnra-dnr.ru/nra/0002-277-iihc-20210430/> – (дата обращения: 03.12.2023).
 21. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 30.04.2021 № 278-ІНС» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://gisnra-dnr.ru/nra/0002-278-iihc-20210430/> – (дата обращения: 01.12.2023).
 22. Кодекс административного судопроизводства Донецкой Народной Республики от 30.06.2021 № 296-ІНС» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://gisnra-dnr.ru/nra/0002-296-iins-20210630/> – (дата обращения: 01.12.2023).
 23. Закон Донецкой Народной Республики от 30.04.2021 № 270-ІНС «Об обращении имущества, находящегося в собственности банков Украины, в собственность Донецкой Народной Республики» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://gisnra-dnr.ru/nra/0002-270-iihc-20210430/> – (дата обращения: 01.12.2023).
 24. Федеральный закон от 30.11.1994 № 52-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legislationrf.ru/info1/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=431751&ca>

cheid=56F6409BEA1204901CBF1E201F351E3D&mode=splus&rnd=U0EkrA#0
HrsLwT4mxsbI8pk – (дата обращения: 02.12.2023).

УДК 347.963

Р.В. Мавлиханова, канд. юрид. наук., доцент, первый проректор,
Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: roza0106@list.ru)

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРОКУРАТУРЫ С ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся проблемных вопросов взаимоотношений органов прокуратуры с высшими органами государственной власти в Российской Федерации и определения исходя из этого их компетенции.

Ключевые слова: органы прокуратуры, взаимоотношения, законодательная власть, судебная власть, Президент Российской Федерации, Государственная Дума Российской Федерации, Совет Федерации Российской Федерации, Конституционный суд Российской Федерации.

Mavlikhanova, R.V.

PROBLEMS OF RELATIONS BETWEEN THE PROSECUTOR'S OFFICE AND OTHER STATE BODIES

The article discusses issues related to problematic issues of relations between the prosecutor's office and the highest state authorities in the Russian Federation and the determination of their competence based on this.

Key words: prosecutor's offices, mutual relations, legislative power, judicial power, President of the Russian Federation, State Duma of the Russian Federation, Council of Federations of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation.

В соответствии со ст. 10 Конституции Российской Федерации государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны [1]. Исходя из этого, наиболее целесообразным будет рассмотреть проблемы взаимоотношений органов прокуратуры с органами законодательной, исполнительной и судебной власти являются наименее разработанным.

Вопрос о взаимоотношениях органов прокуратуры в теории государственного строительства и прокурорского надзора является актуальным и значимым, и вместе с тем – одним из главных с позиции практической значимости [2, С. 94].

Анализ последних исследований и публикаций. Отдельные аспекты исследуемой проблемы раскрыты в научных трудах многих отечественных ученых и практиков, таких как: А.С. Демидов, С.И. Горбач, А.А. Гаврильев, Н.А. Воробьева, А.И. Гальченко и другие.

Целью настоящей статьи является анализ нормативно-правовых актов и научной литературы, определяющих основные аспекты исследуемой темы, а также установление проблем и пробелов.

Изложение основного материала исследования.

Единственным органом законодательной власти в Российской Федерации является парламент – Федеральное Собрание Российской Федерации. Федеральное Собрание Российской Федерации по своей природе является представительным органом государственной власти, в соответствии с ч.1 ст. 95 Конституции Российской Федерации Федеральное Собрание Российской Федерации (далее по тексту СФ РФ) состоит из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы.

С 1993 года количество сенаторов Российской Федерации менялось несколько раз из-за объединения существующих и образования новых субъектов Федерации. На 2022 год общее число его членов – 208, из которых 178 – представители субъектов России (по два представителя от каждого из 89 субъектов), а 30 – сенаторы, которые назначаются Президентом Российской Федерации. Президентская квота увеличена после введения поправок 1 июля 2020 года до 30 человек, также Президент РФ, прекративший свои полномочия по истечении срока или досрочно в случае отставки вправе стать пожизненным сенатором (ч. 7 ст. 95 Конституции Российской Федерации). Государственная Дума состоит из 450 депутатов.

Согласно ст. 129 Конституции РФ Генеральный прокурор Российской Федерации, заместители Генерального прокурора Российской Федерации назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации.

Согласно статье 12 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», Генеральный прокурор Российской Федерации ежегодно не менее одного раза в год представляет палатам Федерального Собрания Российской Федерации и Президенту Российской Федерации доклад о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации [3].

Указанная практика присуща и другим государствам. Так, Генерального прокурора Венгрии избирают государственные собрания по предложению Президента Республики [4, С. 685]. В более защищенном положении находится генеральный прокурор в Нидерландах, который, согласно ч. 1 ст. 117 Конституции, назначается на должность указом Короля пожизненно [4, С. 687], но такая практика является скорее исключением, чем правилом.

Часть 1 ст. 105 Конституции РФ относит к компетенции Государственной Думы принятие законов. Принятые Государственной Думой федеральные законы в течение пяти дней передаются на рассмотрение Совета Федерации (ч. 2 ст. 105 Конституции РФ). При этом, в соответствии с положениями ст. 104 Конституции РФ, правом законодательной инициативы на федеральном уровне наделены Президент РФ, СФ, члены СФ, депутаты ГД, Правительство РФ, законодательные (представительные) органы субъектов РФ. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному

Суду РФ, Верховному Суду РФ по вопросам их ведения. Законодатель, основываясь на положениях Конституции РФ, определяет особенности реализации права законодательной инициативы при внесении в ГД определенных законопроектов. Согласно ст. 134 Конституции РФ, таков же перечень субъектов законодательной инициативы, которые имеют право инициировать предложения о поправках и пересмотре положений Конституции Российской Федерации, а также группа численностью не менее одной пятой членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы. При этом, в соответствии с положениями Конституции РСФСР 1978 г., такое право имела и прокуратура.

Каждое государство решает вопрос наделения либо лишения органа права законодательной инициативы, учитывая определенные национальные обычаи и традиции, парламентскую практику, общественные нужды и т.д. Во многих из них право законодательной инициативы предоставляется высшим органам правосудия (Верховным, конституционным, арбитражным, административным судам), парламентским комитетам (комиссиям) и т.п.

Анализ Федерального закона дает четкую возможность констатировать, что участие органов прокуратуры в правотворческой деятельности осуществляется посредством трех форм: в форме внесения в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, предложений об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов; в форме проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов; в форме издания подзаконных нормативных правовых актов [5, С. 85].

В российском парламенте предоставление права законодательной инициативы связано, прежде всего, с главными разработчиками законопроектов, их задачами и объемом работы в этом направлении, ответственностью перед обществом в обеспечении необходимой законодательной базы правового регулирования общественных отношений. Наибольшая нагрузка по подготовке законопроектов и их направлению на рассмотрение Государственной Думы, как показывает практика законодательной деятельности, возлагается на Правительство Российской Федерации.

Считается, что предоставление права законодательной инициативы тем или иным субъектам в своей основе должно быть обосновано профессиональным отношением к законопроектной работе. Поскольку по Конституции именно Правительство обеспечивает проведение финансовой, ценовой, инвестиционной и налоговой политики в государстве (пункт 3 статьи 116), то его деятельность в этой сфере и как субъекта права законодательной инициативы значительно шире, чем у иных органов Российской Федерации, наделенных правом законодательной инициативы. К такому выводу можно прийти, анализируя нормы Конституции Российской Федерации.

Однако, если исходить из этой же логики, то необходимо принимать во внимание и тот факт, что прокуроры, осуществляя надзор за исполнением и

соблюдением законов, анализируя состояние законности в различных сферах жизнедеятельности, не только выявляют нарушения действующих законов, но и нередко при этом устанавливают, что сами законы в одних случаях являются несовершенными, в других – противоречат друг другу, в третьих – просто отстают от требований жизни. Таким образом, прокурорский надзор, помимо всего прочего, является естественным средством обратной связи между законотворческой деятельностью Государственной Думы и Президента, и практикой выполнения, и соблюдения законов. Не наделение прокуратуры Российской Федерации указанным правом в государственный механизм, является по меньшей мере нерациональным и нелогичным [6, С. 104].

Последствия не наделения Генерального прокурора РФ правом законодательной инициативы, по нашему мнению, негативно влияет на качество законотворческого процесса, поскольку именно прокуратура способна оперативно и высококвалифицированно выявлять устаревшие положения, затрудняющие правоприменение, подавать предложения по заполнению пробелов в законодательстве и устранению противоречий в нем. Однако это имеет еще одно следствие, опасное для реализации принципа деполитизации прокуратуры. Поскольку законными средствами внести определенный законопроект на рассмотрение Государственной Думы прокуратура возможности не имеет, то возникает ситуация, при которой для этого привлекаются другие субъекты законодательной инициативы – преимущественно депутаты.

Законодательная инициатива – прежде всего, является обязательной и начальной стадией законодательного процесса, и Генеральный прокурор, по нашему мнению, не должен находиться в стороне от законотворчества. Некоторые авторы склоняются к выводу о том, чтобы вернуть Генеральному прокурору РФ, как это было у Генерального прокурора СССР, конституционное право законодательной инициативы, максимально упростить процедуру взаимодействия с законодательными органами. Наличие у него такого права порождало бы обязанность законодательных органов рассмотреть и обсудить вопрос о принятии законопроекта или предлагаемых изменений в законодательстве.

Применительно к вопросу взаимодействия органов прокуратуры и Правительства РФ, то следует учитывать, что согласно нормам Федерального Закона предметом прокурорского надзора является:

– соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а

также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций;

– соответствие законам правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами, указанными в настоящем пункте.

Из анализа указанного положения следует, что предметом надзора органов прокуратуры является соответствие законам РФ правовых актов, издаваемых в том числе и Федеральными органами исполнительной власти, а это в том числе и Постановления Правительства РФ.

На противоречащий законодательству РФ правовой акт (постановление) прокурор приносит протест. Данная мера реагирования предусмотрена ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

Прокурор или его заместитель приносит протест на противоречащий закону правовой акт в орган или должностному лицу, которые издали этот акт, либо в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу, либо обращается в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством Российской Федерации [2].

Для понимания соотношения деятельности Генеральной прокуратуры РФ и Правительства РФ можно привести следующий пункт Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 31 августа 2023 г. № 584 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления»:

«4.3. Взаимодействие Генеральной прокуратуры Российской Федерации с Правительством Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти по линии нормотворчества обеспечивается путем участия руководителей и правового управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в заседаниях Правительства Российской Федерации и работе Комиссии Правительства Российской Федерации по законопроектной деятельности» [7].

Отношения прокуратуры и Президента Российской Федерации в первую очередь базируются на положениях Основного закона, согласно которым Генеральный прокурор Российской Федерации назначается на должность и освобождается от должности с консультацией Совета Федераций Российской Федерации Президентом Российской Федерации. Президент Российской Федерации присваивает работникам органов прокуратуры классные чины государственного советника юстиции 1, 2 и 3 классов [2]. Однако, к сожалению, другие аспекты взаимодействия главы государства с органами прокуратуры Российской Федерации на законодательном уровне практически не урегулированы. По нашему мнению, это должно быть сделано на законодательном уровне, где должно быть уделено особое внимание вопросам взаимодействия главы государства и Генерального прокурора Российской Федерации.

Отношения прокуратуры с органами судебной власти имеют два аспекта: организационный и процессуальный. Статус и полномочия прокурора в уголовном, гражданском, арбитражном процессе, административном судопроизводстве определены соответственно уголовно-процессуальным, Гражданским процессуальным, арбитражным процессуальным кодексами Российской Федерации, Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации и их рассмотрение выходит за пределы нашего исследования. Однако нельзя обойти вниманием проблемы взаимодействия Генерального прокурора Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации. В соответствии со ст. 3 Конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации – единого органа конституционной юрисдикции в Российской Федерации – относятся:

1) по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Совет Федерации), Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума), одной пятой сенаторов Российской Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации: а) Федеральных конституционных законов, Федеральных законов, нормативных актов Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации; б) Конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов Российской Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации; в) договоров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, договоров между органами государственной власти субъектов Российской Федерации; г) не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации;

2) по ходатайству Президента Российской Федерации, любого из участвующих в споре органов разрешает споры о компетенции: а) между федеральными органами государственной власти; б) между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; в) между высшими государственными органами субъектов Российской Федерации;

3) по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод проверяет конституционность Федеральных конституционных законов, Федеральных законов, нормативных актов Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, Конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов

субъектов Российской Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты;

3.1) по запросам судов проверяет конституционность Федеральных конституционных законов, Федеральных законов, нормативных актов Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, Конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов Российской Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, подлежащих применению соответствующим судом в конкретном деле;

3.2) по запросам Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации;

3.3) по запросам Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации разрешает вопрос о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации;

4) по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, органов законодательной власти субъектов Российской Федерации дает толкование Конституции Российской Федерации;

5) по запросу Совета Федерации дает заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации или Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки или стойкой неспособностью по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия, в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления;

5.1) по запросам Президента Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации проверяет конституционность вопроса, выносимого на референдум Российской Федерации в соответствии с Федеральным

конституционным законом, регулирующим проведение референдума Российской Федерации;

5.2) по запросу Президента Российской Федерации проверяет конституционность проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, проектов Федеральных конституционных законов и Федеральных законов, а также законов, принятых в порядке, предусмотренном частями 2 и 3 статьи 107 и частью 2 статьи 108 Конституции Российской Федерации, до их подписания Президентом Российской Федерации, законов субъекта Российской Федерации до их обнародования высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации);

б) утратила силу;

7) осуществляет иные полномочия, предоставляемые ему Конституцией Российской Федерации и Федеральными конституционными законами [8].

Таким образом, Конституционный суд Российской Федерации разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации законов и иных нормативных правовых актов; разрешает споры о компетенции: а) между федеральными органами государственной власти; б) между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; в) между высшими государственными органами субъектов Российской Федерации; а также разрешает дела по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле. Основанием к рассмотрению дела является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон (проект закона), иной нормативный акт, договор между органами государственной власти, не вступивший в силу международный договор или обнаружившаяся неопределенность в вопросе о возможности исполнения решения межгосударственного органа, основанного на положениях соответствующего международного договора Российской Федерации в истолковании, предположительно приводящем к их расхождению с положениями Конституции Российской Федерации, или обнаружившаяся неопределенность в вопросе о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации или обнаружившееся противоречие в позициях сторон о принадлежности полномочия в спорах о компетенции, или обнаружившаяся неопределенность в понимании положений Конституции Российской Федерации.

Конституционное обращение – это письменное ходатайство, письменная жалоба или письменный запрос в Конституционный Суд Российской Федерации.

Федерации о необходимости в случае обнаружения неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон (проект закона), иной нормативный акт, договор между органами государственной власти, не вступивший в силу международный договор или обнаружившаяся неопределенность в вопросе о возможности исполнения решения межгосударственного органа, основанного на положениях соответствующего международного договора Российской Федерации в истолковании, предположительно приводящем к их расхождению с положениями Конституции Российской Федерации или обнаружившаяся неопределенность в вопросе о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации, или обнаружившееся противоречие в позициях сторон о принадлежности полномочия в спорах о компетенции, или обнаружившаяся неопределенность в понимании положений Конституции Российской Федерации.

В обращении должны быть указаны: 1) Конституционный Суд Российской Федерации в качестве органа, в который направляется обращение; 2) наименование заявителя (в жалобе гражданина – фамилия, имя, отчество), адрес, а также иные данные о заявителе, если это необходимо для определения заявителя; 3) необходимые данные о представителе заявителя и его полномочия, за исключением случаев, когда представительство осуществляется по должности или когда заявитель не имеет представителя; 4) наименование и адрес государственного органа, издавшего акт, который подлежит проверке, либо участвующего в споре о компетенции; 5) нормы Конституции Российской Федерации и настоящего Федерального конституционного закона, дающие право на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации; 6) точное наименование, номер, дата принятия, источник опубликования и иные данные о подлежащем проверке акте, данные о подлежащем проверке проекте закона, указание на положение Конституции Российской Федерации, подлежащее толкованию или определяющее оспариваемую компетенцию; 7) конкретные, указанные в настоящем Федеральном конституционном законе основания к рассмотрению обращения Конституционным Судом Российской Федерации; 8) позиция заявителя по поставленному им вопросу и ее правовое обоснование со ссылкой на соответствующие нормы Конституции Российской Федерации, за исключением обращений по вопросам, указанным в части третьей статьи 36 указанного Федерального конституционного закона; 9) требование, обращенное в связи с запросом, ходатайством, жалобой к Конституционному Суду Российской Федерации; 10) перечень прилагаемых к обращению документов.

Важная роль Конституционного суда как одного из высших конституционных органов государственной власти в Российской Федерации неоднократно освещалась в научных трудах. Нет сомнений в том, что это высший орган в системе государственной власти, который обладает широкими

полномочиями. Однако, и это будет справедливо, Конституционный суд Российской Федерации не осуществляет надзора за законностью и обоснованностью приговоров, решений, постановлений и постановлений судов, представлений уполномоченных на то должностных лиц, не дает судебным и другим правоохранительным органам руководящих разъяснений относительно применения законов при рассмотрении уголовных и гражданских дел, при разрешении споров в судебном порядке [9]. Учитывая это, усматривается целесообразным предусмотреть в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» право Генерального прокурора Российской Федерации на конституционное представление в этот орган. Кроме того, представляется целесообразным включить Генерального прокурора в число участников заседаний Конституционного суда, которые правомочны высказывать свою позицию по всем рассматриваемым вопросам и предоставлять доказательства.

Таким образом, ситуация, при которой Генеральная прокуратура, имеющая самую объективную информацию о состоянии законности во всех сферах государственной жизни, хорошо знает все недостатки законодательных актов, которые позволяют правонарушителям избежать ответственности за свои поступки, лишена права законодательной инициативы и не является субъектом права на конституционное представление, представляется нам парадоксальной. Роль и место органов прокуратуры в государственном механизме, особенности возложенных на них функций свидетельствуют, что именно прокуратура способна быстро, объективно, и главное, на высоком профессиональном уровне, с соблюдением всех предписаний правовых актов и требований нормопроектной техники осуществлять эту деятельность.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: Закон Российской Федерации принят всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Официальный текст: приводится по состоянию на 20.02.2023 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ – (дата обращения: 12.11.2023).
2. Актуальные проблемы прокурорской деятельности: 300 лет на страже российской государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. (Иркутск, 30 окт. 2021 г.) / ФГБОУ ВО ИГУ; отв. ред. О.В. Горбач. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – С. 52-56.
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 17.11.1995 № 168-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157>Тюренкова – (дата обращения: 14.11.2023).
4. Демидов А.С. Конституционно-правовой статус прокуратуры в зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ / А.С. Демидов // Молодой ученый. – 2015. – № 21 (101). – С. 633-636.

5. Гаврильев А.А. Генеральный прокурор РФ как субъект права законодательной инициативы / А.А. Гаврильев // Молодой ученый. – 2022. – № 8 (403) – С. 84-86.
6. Воробьева Н.А. Проблемы организации и деятельности органов прокуратуры на современном этапе / Н.А. Воробьева // Северокавказский юридический вестник. – 2019. – № 4 – С. 100-106.
7. О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 31 августа 2023 г. № 584. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/97abe6fd8de21b3e15e5f784b30144f6e2a068b – (дата обращения: 12.11.2023).
8. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/97abe6fd8de21b3e15e5f784b30144f6e2a068b – (дата обращения: 15.11.2023).
9. Гальченко А.И. Актуальные вопросы участия прокурора в конституционном судопроизводстве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakipp.unn.ru/wp-content/uploads/sites/16/2018/10/A.I.-Galchenko-2.pdf?y> – (дата обращения: 17.11.2023).

УДК 343.3/.7

Т.М. Мамона, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: mamonat@list.ru)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО, ПОДСУДИМОГО НА ЗАЩИТУ

В статье предпринята попытка раскрытия понятия права на защиту в уголовном судопроизводстве, понятия нарушения права на защиту подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а также характеристика ответственности за нарушение права на защиту уголовно-преследуемых лиц с позиции вмешательства в профессиональную деятельность адвоката.

Ключевые слова: защита прав, право на защиту, адвокат, должностное лицо, уголовно-преследуемое лицо, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый.

Мамона, Т.М.

CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF THE RIGHTS OF A SUSPECTED, ACCUSED, DEFENDANT TO DEFENSE

The article attempts to disclose the concept of the right to defense in criminal proceedings, the concept of violation of the right to defense of a suspect, accused,

defendant, as well as a description of liability for violation of the right to defense of criminally prosecuted persons from the position of interference in the professional activities of a lawyer.

Key words: *protection of rights, right to defense, lawyer, official, criminally prosecuted person, suspect, accused, defendant.*

Актуальность темы исследования. В настоящее время в процессе глобальных перемен и построения правового государства Российская Федерация остро ставит вопрос защиты прав подозреваемого, обвиняемого и подсудимого. Нормой ст. 48 Конституции РФ [1] гарантировано право на защиту. Каждый имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения по совершенному уголовному деянию.

Актуальность данной темы связана, прежде всего, с уязвимым положением лица в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях, которые содержат в себе применение норм уголовно-принудительного характера. Здесь ему «противостоит» целый аппарат специалистов в отрасли юриспруденции. Злоупотребление ими правом, пристрастное или неправильное (сознательное или ошибочное) применение закона крайне опасно ввиду строгости и продолжительности правоограничений, которые лицо испытывает в случае реализации в отношении него таких мер. По этой причине ответственность лиц за нарушение прав на защиту уголовно-преследуемых лиц является достаточно значимой и актуальной для изучения и дальнейших научных теоретических и практических разработок с целью совершенствования и применения мер уголовной ответственности в этой области защиты прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Анализ научных исследований. Весомость права на защиту как правовой категории и принципа уголовного судопроизводства объясняет интерес к нему со стороны научного сообщества (Б.Т. Безлепкин, В.П. Божьев, А.В. Гриненко, В.В. Дорошков, И.Н. Кондрат, А.М. Ларин, И.А. Насонова, М.С. Строгович, В.С. Шадрин и др.). Однако многие аспекты права на защиту остаются до сих пор дискуссионными. Среди наиболее обсуждаемых назовем: обязательное привлечение защитника с момента фактического задержания; присутствие защитника в следственном изоляторе при использовании видеоконференцсвязи в рамках судебного заседания; расширение полномочий адвоката, вступившего в процесс, с момента начала проверки сообщения о преступлении; пересмотр и расширение оснований обязательного участия защитника в уголовном судопроизводстве.

Целью нашей работы является анализ механизма уголовной ответственности лиц, нарушивших право подозреваемого, обвиняемого, подсудимого на защиту в процессе уголовного преследования.

Изложение основного материала. Важнейшим принципом уголовного судопроизводства является обеспечение подозреваемому, обвиняемому, подсудимому права на защиту [2]. Именно нормы Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) достаточно подробно регламентируют порядок участия защитника в уголовном судопроизводстве.

Для начала остановимся на общей характеристике права на защиту подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Рассматривая понятие права на защиту как юридическую категорию, следует отметить, что право на защиту уголовно-преследуемых лиц – это гарантированные государством привилегии, направленные на обеспечение безопасности личности, соблюдение законности со стороны лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, на справедливое и обоснованное наказание за совершенное деяние. Защита прав уголовно-преследуемых лиц осуществляется всеми средствами и способами, предусмотренными международным и отечественным законодательством. Реализация права на защиту подозреваемого, обвиняемого и подсудимого осуществляется посредством гарантирования ему адвоката (защитника). Также стоит обратить внимание, что все органы и должностные лица должны беспрекословно соблюдать нормы Конституции РФ, Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и УПК РФ, которые являются основополагающими нормативными правовыми актами, регулирующими процедуру уголовного судопроизводства.

Итак, право на защиту уголовно-преследуемых лиц является неотъемлемым правом человека, гарантированным Основным законом Российской Федерации, поскольку обеспечение защиты подозреваемого, обвиняемого, подсудимого обеспечивает реализацию принципа состязательности в уголовном процессе. Лишение или ограничение права на защиту уголовно-преследуемых лиц недопустимо, иначе такие действия влекут за собой нарушение принципа состязательности – участия в уголовном преследовании двух противоборствующих сторон – обвинения и защиты. Следует также обратить внимание на то, что обе стороны должны иметь равные возможности в доказывании и отстаивании принятой позиции.

Но, зачастую, мы все-таки сталкиваемся с нарушением права на защиту уголовно-преследуемых лиц. Так что же такое нарушение права на защиту? Нарушением права на защиту являются действия органов или должностных лиц, направленные на лишение или ограничение уголовно-преследуемого лица права на защиту, что выражается в ограничении или лишении права пользоваться услугами адвоката или защитника, права осуществлять защиту интересов лично и (или) с помощью законного представителя, а также права использовать в процессе своей защиты всех методов, способов и средств, не запрещенных законом или им предусмотренных. Существенным нарушением права на защиту подозреваемого, обвиняемого, подсудимого со стороны уполномоченных органов и должностных лиц является то, что лицо вследствие нарушения права на защиту понесло несправедливое, более строгое или не соответствующее деянию, наказание. Это случается вследствие ограничения или лишения уголовно-преследуемых лиц права на защиту, что повлияло на постановление законного и обоснованного приговора.

Рассмотренные нами критерии права на защиту уголовно-преследуемых лиц и их нарушение со стороны органов и должностных лиц, принимающих участие в

уголовном судопроизводстве, свидетельствует также о возможном злоупотреблении со стороны последних.

Сегодня в правовой теории злоупотребления правом учеными из разных методологических позиций рассматривается как юридический феномен [10, С. 15], феномен или правовое поведение (здесь критерием оценки является буква закона) или противоправного поведения (здесь критерием оценки является дух права) [13, С. 429], как правовое явление, как явление правовой действительности, как правовая категория [5, С. 12; 4, С. 8], как родовое правовое понятие [7, С. 7], как особая форма реализации права [9, С. 7], как проявление юридической несвободы, как социально-вредное явление, как форма правового нигилизма и т.д.

Злоупотребление правом исследуют на основе категории «свобода», «субъективное право» и «ответственность», являющиеся методологической основой выяснения правовой сущности этого понятия. Свобода выбора поведения человеком определена в международных актах и Основном законе нашего государства.

Это означает, что свобода каждого человека возможна только до предела, где начинается свобода другого человека. В широком понимании – участник процесса имеет право распоряжаться своими субъективными правами до тех пор, пока он не нарушает прав других участников процесса, а также не нарушает запреты, определенные в законе для обеспечения нормального выполнения задач уголовного судопроизводства. По нашему мнению, злоупотребление правом со стороны органов и должностных лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве, заключается в том, что вред наносится специфическим образом, именно через осуществление собственного юридического права, и в некоторой степени – ограниченностью прав уголовно-преследуемого лица, т.е. в нашем понимании – в отдельной форме правонарушения. В свою очередь, ответственность за общественно значимое поведение, в том числе и за злоупотребление правом, является свобода воли, понимаемая как наличие возможности свободно выбирать способ поведения с учетом знаний о существующих моральных нормах и юридических законов, а свобода каждого имеет свои пределы, и предел ей – ответственность.

Таким образом, можно заключить, что нарушение права на защиту подозреваемого, обвиняемого, подсудимого является следствием и злоупотребления собственными законными правами органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование человека, чем значительно ухудшают положение уголовно-преследуемых лиц.

Также, рассматривая реализацию права на защиту, можно констатировать неравенство прав сторон защиты, обвинения и суда. Необходимо корректировать и процессуальное положение защитника, которое и так является весьма неопределенным [6, С. 36]. Особенность существенного такого нарушения уголовно-процессуального закона, как нарушение права на защиту заключается в том, что при обжаловании приговора оно должно действовать только в пользу осужденного.

Так, недопустимость отмены оправдательного приговора по мотиву нарушения права на защиту – очевидная истина, которая не требует каких-либо разъяснений и которую на интуитивном уровне должен понимать любой судья.

Тем не менее, Пленум ВС РФ в постановлении от 30.06.2015 № 291 указывает, что, во-первых, отмена оправдательного приговора по мотиву нарушения права обвиняемого на защиту не допускается (п. 19).

Во-вторых, при отмене обвинительного приговора по этому основанию не допускается ухудшение положения обвиняемого при новом рассмотрении в суде первой инстанции (назначение более строгого наказания и т. п.) (п. 20) [3]. Но даже после указаний Пленума ВС РФ суды регулярно допускают эту грубейшую ошибку, извращая принцип обеспечения права на защиту. Причем такие ошибки допускают не только в районных судах, но и в вышестоящих. В связи с этим Верховный Суд РФ продублировал разъяснения Пленума ВС РФ в Обзоре судебной практики ВС РФ № 4 за 2019 год на конкретном примере постановления Президиума ВС Карачаево-Черкесской Республики от 26.07.2018 по делу № 4У-56/2018. Указанным решением суд кассационной инстанции отменил оправдательный приговор суда апелляционной инстанции по мотиву нарушения права на защиту, допущенного при производстве в суде апелляционной инстанции. Верховный Суд РФ не согласился с таким решением и отменил это постановление, руководствуясь п. 19 Постановления Пленума № 29, а через несколько месяцев включил указанную правовую позицию в обзор судебной практики [11].

Еще хуже на практике обстоят дела, когда приговор является не оправдательным, а обвинительно-оправдательным (частично оправдательным), которым суд признает подсудимого виновным по определенным эпизодам и оправдывает по другим. Здесь возможные варианты решений суда вышестоящей инстанции уже не полярные: либо отменить, либо оставить без изменения. При этом разъяснения ВС РФ отсутствуют.

У суда апелляционной инстанции нет полномочий по отмене приговора в части оправдания по мотиву нарушения права на защиту. Нарушение права на защиту исключает отмену оправдательного приговора, отмена такого приговора в целом по основанию нарушения права на защиту ухудшает положение частично оправданного. Судебная практика также свидетельствует о некорректности этого подхода. Отмена судом апелляционной инстанции обвинительно-оправдательного приговора из-за нарушения права на защиту существенно нарушает права оправданного, вновь придавая ему статус обвиняемого. Оптимальное решение в такой ситуации – отмена приговора в части осуждения по мотиву нарушения права на защиту, а в части оправдания – отмена или оставление без изменения, в зависимости от убедительности доводов сторон.

Таким образом, изложенное свидетельствует о том, что, несмотря на существующие средства и способы защиты, судебная система наделена определенными привилегиями, которые позволяют ей не учитывать при вынесении приговора осужденному фактора нарушения права на защиту подсудимого, что свидетельствует о законном злоупотреблении правом со стороны государства в лице судебной системы.

Рассматривая меры ответственности лиц за нарушение права защиты подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в уголовном судопроизводстве следует отметить, что уголовная ответственность за нарушение права на защиту в Российской Федерации не предусмотрена, в отличие от уголовного законодательства Казахстана, где содержится статья 435 УК Казахстана «Воспрепятствование законной деятельности адвокатов и иных лиц по защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также оказанию юридической помощи физическим и юридическим лицам». Что касается российского уголовного законодательства, то тут предусмотрены иные меры уголовной ответственности, применяемые к должностным лицам, принимающим участие в уголовном судопроизводстве. Противоправные действия в отношении нарушения прав защиты уголовно-преследуемых лиц квалифицируются как должностные преступления. И это является логичным, поскольку нарушение права на защиту проявляется в следующем:

- нарушение прав на защиту подозреваемого, обвиняемого, подсудимого со стороны должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство;
- нарушение права на защиту со стороны адвокатов, либо допущенных к участию в деле в качестве защитников.

Так, что касается первой категории лиц, то они по роду своей деятельности обязаны соблюдать законодательство и не допускать грубых нарушений или халатности, что обуславливается их процессуальным положением и особенностью государственной службы. Поэтому, по нашему мнению, любое нарушение прав других лиц должно квалифицироваться как должностное преступление и дополнительной квалификации не требует. Что касается права на защиту, то нарушение права на защиту уголовно преследуемых лиц и является нарушением именно должностных полномочий. Выделение в отдельную уголовную статью такого деяния как нарушение прав на защиту приведет к сложности квалификации должностного преступления и «правозащитной» статьи УК РФ. Это связано с аналогией субъекта – специального субъекта – следователя, прокурора, судьи. Ведь право на защиту и реализуется посредством исполнения и соблюдения должностным лицом, участвующим в уголовном производстве, своих обязанностей. Никто иной не может обеспечить реализацию права на защиту подозреваемому, обвиняемому, подсудимому. Также никто, кроме лиц, осуществляющих уголовное преследование, не может воспрепятствовать исполнению защитных функций адвоката в уголовном судопроизводстве.

Но все же особого внимания заслуживает вопрос вмешательства в деятельность адвоката или воспрепятствование его деятельности со стороны лиц, которые могут быть заинтересованы в применении наиболее строгих мер уголовного наказания по известным или неизвестным причинам, вследствие чего с их стороны будет явное нарушение права на защиту подозреваемого, обвиняемого, подсудимого путем негативного воздействия на деятельность адвоката или защитника.

Что касается самого адвоката, как лица, обеспечивающего право на защиту подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, то взаимоотношения между ним и подзащитным ограничиваются договорными правоотношениями и гражданско-правовой ответственностью, а также дисциплинарной ответственностью в связи с его особым статусом.

Итак, как упоминалось нами выше, вмешательство в профессиональную деятельность адвоката не допускается. Так, Федеральная палата адвокатов РФ (далее – ФПА РФ) ежегодно отслеживает случаи нарушения профессиональных прав адвокатов. Статистика показывает, что, несмотря на существование системы гарантий адвокатской деятельности, ежегодно большое количество адвокатов сталкивается с воспрепятствованием своей деятельности должностными лицами правоохранительных органов, должностными лицами, в производстве которых находится дело, или даже судом. Так, случаев нарушения профессиональных прав адвокатов со стороны обозначенных субъектов зафиксировано: в 2018 г. – 589; в 2019 г. – 1115; в 2020 г. – 1027 [12].

Представляется очевидным, что существующие гарантии деятельности адвокатов часто не соблюдаются представителями органов государственной власти, учитывая количество их ежегодных нарушений. Среди аспектов системы гарантий адвокатской деятельности существует один, который до сих пор не имеет в целом законодательного закрепления – ответственность за воспрепятствование деятельности адвоката. Необходимо отметить, что мы рассматриваем любое вмешательство или воспрепятствование деятельности адвоката как основание для привлечения к ответственности лиц, которые его допустили. Поэтому мы не считаем, что объективная сторона такого правонарушения может быть представлена какими-либо отдельными формами нарушения прав адвоката, как, например, неправомерный отказ предоставлять информацию по направленному адвокатскому запросу.

В настоящее время в Уголовном кодексе РФ существует глава, регламентирующая преступления против правосудия – глава 31 УК РФ. С точки зрения исследования уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в сфере отправления правосудия, наиболее важными являются статьи 294–296, 298.1 УК РФ. Уголовно-наказуемыми деяниями, совершенными в отношении адвокатов, в соответствии с действующей редакцией УК РФ являются:

– посягательство на жизнь защитника или его близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, совершенное в целях воспрепятствования законной деятельности защитника либо из мести за такую деятельность (ст. 295 УК РФ);

– угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении защитника, а равно его близких в связи с производством предварительного расследования, рассмотрением дел или материалов в суде либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта (ч. 2 ст. 296 УК РФ);

– деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 296 УК РФ, совершенные с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья (ч. 3 ст. 296 УК РФ);

– деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 296 УК РФ, совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (ч. 4 ст. 296 УК РФ).

Анализ приведенных норм, а также в целом главы 31 УК РФ показывает, что:

– уголовный закон охраняет деятельность только адвоката-защитника;

– уголовный закон охраняет только жизнь, здоровье и имущество защитника и его близких в связи с его профессиональной деятельностью.

Такая редакция УК РФ не соответствует общественным отношениям, которые складываются в связи с осуществлением адвокатской деятельности. Во-первых, адвокат даже в рамках уголовного судопроизводства может осуществлять не только защиту обвиняемого, подсудимого, но и представлять интересы потерпевшего, свидетеля гражданского истца, гражданского ответчика.

При этом иные субъекты уголовно-правовой охраны, указанные в статьях 294-296, 298.1 УК РФ, являются участниками не только предварительного расследования или рассмотрения уголовного дела судом, а в целом правосудия – вне зависимости от вида осуществляемого судопроизводства. Например, прокурор, эксперт и специалист могут участвовать во всех видах судопроизводства в соответствии с профильным процессуальным законодательством. Это в полной мере относится и к деятельности адвоката. Однако диспозиции рассматриваемых статей не относят адвоката, участвующего в гражданском, арбитражном и иных судопроизводствах, к субъекту уголовно-правовой охраны. Во-вторых, воспрепятствование адвокатской деятельности не является предметом охраны уголовного закона РФ. Исследуемые ч. 1, 2 ст. 294 УК РФ содержат указание на то, что вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия или вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела являются уголовно-наказуемыми деяниями.

Поэтому возникает вопрос: почему воспрепятствование деятельности суда, прокурора, следователя или лица, производящего дознание, расценивается законодателем как уголовно наказуемое деяние в связи с воспрепятствованием осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, а воспрепятствование деятельности адвоката-защитника – нет? Возможно, это связано с тем, что законодатель не рассматривает деятельность защитника как участника отправления правосудия по уголовным делам.

С нашей точки зрения, нельзя рассматривать отправление правосудия отдельно от деятельности адвоката-защитника. Уголовно-процессуальный кодекс РФ регламентирует обеспечение преследуемому лицу права на защиту.

При этом такое право обвиняемого, подсудимого является одним из принципов уголовного судопроизводства (ст. 16 УПК РФ).

Участие адвоката-защитника должно быть обязательным в любом случае осуществления уголовного преследования в отношении любого лица как гарантия реализации права на квалифицированную юридическую помощь. При этом нарушение права обвиняемого на защиту, включая рассмотрение уголовного дела без участия защитника в предусмотренных УПК РФ случаях, является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и влечет за собой отмену или изменение судебного решения при его пересмотре в порядке, установленном УПК РФ (п. 2 ст. 389.15, п. 4 ч. 2 ст. 389.17, ч. 1 ст. 401.15, ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ). Поэтому правосудие как объект уголовно-правовой охраны невозможно рассматривать в узком смысле – как исключительно судебную деятельность. Необходимо учитывать деятельность всех субъектов, непосредственно связанных с отправлением правосудия по уголовным делам, включая адвоката-защитника.

Выводы. Таким образом, на сегодняшний момент регламентация правовой охраны адвокатской деятельности не соответствует реальным общественным отношениям, складывающимся в связи с осуществлением адвокатом своей профессиональной деятельности. Необходимо законодательно закрепить ответственность за воспрепятствование адвокатской деятельности в любой форме, дифференцировав ответственность за воспрепятствование деятельности адвоката в виде преступления. Нарушение права на защиту, например, в форме нарушения профессиональных прав адвоката-защитника в виде воспрепятствования его профессиональной деятельности, должно расцениваться как общественно опасное деяние, осуществленное с целью воспрепятствования правосудию.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> – (дата обращения: 07.12.2023).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 – ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – ст. 4921.
3. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // Российская газета. – № 150. – 10.07.2015.
4. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63 – ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 10.06.2002. – № 23. – ст. 2102.
5. Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец.

- 12.00.01 «Теория и история права и гос.; история учений о праве и гос.». – М., – 2015 – 29 с.
6. Васечкина А.В. Нравственные основы предварительного расследования / А.В. Васечкина // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития: матер. Всерос. науч.-практич. конф. – Краснодар: КубГАУ, 2019. – С. 36.
 7. Вопленко Н.Н. Злоупотребление правом как родовое понятие юридической науки / Н.Н. Вопленко // Вестн. ВолГУ. Сер. 5, Юриспруденция. – 2011. – Вып. 1 (14). – С. 7-15.
 8. Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.09 «Уголовн. процесс». – Челябинск, 2013. – 26 с.
 9. Кучмиенко О.В. Злоупотребление правом в корпоративных правоотношениях: автореф. дис. ... канд. Юрид. наук: 12.00.03 «Гражданское право и гражданский процесс; семейное право; международное частное право» – К., 2016 – 19 с.
 10. Малиновский А.А. Злоупотребление правом (новый подход к проблеме) / А.А. Малиновский // Право и политика. – 2000. – № 6. – С. 15-23.
 11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 6. – июнь, 2020.
 12. Отчет Совета Федеральной палаты адвокатов РФ за период с апреля 2019 г. по апрель 2021 г. // Федеральная палата адвокатов РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/otchet-soveta-federalnoy-palaty-advokatov-rf-zaperiod-s-aprelya-2019-g-po-aprel-2021-g/> – (дата обращения: 27.12.2023).
 13. Скакун О.Ф. Теория государства и права: учебник / Скакун О.Ф. – Харьков : Консум, 2001. – 656 с.

УДК 34 (37)

Н.А. Нарыжный, член общественного совета Регионального отделения Ассоциации юристов России в ДНР, ректор, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: dguj_minjsta@mail.ru)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО РИМСКОМУ ПРАВУ

Развитие права наследования отражает важные социальные изменения в римских экономических структурах и системах ценностей. Этот процесс знаменует переход от старого римского аграрного общества к новому коммерческому. Технически с юридической точки зрения закон о наследовании показывает противоречие между гражданским правом и преторианским правом.

Ключевые слова: Римское право, наследование, воля, завещание.

Narizhny, N.A.

CURRENT ISSUES OF INHERITANCE UNDER ROMAN LAW

The development of inheritance law reflects important social changes in Roman economic structures and value systems. This reflects the transition from the old Roman agrarian society to the new commercial one. From a technical legal point of view, the inheritance law shows the contradiction between civil law and praetorian law.

Key words: Roman law, inheritance, will, testament.

Актуальность темы исследования исходит из повышенной актуальности понятия права наследования в целом, как такового.

Анализ научных исследований. Вопросы наследования в римском праве рассматривались в работах таких учёных-юристов, как А. Бергер, Е.М. Штаерман, И.Б. Новицкий, и др.

Цель статьи – проанализировать особенности изменений права наследования с точки зрения важных социальных изменений в римских экономических структурах и системах ценностей.

Изложение основного материала. Законодательство о наследовании в римском праве касается юридической судьбы прав и обязанностей человека после его смерти. Тесно связанный с фундаментальными и специфическими особенностями римской семьи и общества закон о наследовании представлял огромные трудности для римских юристов из-за его крайне сложной природы и отсутствия систематической согласованности. Неслучайно, что одиннадцать из пятидесяти книг в Дигестах посвящены праву наследования.

Развитие законодательства о наследовании отражает важные социальные изменения в римских экономических структурах и системах ценностей. Это перекликается с переходом от старого римского аграрного общества к новому коммерческому. С юридической точки зрения законодательство о наследовании выявляет противоречие между гражданским правом и преторианским правом. Формально не изменяя гражданское законодательство, претор внес фундаментальные коррективы, среди прочего, для защиты эмансипированных лиц, кровных родственников по женской линии и переживших супругов.

В основе классической римской системы наследования лежала идея о том, что свободно составленное завещание римского гражданина, распоряжающегося своим имуществом после смерти, должно превалировать над любым более ранним завещанием.

Завещание (или волеизъявление) получило раннее и зрелое развитие в римском праве. Вероятно, это было связано с тем, что римляне считали необходимым составить завещание перед смертью.

Согласно Плутарху (Катон 9.6), Катон Старший сожалел только о трех вещах за всю свою жизнь: о том, что он доверил определенную тайну своей жене, о том, что он заплатил за проезд, чтобы добраться до места на корабле, вместо того, чтобы идти пешком, когда он мог бы идти пешком, и о том, что он

прожил целый день своей жизни. Взрослая жизнь без завещания или без составления завещания [1].

Практически говоря, первое, что нужно было знать при распоряжении имуществом умершего человека, это то, оставил ли он или она действительное завещание, потому что положения завещания превзошли бы принципы, установленные законом о завещании без завещания.

Рассмотрим универсальное правопреемство и наследственность. Наследование (правопреемство) в общем случае означает занятие места или должности, ранее занимаемой другим лицом. Безусловно, наиболее важным случаем наследования было наследование после смерти, то есть вступление наследника в законное положение умершего, для чего латинским термином было *hereditas* (наследование).

Первобытный закон наследования отражал сплоченность патриархальной семьи. Отец «сохранился» в своих сыновьях, которые также были его наследниками. Наследник таким образом увековечивал личность отца и продолжал выполнять семейные обязанности (поклонение, управление имуществом и т.д.). Римские юристы называли умершего *de cuius*, аббревиатурой латинского *de cuius bonis agitur* (тот, о чьем имуществе идет речь). Это латинское выражение продолжает использоваться во многих правовых системах гражданского права [2].

Наследование изначально было универсальным в том смысле, что оно охватывало как единое целое все права и обязанности умершего. Универсальность не означала тотальности – она не требовала назначения только одного наследника.

Наследник также был универсальным, в том смысле, что имел право на определенную часть или квоту всего имущества, а не просто на отдельные предметы.

Таким образом, согласно этому принципу универсальности доля сонаследника увеличивалась, когда другой сонаследник не получал свою долю по завещанию (*ius adscrescendi*). Более поздние римские юристы применяли термин «наследование» также для обозначения приобретения отдельных предметов, например, путем наследования или дарения *mortis causa* (Ulpian, D. 39.2.24.1a). Но общее различие в римском праве между универсальным и частным правопреемством возобладало в современном праве.

В целом, мы могли бы отметить, что права, связанные с правом собственности и обязательственным правом (так называемые родовые права), обычно переживали смерть, но были важные исключения. Исключались строго личные права и обязанности: например, *patria potestas* была прекращена со смертью отца. Брак, очевидно, был расторгнут со смертью одного из супругов.

Узуфрукт тоже, как сугубо личное вещное право, был аннулирован смертью узуфруктария. Некоторые договорные отношения (партнерство и мандат) были прекращены смертью одной из сторон, а уголовные иски были прекращены смертью должника. Владение, как условие де-факто, переходило к

наследнику только после того, как он стал физически владеть вещью, принадлежащей к наследству.

Остановимся подробнее на типах наследования. Закон двенадцати таблиц признавал завещательное правопреемство. Завещание возобладало над завещанием по завещанию. Но закон о наследовании по завещанию иногда ограничивал свободу распоряжения имуществом наследодателя, предусматривая наследование против воли этого лица. Это произошло, например, когда наследодатель умолчал о близком родственнике, который не был ни признан наследником, ни формально лишен наследства в соответствии с гражданским законодательством. Два вида наследования, по завещанию и без завещания, были взаимоисключающими. «Никто не может умереть частично завещанным и частично без завещания» - было просто правилом (пункт 2.14.5: *neque idem ex parte testatus ex parte intestatus decedere potest*). У этого правила было много исключений, и оно не было общепринятым в современном праве.

Правопреемство может осуществляться в соответствии с гражданским правом (гражданское правопреемство) или в соответствии с преторианским правом (*bonorum possessio* или преторианское правопреемство). Гражданское правопреемство определялось «Двенадцатью таблицами законов», уставами народных собраний и юридическими толкованиями.

Преторианское право, с другой стороны, в основном состояло из эдиктов, в которых претор вводил значительные новшества в интересах приспособления закона о престолонаследии к новым контекстам и обстоятельствам. Предоставляя, отказывая или адаптируя некоторые средства правовой защиты, претор смягчал более суровые принципы гражданского права. Преторианское законодательство в целом поощряло познание застоя, упрощало юридические формальности и ограничения, и признавало право пережившего супруга.

Остановимся на понятии «наследник». Наследник стал универсальным правопреемником после смерти в соответствии с гражданским законодательством. Он унаследовал все юридическое положение покойного, а не только индивидуальные права собственности покойного (Pomponius, D. 29.2.37). Покойный мог назначить нескольких наследников, но только в отношении определенных долей наследства: например, «Будь Нумерий наследником одной трети, а Маний – двух третей».

Если покойный не указывал долю каждого наследника, доли считались равными. Наследник унаследовал права и имущество умершего, но также принял на себя все передаваемые долги. Эта ответственность наследника не ограничивалась стоимостью унаследованного имущества; его ответственность, в принципе, выходила за пределы имущества умершего лица (*ultra vires hereditatis*), но в какой-то момент и при некоторых обстоятельствах она была ограничена (*intra vires hereditatis*). Поскольку сын не может перестать быть сыном, наследник не мог быть назначен на ограниченный период времени. В этом и заключался смысл правила: «Один раз наследник, всегда наследник» (*semel heres, semper heres*). Это правило подразумевало, что наследник не мог

ни назначить другого человека наследником вместо себя, ни назначить последующих наследников, создавая таким образом последовательный интерес к наследству. Положение «*Будь моей наследницей, моя жена Калерия, а после ее смерти – мои дети*» было недействительным по римскому праву. Узуфрукт и наследственный траст (*fideicommissum hereditatis*) были правовыми институтами, использовавшимися для создания результатов такого рода.

Типы наследников. Наследниками мужчины по преимуществу были его собственные или семейные наследники (*heredes sui*) – те лица, мужчины или женщины, которые находились бы под властью отца (*paterfamilias*), если бы он был еще жив. Семейными наследниками были дети мужчины, включая приемных и посмертных, внуки, чьи отцы умерли раньше них, и его вдова, если она оставалась под его супружеской властью. Семейные наследники наследовали автоматически, без добровольного акта принятия, после смерти отца семейства или, в соответствии с *lex Papia Poppaea* (9 СЕ.), в момент оглашения его завещания. Они не имели права отказать, потому что в значительной степени они были владельцами семейного имущества, когда был жив отец, а по римскому праву преемственность семьи преобладала над индивидуальными интересами. В этом смысле наследники семьи считались необходимыми наследниками. Также необходимым наследником, хотя и не наследником семьи, считался раб завещателя, освобожденный по завещанию и признанный в соответствии с ним наследником. Он тоже автоматически становился наследником после оглашения завещания и не имел права отказать.

Претор мог бы позволить наследникам семьи избежать несостоятельного наследства и всех видов наследственных обязательств, держа свои руки подальше от наследственного имущества (это воздержание). В таких случаях наследство было продано на имя умершего, а не на имя наследников.

Однако, несмотря на их воздержание, наследники семьи технически оставались наследниками. В случае несостоятельного наследования претор мог также ограничить ответственность освобожденного раба и назначенного необходимым наследником по завещанию до предела того, что раб получил или мог позже получить из наследства – таким образом, защищая любое имущество, приобретенное рабом из других источников.

Все остальные наследники, которые не были наследниками семьи, назывались посторонними или внешними наследниками (*extranei heredes*), поскольку они обычно не были членами семьи наследодателя. В отличие от семейного наследника, наследование постороннего наследника не было ни автоматическим, ни немедленным. Наследники такого рода имели выбор принять наследство или отказать от него, и технически они не становились наследниками до тех пор, пока не объявили о своем решении вступить в наследство (*aditio hereditatis*). В этом смысле их называли добровольными или свободными наследниками (*heredes voluntarii*). Внешний наследник, назначенный в завещании, мог принять наследство посредством официального акта (*cretio*), соблюдаемого в течение ста дней с момента открытия завещания.

Gaius (2.166) записал предписанную формулу: «*В то время как Публий Мевий своим завещанием назначил меня своим наследником, я сознательно принимаю и вступаю в это наследство (adeo cernoque)*». Другим способом принять наследство было действовать в качестве наследника, например, используя вещи, принадлежащие к наследству, или выплачивая долги умершего (*pro herede gestio*). Согласно закону Юстиниана, если бы внешний наследник провел инвентаризацию наследства, он не нес бы ответственности за долги, связанные с имуществом, или за требования наследников, выходящие за рамки активов (*beneficium inventarii*).

Наконец, в соответствии с видом наследования, о котором идет речь, наследник может быть завещательным или принудительным. Наследниками по завещанию были те, кто наследовал по завещанию; наследники без завещания имели право по закону наследовать имущество того, кто не оставил действительного завещания; а обязательными наследниками были те, кто по закону имел право наследовать против завещания, которое не приносило им пользы [3].

Лежачее наследство. Если бы у человека не было ни семейных наследников, ни необходимых наследников, между смертью умершего и вступлением внешнего наследника был бы интервал. В этот период, конечно, поместье не могло просто оставаться статичным: рабы, принадлежащие поместью, продолжали свою деятельность, животных нужно было кормить и так далее. По этой причине римские юристы рассматривали этот период владения как самостоятельное юридическое лицо, как своего рода олицетворение наследства.

Наследство как таковое было способно заключать контракты, погашать долги и брать на себя обязательства. Цельс сказал, что, если раб, который был частью невостребованного наследства, был убит, имущество считалось принадлежащим владельцу этого раба (Celsus-Ulpian, D. 9.2.13.2). Опекун имущества (куратор) может быть назначен для особых случаев, когда признанные наследники все еще решают, принимать ли их (Ulpian D. 27.10.3).

В этот период *hereditas iacens* вещи, подлежащие наследованию, считались *res nullius* (ничьей собственностью). Таким образом, кража физических объектов недвижимости была технически невозможна, и в соответствии с ранним гражданским законодательством был разрешен специальный захват, называемый *usucapio pro herede*, ускоряющий процесс принятия наследства и вынуждающий наследников принимать свое решение (Gaius 2.52). Согласно этому специальному разрешению как движимые, так и недвижимые объекты недвижимости могут быть приобретены в течение одного года владельцем недвижимости, даже без права собственности или добросовестности. Эта практика была в конечном счете запрещена сенатской резолюцией в эпоху Адриана.

Имущественные активы. Чтобы исправить старый гражданский закон о наследовании по нескольким пунктам и защитить его новыми средствами правовой защиты, претор установил параллельную систему наследования,

называемую *bonorum possessio*, или разрешение претора вступить во владение имуществом умершего.

Хотя претор не мог назначить гражданского наследника (Gaius 3.32: *praetor here desfacere non potest*), положение владельца имущества было очень похоже на положение гражданского наследника.

Претор предоставил право владения имуществом умершего заявителям, которые не обязательно были гражданскими наследниками, и в порядке, отличном от того, который диктуется гражданским законодательством. Действительно, иногда владение имуществом предоставлялось кому-то, кто также был здесь гражданским лицом, чтобы он мог воспользоваться преторианскими средствами правовой защиты, а иногда владение предоставлялось в нарушение требований гражданского права. Владение, предоставленное претором, обеспечивало действительный титул для захвата.

Предоставление *bonorum possessio* может быть полностью эффективным и постоянным (*cum re*) или частично эффективным и временным (*sine re*). Это разрешение было эффективным и постоянным, когда владелец имущества сохранял владение даже вопреки требованиям гражданского наследника; например, когда претор передал владение имуществом эмансипированному сыну покойного.

Положение владельца в этом случае было аналогично положению «*бонитарного владельца*». С другой стороны, владение имуществом также может быть предоставлено лишь временно и без полного спектра правовой защиты – в частности, без защиты от каких-либо претензий со стороны гражданских наследников. Это могло бы произойти, например, когда претор предоставил владение имуществом кому-либо, полагая, что покойный не составлял завещания, и позже появилось завещание: в этом случае требования гражданского наследника превалировали бы над требованиями владельца имущества.

Владение имуществом могло быть предоставлено претором по завещанию (*sine tabulis*), т.е. при отсутствии завещания; в соответствии с завещанием, т.е. наследнику, назначенному в завещании (*secundum tabulas*); или вопреки завещанию (*contra tabulas*), т.е. другому лицу. лицо, отличное от того, которое указано в завещании.

Из этого следует, что реформа о завещании императора Юстиниана и новела 118 (543 CE) и дополнительная к нему новела 127 (548) ввели серьезную реформу посредством норм о завещании, которые до сих пор играют важную роль в традиции гражданского права.

Юстиниан отменил различия между магнатами и кровными родственниками, а также между наследниками мужского пола и наследницами женского пола и установил следующий порядок наследования: (а) потомки (с представительством); (б) восходящие родственники и братья и сестры (принцип представительства применялся только к детям умершего брата или сестры); (с) единокровные братья и сестры (принцип представительства, опять же, применяется исключительно к детям); и (d) другие побочные родственники, без

представительства и без ограничения степени. То, что в новеллах 118 и 127 конкретно не упоминается переживший супруг, было истолковано юристами как подтверждение того, что Юстиниан не изменил положение пережившего супруга. Если никаких претензий предъявлено не было, наследство переходило в казну.

Выводы. На основании изложенного, можем сделать следующие выводы: развитие римского законодательства о наследовании отражает важные социальные изменения в римских экономических структурах и системах ценностей. Это перекликается с переходом от старого римского аграрного общества к новому коммерческому. С юридической точки зрения законодательство о наследовании показывает противоречие между гражданским правом и преторианским правом. Без формального изменения гражданского законодательства претор внес фундаментальные изменения для защиты эмансипированных лиц, кровных родственников по женской линии и переживших супругов, среди прочих.

Список литературы

1. Штаерман Е. М. Римские рабы / Е. М. Штаерман // Вопросы Истории, № 2. – Москва, 1984. – С. 105.
2. Бергер Адольф. Энциклопедический словарь римского права. – Филадельфия, Пенсильвания : Американское философское общество, 1953; переизд. 2002.
3. Новицкий И. Б. Римское право: Учебник для вузов. – Москва : Зерцало, 2003. – 256 с.

УДК 342.95

А.А. Николаев, канд. юрид. наук, доцент, директор института уголовного и гражданского права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: nikolaev_alex02@mail.ru)

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОСТУПКОВ

В статье рассматривается и анализируется понятие и содержание профилактики административных проступков. Дается авторское определение профилактики административных проступков. Отмечается, что исходя из содержания профилактической деятельности, можно выделить общесоциальную и специальную профилактику. Общесоциальные профилактические меры создают соответствующие экономические, идеологические и организационные условия применения специальных мер профилактики.

Ключевые слова: административный проступок, профилактика административных проступков, предупреждение административных проступков, административная деликтность, общесоциальная профилактика, специальная профилактика.

Nikolaev, A.A.

THE CONCEPT AND CONTENT OF PREVENTION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

The article discusses and analyzes the concept and content of the prevention of administrative offenses. The author's definition of the prevention of administrative offenses is given. It is noted that based on the content of preventive activities, general social and special prevention can be distinguished. General social preventive measures create appropriate economic, ideological and organizational conditions for the application of special preventive measures.

Key words: administrative offense, prophylactic of administrative offenses, prevention of administrative offenses, administrative delinquency, general social prevention, special prevention.

Актуальность темы исследования. Проблема профилактики административных проступков интересует не только государственных деятелей, но и обсуждается в научных кругах ученых, криминологов, философов, практических сотрудников, правоохранительных органов. Современный этап развития Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), как нового субъекта Российской Федерации, обеспечивает рост активности населения в решении социальных задач и находит свое отражение в том числе и в деятельности государства, направленной на борьбу с преступлениями, административными проступками и другими правонарушениями. Главным направлением в деятельности государства по борьбе с административными проступками была, есть и будет их профилактика.

Изучение административных проступков как социального и правового явления имеет большое как теоретическое, так и практическое значение. При этом важно выяснить, в частности, чем обусловлено возникновение аномальных административных правоотношений, каковы причины и условия совершения правонарушений, степень взаимосвязи между личностью субъекта и совершенным административным проступком. Выявлению сущности такого деликта как административный проступок, причин и условий его совершения, а также профилактических мер по его недопущению принадлежит особая роль в обеспечении эффективного правового механизма регулирования общественных отношений, а глубокое исследование отмеченных проблем приобретает особый смысл, важность и актуальность.

Анализ научных исследований. На вопросах профилактики правонарушений в своих работах сосредотачивали внимание такие ученые в отрасли криминологии и административного права, как Г.А. Аванесов [1], А.Ф. Зелинский [8], И.И. Карпец [10], В.Н. Кудрявцев [14], Н.Ф. Кузнецова [12], Л.Л. Попов [18], В.П. Филонов [21], М.Д. Шаргородский [23] и ряд других. Среди современных исследователей можно выделить работы таких

ученых, как: А.Ю. Гордеев [5], О.Н. Дунаева [13], О.Н. Каширина [11], В.В. Павлов [17] и др. Однако, проблема профилактики административных проступков в условиях Донецкой Народной Республики как субъекта Российской Федерации в настоящее время изучена еще не в полной мере, что и обосновывает актуальность, необходимость и своевременность настоящей работы.

Цель статьи. Цель статьи заключается в исследовании актуальных вопросов, связанных с особенностями понятия и содержания профилактики административных проступков.

Изложение основного материала. Многолетняя история борьбы с правонарушениями связана с поисками путей искоренения этих негативных явлений. Идея о предупреждении правонарушений вообще, и преступлений в частности, зародилась еще в древней Греции. Уже у Платона и Аристотеля можно найти попытки затронуть эту проблему. Взгляды Платона на возможность предупреждения преступлений изложены в его учении о мировой гармонии. Преступление при этом рассматривается как болезнь души преступника и как болезнь государства. Лечение этой болезни является прерогативой государственной власти. Именно она в лице законодателя должна так составлять законы, чтобы отвлекать от преступления тех, кто может стать преступником. Платон утверждает, что установленные законы должны оказывать сдерживающее влияние на побуждающие начала преступных деяний и поступков – гнев, стремление к наслаждениям и т.д. Аристотель видит одну из главных причин правонарушений в аморальных привычках и вкусах, которые «противоречат разуму или в страстях, затемняющих его. Закон и угроза наказания может сдержать преступление именно потому, что преступник по своей воле становится носителем зла» [22, С. 97].

Среди других учёных стоит выделить Дж. Локка, Г. Гельвеция, Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Ш. Монтескье и др. Дж. Локк видел причины преступности в индивидуе, а поскольку сам индивид является носителем добра и зла, то достижение безопасности общества возможно путем исправления индивида. Идеи о предупреждении преступлений и установлении контроля над личностью Локк переносит в сферу морали и воспитания: «Победить зло можно только тогда, когда правильно организовано воспитание» [7, С. 104]. По мнению Гельвеция, единственный способ сделать людей добродетельными, – это увязать их личный интерес с общественными интересами. Обеспечить это должны общество, государство, и в особенности – закон, так как корни пороков он видит в несовершенстве законов. В отличие от Гельвеция, Ж.-Ж. Руссо причины правонарушений и пороков видит не только в законах, но и в несовершенстве всей общественной жизни. Возможности искоренения преступлений, правонарушений и их предупреждения заложены, по мнению Руссо, в преобразовании общественной жизни, которое приведет к созданию союзов и государств, где люди будут равноправными и покорены закону, а не друг другу. Вольтер одним из первых наиболее глубоко увидел проблему предупреждения преступности. Именно ему принадлежит идея, что

предупреждение преступности и есть подлинное предназначение юриспруденции. Он уделял внимание не только социальным явлениям, лежащим в основе преступлений (религиозный фанатизм, бедность), но и ликвидации причин отдельных преступлений (перековка слабых сторон натуры личности, охрана чести незамужних матерей). Л. Фейербах уделил большое внимание разработке и обоснованию необходимости учитывать собственные качества личности при организации предупреждения преступлений и использования в этих целях уголовно-правовых средств. Главной идеей его учения, (которая идет еще от Платона), является принятие всеобщего или психического принуждения. Так как основа всех правонарушений якобы содержится в чувствительных побуждениях человека, то отсюда делается вывод о целесообразности контроля за личностью и выработке у нее начал, сдерживающих противоправное поведение. Такие начала Фейербах видит в развитом чувстве закона, хорошем знании права, а самое главное – в угрозе уголовного наказания, которое противоположно различным побуждениям и влечениям к совершению преступления. Ч. Беккариа в своем трактате о преступлениях и наказаниях (1764) повторяет слова Ш. Монтескье о том, что лучше предупредить преступление, чем наказывать за него: «А если мы хотим предупредить преступление, то нам необходимо сделать законы ясными и правдивыми, необходимо, чтобы просвещение шло рядом со свободой» [2, С. 138]. Т. Мор пришел к выводу, что если неизменны причины правонарушений, то неизменны и их последствия, и никакие наказания не помогут, а потому прежде всего нужна экономическая перестройка общества, и на этой основе – «... разумная организация таких мер со стороны государства, которые сделали бы невозможным проявление преступлений» [16, С. 94].

Следует заметить, что полный исторический экскурс требует более детального, а пожалуй, и монографического исследования, поэтому мы упомянули далеко не всех ученых, исследовавших вопросы профилактики правонарушений, но это историческое отступление поможет нам понять, от чего исходят современные взгляды на данную проблему.

Профилактику правонарушений мы исследуем в сфере административной деликтологии, которая изучает административную деликтность, личность правонарушителя, причины деликтогенного поведения, разрабатывает меры по профилактике административных проступков. Е.В. Додин указывает, что административная деликтность – это социальное и правовое явление, которое включает в себя всю совокупность совершенных административных проступков в определенный период в определенном регионе и в государстве в целом [6, С. 146].

При исследовании категории «профилактика административных проступков» мы будем отталкиваться от исследования криминологов в сфере предупреждения преступности, и с учетом развития административного права в современный период. В работах, касающихся этой проблемы, мы можем найти большое количество определения категорий «профилактика» и «предупреждение». По мнению В.П. Филонова, предупреждение преступности

является криминологической категорией, которая определяет систему объективных и субъективных предпосылок локализации и сокращения преступности, а также комплекс государственных и общественных мероприятий, направленных на исцеление этого социального явления, причин и условий, которые его порождают [21, С. 274].

В криминологической литературе уже давно ведется дискуссия о соотношении категорий «предупреждение» и «профилактика». Одни авторы рассматривают их как тождественные [4, С. 15], другие говорят, что они различны. Так, например, К.Е. Игошев, Р.В. Шашев, И.В. Шмаров говорят о профилактике преступлений как составной части или первом этапе предупреждения преступлений [9, С. 34-35; 19, С. 18-23]. Кроме этого, используются понятия «социальное предупреждение преступности» и «социальная профилактика преступности» [3, С. 127-128; 20, С. 6-7].

Если мы обратимся к толковым словарям, то увидим такую картину. Профилактика (от греч. Prophylaktikos – предупредительная), в медицине – система мер по предупреждению болезней, сохранению здоровья и продлению жизни человека. В ветеринарии профилактика – система общественных и ветеринарных мероприятий по предупреждению болезней животных и здравоохранению людей от антропозоонозов. Профилактика в технике – предупредительные меры для поддержания технического объекта в исправном или работоспособном состоянии (замена или ремонт отдельных деталей, чистка, смазка и т. п.) [15].

«Предупреждать – сообщить, дать знать заранее, сделать что-то скорее или успешнее принять предварительные меры, устранить, отклонить, избавиться заранее» [15, С. 611].

«Профилактика – совокупность предупредительных мер, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка» [15, С. 647].

По этому поводу следует отметить, что профилактическая работа ведется не только тогда, когда административный проступок уже совершен, она возможна и при правомерном поведении; здесь она состоит в создании максимально благоприятных условий для реализации правомерных действий, в поддержке и обеспечении гарантий общественно полезных поступков. Приняв во внимание, что ключевая разница между терминами «предупреждение» и «профилактика» в том, что первое отражает деятельность по недопущению каких-либо явлений, а второе – деятельность по недопущению негативных изменений в явлениях, делаем следующие выводы. К административной деликтности невозможно применить термин «предупреждение», потому что предупредить можно только несуществующее явление. Административная деликтность существует объективно, поэтому ее нельзя предупредить, а с ней можно только бороться, одолевать, сводить на ноль. Поэтому о профилактике административных проступков можно говорить в связи со всей их совокупностью. То есть надо не допускать негативных изменений в этом явлении (просто говоря об увеличении), а пытаться искоренить его. Что касается термина «предупреждение», то о нем целесообразно говорить в

отношении отдельных административных проступков и их групп. Предупреждать можно административные проступки, которые еще не совершены, но могут быть совершены или еще не возникшие проступки, но наблюдается тенденция к их возникновению.

По нашему мнению, профилактика административных проступков – это социально направленная деятельность государства, его органов и их должностных лиц, общественных организаций и отдельных граждан по выявлению причин и условий совершения административных проступков, ликвидации факторов, способствующих формированию антиобщественной установки личности, ликвидации административной деликтности как социального явления, и обеспечения при осуществлении такой деятельности соблюдения прав и свобод граждан.

Данное определение выражает социальную направленность этой деятельности, профилактика – это самое гуманное средство борьбы с административными проступками, средство, предусматривающее не наказание, а воспитание, предостережение членов общества от совершения административных проступков и других правонарушений.

Как и любая деятельность, профилактика административных проступков имеет свои определенные цели. Такими целями являются:

- ограничение действия негативных социальных явлений и процессов, не лежащих в сфере административной деликтности, но взаимосвязанных с ней;
- устранение или вообще нейтрализация причин административных проступков и способствующих им условий;
- нейтрализация негативного влияния микросреды личности (семьи, школы, вуза, друзей, сотрудников и т.д.), формирующих антиобщественную установку личности, и оказывающих влияние на мотивацию ее поведения;
- влияние на личность, которая по своим морально-психологическим качествам способна совершить административный проступок и продолжать противоправную деятельность.

Основываясь на этих положениях, профилактическая деятельность должна базироваться на следующих принципах:

- законность – соблюдение требований Конституции и Законов РФ и ДНР всеми без исключения субъектами профилактики, осуществление только тех мер, которые предусмотрены этими законами;
- гуманизм – всесторонняя защита прав и свобод граждан при осуществлении профилактической деятельности;
- гласность – систематическое освещение в статистике и средствах массовой информации сведений о профилактике административных проступков;
- демократизм – участия в профилактике административных проступков не только специализированных субъектов, но и всех других государственных органов, организаций, местного самоуправления, предприятий, учреждений, объединений граждан и отдельных граждан;

- научность – использование форм, методов и средств профилактической деятельности, разработанных и одобренных наукой;
- дифференцированный подход – учет как общих особенностей детерминант административных проступков, так и индивидуальных свойств правонарушителей;
- плановость и прогнозирование – всестороннее изучение и анализ состояния административной деликтности, составление и реализация соответствующих программ профилактики административных проступков;
- взаимодействие и координация усилий субъектов профилактики административных проступков;
- общественное осуждение противоправного поведения;
- преобладание методов убеждения – то есть применение принудительных мер только после исчерпания всех других мер воздействия;
- адекватность методов и средств профилактики типу деликтной ситуации.

Говоря о профилактике административных проступков как о системе определенных мер, мы можем выделить следующие функции этой деятельности:

1. Идеологическая функция. В условиях постоянного развития и совершенствования методов и форм профилактической деятельности сама ее теория обеспечивает, в первую очередь, общую идейную направленность такой деятельности. Эта функция является научно-теоретической основой профилактики административных проступков, определяет общую ориентацию профилактических мероприятий, идеологического обоснования этих мер, методов и принципов их реализации.

Основные идеи могут быть: обеспечение, охрана и защита прав и свобод человека и гражданина; социальная направленность; идея гуманизма в действиях субъектов профилактики административных проступков и др.

2. Прогностическая функция. Эта функция направлена на выбор наиболее оптимальных путей совершенствования системы профилактики административных проступков. Она отражается в предвидении изменений социального механизма профилактической деятельности, перспектив дальнейшего развития, прогнозировании и оценке состояния административной деликтности.

3. Операционная функция. Она выражает непосредственную связь между теорией профилактики и практической деятельностью по профилактике административных проступков. Сущность этой функции в том, что теория профилактики выступает как научная база для принятия конкретных решений по целям, средствам, методам профилактической деятельности.

Профилактика административных проступков как определенная деятельность осуществляется определенными методами. Среди них:

1) экономические – это совершенствование системы экономического анализа и отчетности, использование системы товарно-денежных отношений в процессе профилактики административных проступков;

2) социально-политические – усиление борьбы с негативным влиянием деликтогенных факторов, повышение общественно-политической активности граждан, усиление и развитие профилактической функции коллективов и других социальных групп;

3) социально-психологические – преодоление антиобщественной психологии, создание морально-психологической нетерпимости к правонарушителям (принцип публичного осуждения противоправного поведения);

4) культурно-воспитательные – повышение уровня нравственной и правовой культуры граждан, формирование у них уважения к социальным, правовым и другим нормам, уважения к закону;

5) административно-правовые. На этих методах следует остановиться более подробно.

Административно-правовыми методами являются способы и приемы непосредственного и целенаправленного влияния исполнительных органов (должностных лиц) на основании закрепленной за ними компетенции, в установленных пределах и соответствующей форме на подчиненные им органы и граждан. Основными являются методы убеждения и принуждения. В профилактике административных проступков, учитывая ее социальную направленность, превалирующим должно стать убеждение (система мер правового и неправового характера, проводимых государственными и общественными органами, проявляющаяся в осуществлении воспитательных, разъяснительных и поощрительных методов, направленных на формирование у граждан понимания необходимости четкого исполнения законов и других нормативных актов).

Приоритет прав человека, использование педагогических методов, воспитание у каждого гражданина чувства общественного долга придерживаться определенных норм поведения обуславливают приоритет убеждения и наиболее подходят к термину «профилактика административных проступков». В профилактике административных проступков как социально направленной деятельности мы должны выделить субъектов этой деятельности, то есть работающих в этой сфере:

а) местные органы власти и их исполнительные структуры, несущие ответственность за состояние правопорядка на подведомственной территории;

б) органы внутренних дел, юстиции, прокуратуры, суды;

в) отделы социальной профилактики и оказания помощи населению местных органов власти и управления, центры социальной реабилитации, общественные объединения, специально созданные для такой деятельности;

г) другие органы государственного управления, предприятия, организации учреждения, общественные формирования, занимающиеся профилактической деятельностью, наряду со своей основной функцией;

д) для участия в профилактике административных проступков по месту работы или проживания граждан могут создаваться определенные

добровольные организации, порядок деятельности которых устанавливается законодательством;

е) отдельные граждане, которые могут входить в вышеуказанные учреждения (например, сотрудники правоохранительных органов) [21, С. 286].

Кратко рассмотрим полномочия этих субъектов профилактики.

Местные органы власти и управления на своей территории:

– осуществляют управление всеми субъектами профилактики, разрабатывают программы социально-экономического развития региона;

– формируют и создают фонды, обеспечивающие функционирование всех субъектов профилактики;

– обеспечивают профилактическую пропаганду в различных средствах массовой информации.

Органы внутренних дел:

– постоянно анализируют оперативную обстановку, вносят предложения в планы социально-экономического развития и программной борьбы с преступлениями и административными проступками;

– выявляют, регистрируют и принимают профилактические меры воздействия на лиц, совершивших административные проступки;

– вносят предложения в государственные органы, предприятия, учреждения об устранении причин и условий, способствующих совершению административных проступков;

– информируют общественность и заинтересованных лиц о состоянии профилактической работы в сфере борьбы с административными проступками.

Органы прокуратуры осуществляют надзор за законностью и профилактической деятельностью всех государственных органов, общественных организаций и граждан.

Суды принимают решение о необходимости применения мер по устранению причин и условий, способствующих совершению административных проступков.

Органы юстиции ведут разъяснение и пропаганду законодательства, регламентирующего профилактическую деятельность, выполняют другие функции, имеющие профилактическую деятельность.

Общественные организации осуществляют самостоятельно и во взаимодействии с государственными органами, предприятиями, учреждениями и гражданами деятельность по профилактике правонарушений; учреждают собственные или участвуют в создании и распределении фондов для осуществления профилактических мероприятий.

Субъектами профилактической деятельности являются орган, организация или лицо, которые:

а) целенаправленно или косвенно осуществляют профилактику административных проступков как функцию;

б) связаны с другими элементами системы «по горизонтали» (взаимодействие) и «по вертикали» (подчинение);

в) имеют возможность выбора линии поведения, обусловленной конкретным состоянием объекта воздействия и пределами, которые установлены системой профилактики.

Отсюда можно увидеть, что всех субъектов профилактики административных проступков можно разделить на две группы: неспециализированные субъекты (профилактика административных проступков не является их основной функцией) и специализированные субъекты (профилактика административных проступков является одной из их основных функций).

К объектам профилактики мы отнесем:

- административную деликтность и ее виды;
- причины и условия, способствующие ей;
- лиц, совершивших административные проступки, а также отдельные «фоновые явления» (пьянство, проституция, наркомания и т.д.).

Исходя из содержания профилактической деятельности, можно выделить следующие виды профилактики административных проступков:

- 1) общесоциальная;
- 2) специальная.

Общесоциальная профилактика административных проступков охватывает наиболее крупные, эффективные и длительные виды социальной деятельности, наиболее значимые социальные меры. Подобные меры не ставят перед собой специальную цель – борьбу с административными проступками, однако они являются платформой для специальной профилактики, составляют важный деликтологический аспект и направлены на решение задач, которые ставит перед собой государство на современном состоянии развития. К общесоциальным мерам относятся практически все социально-экономические преобразования нашего общества в его современном состоянии. Это, прежде всего, создание рабочих мест, воплощение в производство новых прогрессивных технологий, кроме того, важную роль играет реальное закрепление и реализация прав и свобод человека и гражданина, обеспечение правовой защиты личности, утверждение принципов социальной справедливости, что не может не оказать влияния на уровень административной деликтности. Базу этой профилактики составляют меры по улучшению социальных, экономических и других условий включения молодежи во взрослую жизнь, а также финансовое, правовое и другое обеспечение государством молодежной политики, меры по перестроению системы образования, повышению качества образования и воспитания являются основой социальной профилактики административных проступков среди несовершеннолетних и молодежи. Все эти меры являются важной основой перестройки общества, его гуманизации, а отсюда и фундаментом профилактики всех без исключения противоправных поступков.

Специальная профилактика включает меры, направленные исключительно на устранение или нейтрализацию деликтогенных факторов, исправление и выполнение лиц, которые уже совершили административные

проступки или могут их совершить. Специальные меры по профилактике административных проступков осуществляются государственными органами, общественными организациями и отдельными гражданами. Эти меры отличаются от общесоциальных своей направленностью на борьбу с административными проступками, а общесоциальные меры осуществляются независимо от деликтогенных факторов (хотя с их учетом), меры социальной профилактики вполне обусловлены наличием административной деликтности, ее состоянием и характером действующих криминогенных детерминант.

В то же время общесоциальные и специальные меры взаимосвязаны и взаимообусловлены. Общесоциальные меры создают соответствующие экономические, идеологические и организационные условия применения специальных мер профилактики.

Выводы. Таким образом, профилактика административных проступков – это социально направленная деятельность государства, его органов и их должностных лиц, общественных организаций и отдельных граждан по выявлению причин и условий совершения административных проступков, ликвидации факторов, способствующих формированию антиобщественной установки личности, ликвидации административной деликтности как социального явления, и обеспечения при осуществлении такой деятельности соблюдения прав и свобод граждан.

Общесоциальная профилактика административных проступков представляет собой систему мер экономического, социального, идеологического, правового характера, которые опосредованно направлены на ликвидацию, устранение или нейтрализацию деликтогенных факторов, то есть причин и условий административных проступков. Эти меры по своей сути не направлены специально на ликвидацию причин и условий административных проступков, а в случае своего применения имеют определенный профилактический эффект. Общесоциальные мероприятия являются определенным фундаментом, на котором будут строиться все остальные мероприятия.

Специальная профилактика включает меры, направленные исключительно на устранение или нейтрализацию деликтогенных факторов, исправление лиц, которые уже совершили административные проступки или могут их совершить. Специальные меры по профилактике административных проступков осуществляются государственными органами, общественными организациями и отдельными гражданами. Они отличаются от общесоциальных своей направленностью на борьбу с административными проступками, а общесоциальные мероприятия осуществляются независимо от деликтогенных факторов (хотя и с их учетом).

Вместе с тем, указанные общесоциальные и специальные мероприятия взаимосвязаны и взаимообусловлены. Общесоциальные меры создают соответствующие экономические, идеологические и организационные условия применения специальных мер профилактики. Масштаб применения мер специальной профилактики административных проступков меньше

общесоциальных мер, но в отдельных случаях он может приобрести большие размеры (в пределах какого-либо звена, или в отношении отдельных групп граждан – например, несовершеннолетних).

Список литературы

1. Аванесов Г.А. Вся жизнь в науке... Избранные научные труды / Г.А. Аванесов. – Москва : ЮНИТИ, 2019. – 838 с.
2. Беккариа Ч.О преступлениях и наказании [пер. с итал.] / Ч. Беккариа ; предисловие В. Страда. – М.: Стелс, 1995. – 303 с.
3. Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / С.В. Бородин ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1990. – 271 с.
4. Голоднюк М.Н. Предупреждение преступности : учебное пособие / М.Н. Голоднюк. – М.: Изд-во МГУ. – 2020. – 112 с.
5. Гордеев А.Ю. К вопросу о положительном опыте предупреждения преступлений в зарубежных странах / А.Ю. Гордеев // *Matters of Russian and International Law*. – 2017. – № 7. – С. 115-121.
6. Додин Е.В. Административная ответственность и профилактика правонарушений / Е.В. Додин // *Актуальные проблемы административной деликтологии : Сборник научных трудов*. – К.: КВШ МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского. – 1984. – С. 146.
7. Зайченко Г.А. Джон Локк / Г.А. Зайченко. – М.: Мысль, 1988. – 208 с.
8. Зелинский А.Ф. Криминология : курс лекций. – Х.: Прапор, 2006. – 260 с.
9. Игошев К.Е. Социальные аспекты предупреждения правонарушений : проблемы социальных конфликтов / К.Е. Игошев, И.В. Шмаров. – М.: Юр. лит. – 1980. – 176 с.
10. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность / И.И. Карпец. – М.: Рос. право, 1992. – 431 с.
11. Каширина О.Н. О некоторых аспектах проведения субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации / О.Н. Каширина // *Инновационная экономика и право*. – 2018. – № 1 (10). – С. 106-108.
12. Крылова Н.Е. К 90-летию со дня рождения Н.Ф. Кузнецовой / Н.Е. Крылова // *Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 11. Право*. – 2017. № 6. – С. 3-5.
13. Майоров В.И. Современные концепции взаимодействия полиции и общества как средства противодействия преступности: опыт зарубежных стран и России / В.И. Майоров, О.Н. Дунаева // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2017. – № 1 (39). – С. 145-153.
14. Маркунцов С.А. Научные взгляды В.Н. Кудрявцева : вчера, сегодня и завтра / С.А. Маркунцов, С.В. Полубинская // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2023. – Том 16. – № 3. – С. 4-33.
15. Новый большой энциклопедический словарь. – М.: РОСТ, 2019. – 1097 с.
16. Осиповский И.Н. Томас Мор / И.Н. Осиповский. – М.: Мысль, 1985. – 174 с.

17. Павлов В.В. Профилактика правонарушений / В.В. Павлов // StudNet. – 2020. – № 10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-pravonarusheniy> – (дата обращения: 21.12.2023).
18. Попов Л.Л. Эффективность административно-правовых санкций в сфере охраны общественного порядка : монография / Л.Л. Попов. – М.: НОРМА : ИНФРА-М, 2021. – 208 с.
19. Профилактика правонарушений : учебное пособие / составитель: Р.В. Шашев. – Казань: Изд-во Казанского Ун-та, 1989. – 124 с.
20. Сомин В.Н. Социальное управление предупреждением преступности : введение в теорию / В.Н. Сомин. – Иркутск, 1990. – 228 с.
21. Филонов В.П. Состояние, причины преступности в Украине и ее предупреждение : монография / В.П. Филонов. – Донецк : Донеччина, 1999. – 640 с.
22. Чанышев А.Н. Аристотель (мыслители прошлого) / А.Н. Чанышев. – М.: Мысль, 1981. – 200 с.
23. Шаргородский М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргородский ; ассоц. «Юрид. Центр». – СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2004. – 655 с. – (сер. : Антология юрид. науки).

УДК 343.619

А.А. Савченко, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: 12syzyki12@gmail.com)

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с признанием юридического лица субъектом в уголовном праве Российской Федерации. В рамках научного исследования автором высказываются отдельные замечания, обосновываются предложения по признанию юридического лица субъектом преступления в уголовном праве Российской Федерации.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, юридическое лицо, уголовная ответственность.

Savchenko, A.A.

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN RUSSIAN LEGISLATION

The article discusses issues related to the recognition of a legal entity as a subject in the criminal law of the Russian Federation. Within the framework of scientific research, the author makes reasonable proposals for the recognition of a legal entity as a subject in the criminal law of the Russian Federation.

Key words: *Criminal Code of the Russian Federation, Civil Code of the Russian Federation, legal entity, criminal liability.*

Актуальность. Уровень развития российского государства, технический прогресс, появление новых экономических отношений в сфере производства и предпринимательства позволяет говорить о появлении новых особенностей совершения преступлений, что обуславливает необходимость рассмотрения вопроса о принятии изменений в уголовное законодательство Российской Федерации.

Цель. Внедрение нового института субъекта ответственности – юридических лиц.

Анализ научных исследований. Если рассматривать исторический аспект становления юридического лица, как самостоятельного субъекта правоотношений, имеющего определенные права и обязанности, то это происходило еще во времена Древнего Рима. Уже в конце I – начале II веков до нашей эры римские юристы активно работали над тем, чтобы юридическое лицо было признано в качестве отдельного субъекта правоотношений, придав ему специфические черты, основные права и обязанности. При этом следует отметить, что в общих чертах представление о юридическом лице не изменилось и в XXI веке. В наше время такими исследованиями в основном занимались такие ученые юристы как: Л.А. Абашина, Г.И. Богуш, Г.А. Буяков и др. [5, 6, 7].

В соответствии с ГК РФ, юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде [1].

Общим вопросам юридического лица в ГК РФ посвящена Глава 4, которая включает в себя 6 параграфов. При этом, особое внимание в контексте нашего научного исследования следует уделить ст. 56 ГК РФ, в соответствии с которой:

1) юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом;

2) учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ [1].

Основной материал. Проведенный нами правовой анализ действующего российского законодательства показывает, в настоящее время к юридическому лицу могут применяться лишь два вида ответственности: 1) гражданско-правовая; 2) административная.

Для России институт уголовной ответственности юридических лиц является относительно новым, не традиционным правовым явлением. Попытаемся рассмотреть этот вопрос, используя исторический метод, который является одним из основных в юридической науке. Сравнение правовых норм

разных исторических эпох и практики их применения можно рассматривать как один из эффективных способов познавательной деятельности, иногда приводящий к неожиданным результатам. Без знания истории того или иного правового института невозможно представить себе его дальнейшее развитие. Однако отсутствие такого исторического опыта или его недостаточность не следует рассматривать как непреодолимое препятствие. Не все в современном праве основано на традициях прошлых веков. Конечно, определенная преемственность правовых норм является положительным аспектом в правовом регулировании, но объективно это не всегда возможно. Действительно, в целом уголовная ответственность юридических лиц в современном российском праве будет концептуальным новшеством и потребует существенного переосмысления отдельных его положений, хотя, как показывают исследования, некоторые его положения, в частности, об ответственности коллективных субъектов можно найти в дореволюционном российском уголовном праве.

Таким образом, такая «нетрадиционность» уголовной ответственности юридических лиц по отечественному уголовному законодательству, как мы считаем, не станет серьезным препятствием в формировании этого важного, с нашей точки зрения, института. Напротив, в настоящее время мы можем и должны начать все с чистого листа, имея для этого реальные предпосылки и необходимость, используя лучшие практики зарубежных стран и избежать ненужного груза прошлого и ошибок, допущенных на этом тернистом пути. Безусловно, этот процесс не простой, и потребует времени и пересмотра устоявшихся, не соответствующих развитию современных общественных правоотношений, и устаревших воззрений отдельных ученых юристов, противников внедрения и развития данного института в российском уголовном законодательстве.

Вполне логичным может возникнуть утверждение о том, что уголовная ответственность юридических лиц концептуально невозможна, поскольку юридическое лицо является фикцией и, в принципе, не может быть привлечено к уголовной ответственности. Однако мы считаем, что данный аргумент не совсем корректен. Даже не вдаваясь в рассмотрение различных теорий юридического лица, можно сказать, что все они, по крайней мере, допускают самостоятельную гражданско-правовую ответственность этих субъектов права. Скажем больше, признак независимости от ответственности является обязательным признаком юридического лица, т.е. юридическое лицо признается конкретным субъектом права, в принципе способным самостоятельно нести ответственность за правонарушения. Этот элемент обязательно включен в структуру его дееспособности (делинквентности). И если юридическое лицо определено может быть привлечено к такому виду юридической ответственности, как гражданско-правовая, то оно может быть привлечено и к другим видам юридической ответственности, например, административной или, в нашем случае, уголовной. Необходимо только обеспечить соответствующие правовые институты, в рамках которых это может

быть эффективно реализовано с пользой для государства, отдельных его субъектов экономической деятельности и в других сферах.

Таким образом, нельзя сказать, что уголовная ответственность юридических лиц противоречит самой сути юридического лица. Напротив, независимость, включая уголовную ответственность юридического лица, является одной из необходимых определяющих черт этого субъекта права.

Однако переходя непосредственно к вопросу совершенствования законодательства в связи со становлением и развитием института уголовной ответственности юридического лица в России, то необходимо отметить, что данный процесс, по нашему мнению, должен иметь комплексный характер, то есть происходить по всем направлениям (отраслям) действующего законодательства.

Не вызывает сомнений, как было сказано выше, что такой процесс будет не быстрым, требующим немало времени и сил, слаженной совместной работы межведомственных различных законодательных, правоохранительных органов и органов государственной власти, общественных организаций и т.д. Конечно, изменения в действующее законодательство, несущие в себе такие изменения традиционно устоявшихся взглядов, теорий и концепций по тому или иному вопросу, являются сложным процессом.

Как видно, на сегодняшний день российское законодательство не предусматривает применения уголовной ответственности в отношении юридических лиц. Данная норма подтверждается положениями ст. 19 УК РФ, в соответствии с которой уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ [2].

Необходимо отметить, что дискуссия по этому вопросу среди ученых теоретиков длится с 1994 года, когда принимался новый Уголовный кодекс Российской Федерации, и ведется по настоящее время, то затихая, то активизируясь.

Учитывая особенности совершения преступлений в сфере экономики, это особенно актуально при непосредственном осуществлении экономической деятельности. Остановимся на существенных, на наш взгляд, положениях и мнениях отдельных ученых юристов, как подтверждающих, так и отрицающих необходимость этих изменений. Помимо выше названных ученых, отметим и других.

Так, С.Г. Келина, в качестве необходимости положительного решения этого вопроса, аргументированно указывала, что с учетом причинения тяжких общественно-опасных последствий в некоторых случаях трудно установить конкретное виновное лицо, а ущерб (вред) причинен в результате деятельности юридического лица. Аналогичного мнения придерживается в своей работе и А.В. Федоров, рассматривая особенности уголовной ответственности юридических лиц в постсоциалистических государствах Азиатско-Тихоокеанского региона [9]. Против этих предложений выступила Н.Ф. Кузнецова, которая говорит о несоответствии, этих предложений принципам личной и виновной ответственности, а допустим, более высокие

штрафные санкции и возможность закрытия предприятия, о чем говорит С.К. Келина, в качестве дополнительных наказаний, достижимы и в ходе реализации гражданско-правовых санкций. При этом, что особенно для нас важно в этой позиции, что за коллективной ответственностью юридического лица якобы вполне могут скрыться истинные виновники преступления. Учитывая изложенное, нельзя согласиться и с мнением Б.В. Волженкина, который не одобрил этот проект Общей части УК Российской Федерации 1994 года, где в ст. 106 УК была предусмотрена ответственность юридических лиц. Он не рекомендовал использовать термины «вина», «виновность» в отношении юридического лица, по причине их психологического содержания, возможность отсутствия конкретизации деяния и по другим причинам. При этом, его позиция состояла в том, что в случае возникновения такой необходимости, основание уголовной ответственности должно быть единым, как для физических, так и юридических лиц. Таковым является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Во всех случаях субъектами этих преступлений должны быть только конкретные физические лица [4]. Все эти аргументы, вероятно, были учтены, и в УК РФ 1996 года норма об уголовной ответственности юридических лиц не была включена. По нашему мнению, в тот период, возможно, и не было таких необходимых условий, но время не стоит на месте, и экономические рыночные отношения стремительно развиваются. Так, по данным Федеральной службы информации России, по состоянию на 21 марта 2021 г. на территории России зарегистрировано 3 394 090 юридических лиц, осуществляющих различную предпринимательскую деятельность. А учитывая сложившуюся на сегодняшний день международную обстановку и наличие экономических санкций в отношении российского государства, появилось большое количество новых коммерческих структур. При этом, определенная часть из них является монополистами в различных сферах экономики, что может использоваться ими для осуществления мошенничества, в различных его проявлениях. При этом необходимо иметь в виду, что убытки от таких незаконных действий юридических лиц исчисляются десятками, а иногда и сотнями миллионов рублей.

Мы считаем, что пришло то время, когда юридические лица, если будет установлено законом, могут и должны в обязательном порядке нести уголовную ответственность за действия определенных, причастных к этому физических лиц. Приведем такой, часто встречающийся вариант развития событий. Когда акционерами компании приказано совершить директору или нанятому менеджеру мошенническую, по сути, но внешне законную сделку (договор), и он вынужден это сделать, потому что в случае отказа его просто уволили бы. При этом необходимо учесть и тот факт, что он никакой выгоды от этого не имеет. Гражданская ответственность здесь не совсем оправдана и не возможна, ввиду значительного ущерба и существенного ущемления законных прав и интересов других юридических и физических лиц и по другим причинам. Известно, что последствия являются одним из основных критериев

оснований уголовной ответственности. Именно в уголовном праве обязательно наличие наступивших негативных последствий, их тяжесть и значимость причиненного вреда. Об этом свидетельствует и правоохранительная практика. Примечательны в этом плане результаты расследования подобного уголовного дела в СК Юго-Западного округа г. Москвы, которое в этом году было возбуждено по факту мошенничества одного ООО юридического лица к другому ООО юридическому лицу, по признакам ч.4 ст.159 УК РФ, где ущерб в результате неуплаты по договору за поставленные товары, составил более 15 млн. рублей. Деньги были переведены на другие счета и истрачены. Ответственность при этом никто не понес. В уголовном преследовании директора ООО, который получил по договору товар, а фирма ООО, где он работал, не оплатила, было отказано. В арбитражном суде данные материалы дела отказались рассматривать, согласно существующему гражданскому законодательству. И ущерб возмещать оказалось некому. Ни директору ООО, ни юридическому лицу. И особенно важно отметить, что все решения силовых структур и суда обоснованы, и по закону правомерны. Аналогичные примеры есть и по другим аналогичным делам, в частности, предоставлению лизинга на автомашины, где коммерческие структуры предоставляли дорогие авто частным лицам, а потом после оплаты ими за эти авто, мошенническим путем забирали их обратно. При этом уголовные дела на законных основаниях прекращаются и ответственности никто не несет, ущерб лицам никто не возмещает. И такие случаи, к сожалению, не единичны. Подобных пробелов правовой ответственности в государстве не должно быть. Ответственность должна быть четко определенной, достаточно суровой и значимой для юридических лиц, включая полное возмещение ущерба и их ликвидацию, без объявления банкротства. Конечно, речь идет только об определенных статьях в УК РФ и в первую очередь о преступлениях экономической направленности. Не только по ст.159 УК РФ, но и по другим статьям 21 и 22 Главы УК РФ. Основанием для этого должно быть так необходимое принятие соответствующих изменений и дополнений в нормы Общей и Особенной части Уголовного Кодекса Российской Федерации. Для решения этого вопроса соответствующие предпосылки, по нашему мнению, в обществе уже давно имеются. Аналогичной точки зрения придерживаются и такие видные российские ученые, как А.В. Наумов, Г.Е. Есаков, В.И. Селиверстов и другие, которые высказывают мнение о том, что отечественное уголовное законодательство не только «созрело» для принятия решения о внедрении уголовной ответственности юридически лиц, но и «перезрело» [3, С. 57].

Острая необходимость в связи с внедрением института уголовной ответственности юридического лица прослеживается особенно в налоговом законодательстве. Так, кодификация законодательства внесла определенный порядок в развитие экономических отношений и, безусловно, оказала положительное влияние на снижение уровня конфликтности в указанных сферах. В 2002 году вступил в силу Кодекса об административных

правонарушениях Российской Федерации (далее – КОАП РФ), который объединил административную ответственность в сфере финансов, налогов и сборов (глава 15) и таможен (нарушение таможенных правил) (глава 16). Административная ответственность является важным инструментом обеспечения соблюдения законодательства во всех сферах общественной жизни, в том числе и в экономической сфере.

С принятием норм КОАП РФ такие виды юридической ответственности, как таможенная, банковская, бюджетная постепенно стали достоянием истории. Утратили силу нормы Бюджетного кодекса РФ о бюджетной ответственности, и нормы Таможенного кодекса РФ 1993 года о таможенной ответственности. Однако до сих пор некоторые ученые, явно не понимая сути взаимоотношений, изучают и рассматривают правовую природу финансовой (финансово-правовой) ответственности и отстаивают ее независимость.

Единственным независимым видом ответственности, который все еще в настоящее время сохраняется, действует, применяется и активно исследуется научным сообществом, является налоговая ответственность. Между тем ни Налоговый кодекс РФ (далее – НК РФ), ни другие федеральные законы о налогах и сборах не содержат определений понятия «налоговое правонарушение».

Как известно, ответственность за нарушение норм НК РФ наступает при нарушении правовых запретов (налоговых правонарушений). Согласно положениям статьи 106 НК РФ, налоговым правонарушением является действие (деяние или бездействие) незаконного (в нарушение законодательства о налогах и сборах) характера, совершенное налогоплательщиком, плательщиком страховых взносов, налоговым агентом и иными лицами, в целях за которые налоговый кодекс устанавливает ответственность.

На сегодняшний день в НК РФ и КОАП РФ предусмотрена административная (финансовая) ответственность за совершение экономических (налоговых) правонарушений в отношении физических лиц, индивидуальных предпринимателей, а также юридических лиц. Тем не менее, как свидетельствуют статистические данные, приведенные в интервью ТАСС заместителем главы СК РФ Е. Леоненко, средний ежегодный ущерб от налоговых преступлений в России оценивается в 58 млрд. рублей, из которых фактически возмещено около 50 % от указанной суммы [8].

Следовательно, отмеченные статистические данные указывают, что административная ответственность в сфере экономических (налоговых) преступлений не способна эффективно бороться с экономическими правонарушениями, что позволяет поднять нам вопрос о расширении в отношении указанных субъектов (индивидуальных предпринимателей, а особенно – юридических лиц) ответственности, а именно – установление уголовной ответственности.

Так, на сегодняшний день в УК РФ предусматривает более 50 составов экономических преступлений в разделе сферы экономики, объединенных в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Примечательно

то, что практически любое из закрепленных в отмеченной главе УК РФ преступлений, в той или иной степени (роли соучастника), может быть совершено юридическим лицом.

Выводы. Таким образом, считаем, что с учетом сложившихся в РФ на сегодняшний день экономических отношений, институт уголовной ответственности в России подлежит усовершенствованию в силу следующих причин.

Во-первых, в ч. 1 ст. 2 УК РФ сформулированы основные его задачи, которыми являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений [2].

Поэтому полагаем, что без признания юридического лица субъектом уголовной ответственности достижение обозначенных задач в полной мере не представляется возможным.

Во-вторых, российская следственная и судебная практика позволяет утверждать, что в РФ возник новый, особый вид преступности – преступность юридических лиц.

Данный вид преступности представляет собой особую экономическую опасность для всего государства, а также для добросовестных участников экономических правоотношений. Оказывая внутреннее негативное воздействие на формирование нормальной рыночной экономики внутри государства.

Преступность юридических лиц, за счет своей высокой степени латентности и безнаказанности подрывает основы всей государственной экономики. В результате таких противоправных действий юридическими лицами, происходят такие негативные социально-экономические явления, как снижение уровня производств и валового внутреннего продукта, рост инфляции и т.д.

В-третьих, также необходимо отметить, что в России вопросы о признании юридического лица в качестве субъекта уголовной ответственности обсуждаются учёными и практическими работниками уже длительное время при этом приводятся убедительные аргументы такой необходимости, однако законодатель, по каким-то причинам, эти вопросы не рассматривает.

В-четвертых, по нашему мнению, юридическое лицо должно нести уголовную ответственность в таких конкретных случаях: когда такие действия были совершены: в первом случае – с ведома или по указанию юридического лица, или были ими (акционерами, собственниками) санкционированы, во втором случае – совершены с экономической пользой, давая определенную выгоду юридическому лицу, как материальную, так и иную. И в третьем случае – деяние совершено субъектами (физическими лицами), которые были официально, документально уполномоченными юридическим лицом на совершение мошеннических сделок, иных неправомерных действий, причинивших значительный ущерб другим субъектам хозяйствования в сфере

экономической деятельности или отдельным гражданам, но они при этом не имели личной заинтересованности.

Безусловно, этот вопрос требует более глубокого дополнительного изучения и исследования, выходящий за рамки нашей работы, и самое главное, предусматривает наличие определенной воли законодателя, поскольку его решение затрагивает необходимость изменений, устоявшихся десятилетиями, устаревших, отдельных норм уголовного права, которые явно не соответствуют, сложившимся в обществе, экономическим отношениям.

Данная идея может и должна быть воплощена в рамках принятия новой системы юридической ответственности, которая, с большой долей вероятности, повлечет коренную переработку институтов деликтного права, включая понятия: преступления, соучастия, виновности и других положений уголовного права Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996 г.) с изм. и доп. на 23.09 2023 г. // СПС «Консультант Плюс».
3. Наумов А.В. Уголовная ответственность юридических лиц // *Lex Russica*. – 2015. – № 7. – С. 55-61.
4. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б.В. Волженкин. – М., 2007. – 776 с.
5. Абашина Л.А. Юридическое лицо как субъект уголовной ответственности: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Орловский государственный технический университет – Москва, 2008. – 153 с.
6. Богуш Г.И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // *Вестник Московского университета*. – 2005. – № 4. – С. 19–29.
7. Буюкова Г.А. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц за нецелевое распределение и расходование бюджетных средств // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2014. – № 7. – С. 181–185.
8. СК РФ оценил ущерб от налоговых преступлений в 58 млрд рублей в год // *Бизнес портал*: [сайт]. – 2023. – Режим доступа: <https://www.business.ru/news/29697-nalogovye-prestupleniya> (дата обращения: 22.05.2023).
9. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах Азиатско-Тихоокеанского региона: научное издание / А.В. Федоров. – Москва : изд. Группа «Юрист», 2022. – 144 с.

УДК 343

Д.А. Самофалов, аспирант, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: nastyusha.s.0505@mail)

ТЕРРОРИЗМ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье проведен анализ особенностей противодействия терроризму как разновидности организованной преступности, рассмотрены меры ее предупреждения и профилактики. Раскрыты масштабы данной проблемы и исследованы стратегические и законодательные способы реагирования на факты проявления терроризма как разновидности организованной преступности, включая меры по ее предупреждению и сдерживанию. Автор приходит к выводу, что расширение международного сотрудничества в области противодействия терроризму как разновидности организованной преступности играет огромную роль в сфере поддержания и развития национальной безопасности страны.

Ключевые слова: терроризм, организованная преступность, уголовное право, уголовно-правовые меры противодействия, глобальная угроза.

Samofalov, D.A.

TERRORISM AS A TYPE OF ORGANIZED CRIME

The article analyzes the features of countering terrorism as a type of organized crime, considers measures for its prevention and prevention. The scope of this problem is revealed and strategic and legislative ways of responding to the facts of terrorism as a type of organized crime, including measures to prevent and contain it, are investigated. The author concludes that the expansion of international cooperation in the field of countering terrorism as a type of organized crime plays a huge role in maintaining and developing the national security of the country.

Key words: terrorism, organized crime, criminal law, criminal law counteraction measures, global threat.

Введение. В последние годы изменились приоритеты деятельности по предотвращению преступности. Как в мире в целом, так и в ряде стран и регионов основная борьба с терроризмом сегодня связана не с традиционными проблемами, а с проблемой транснациональной организованной преступностью.

Организованная преступность является одной из первоочередных угроз национальной безопасности. Уголовно-правовые нормы, являющиеся нормами-запретами, влияют на результативность противодействия правоохранительными органами и специальными службами организованной преступности как общественно-опасному, исторически меняющемуся, относительно массовому, социальному явлению. Следует отметить, что в современных условиях проявления терроризма, бандитизма, создания незаконных военизированных и вооруженных формирований, преступного сообщества представляет прямую угрозу национальной безопасности. Об изменении ее уровня, структуры, динамики (в сторону увеличения)

свидетельствуют статистические данные, в частности – количество учтенных уголовных правонарушений.

Взаимоотношения между организованными преступными группировками и террористами все чаще характеризуются симбиозом. С точки зрения отдельных ученых, более целесообразно рассмотрение этих феноменов именно с этой позиции. Противодействие терроризму как проявлению преступной деятельности является важным направлением обеспечения законности и правопорядка в мире в целом. В правовой науке вопросы противодействия отдельным видам международных преступлений рассматривалось и в криминалистическом аспекте на различных этапах его развития.

Анализ научных исследований. Известный исследователь В. Лакер включил в свою работу «Новый терроризм» целый раздел о сотрудничестве между организованной преступностью и терроризмом, поскольку в некоторых случаях существует симбиоз между терроризмом и организованной преступностью, которого не было заметно ранее [9]. Поддерживает мнение о существовании связи между этими явлениями и А. Шмид, который считает, что несмотря на то, что это два отдельных явления, которые не следует смешивать, между ними существует общая связь [14]. В дальнейшем, уточняя эту мысль, Ф. Вильмс предположил, что в некоторых случаях терроризм может превращаться в организованную преступность, и наоборот. Такая связь может иметь проявление в форме объединений, союзов, сотрудничества, слияний, сближение или симбиоз [15]. Некоторые исследователи считают, что терроризм и организованная преступность сливаются в одно целое [15].

В исследовании М. Лаймана и Г. Поттера «Организованная преступность» терроризму посвящен специальный раздел, в рамках которого отмечено, что «во многих актах терроризма политические задачи могут сочетаться с намерением получить прибыль» [10].

Теоретические соображения сторонников тезиса о сближении или слиянии терроризма и организованной преступности рассмотрены в статье Ф. Ф. Бовенкерко, Б. Чакра «Терроризм и организованная преступность». По мнению авторов, при исследовании этой проблемы недостаточно выявить существование структурных аналогий, которые делают сотрудничество терроризма и организованной преступности взаимовыгодным, поскольку необходимо также понять механизмы, позволяющие им действовать сообща. В процессы взаимовыгодного сотрудничества терроризма и организованной преступности вовлекаются определенные личностные типы, способные совмещать эти виды преступной деятельности [3].

Слияние международного терроризма и международной организованной преступности отмечено и российскими исследователями. Подпольное сообщество нелегально действующих террористических и организованных преступных группировок образует определенную общую среду, имеющую тенденцию к взаимопроникновению, росту и обмену кадрами [5].

Одной из причин такого сращивания является: полное или частичное совпадение интересов, сфер, форм и методов деятельности, организованных преступных и террористических организаций; заимствование мотиваций преступной активности, которая для криминальных структур может перерасти в политическую и идеологическую активность, а для террористических – в криминальную.

Целью статьи является анализ терроризма с точки зрения организованной преступности, уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение правонарушений в организованных формах, и на основании проведенного анализа показать направления совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за терроризм как разновидности организованной преступности.

Изложение основного материала. Терроризм – это глобальная угроза, интенсивность и частота которой в последние годы возросла. Он представляет собой серьезную угрозу национальной и международной безопасности, а также жизни и благополучию людей. Это организованное и преднамеренное преступление, направленное против гражданских лиц, инфраструктуры и правительств. С учетом остроты угрозы уголовно-правовые средства противодействия террористическим преступлениям имеют важнейшее значение.

С целью определения взаимосвязи терроризма и организованной преступности, в первую очередь требуется определение понятия организованной преступности.

Ряд исследователей характеризует организованную преступность в качестве наиболее опасной разновидности преступности, которая оказывает наибольшее отрицательное воздействие на общество, так как ее влияние носит комплексный характер и включает в себя как экономический вред, так и угрозу для социальной и морально-культурной сферы общества [6, С. 275].

Исследование феномена организованной преступности может быть произведено в рамках различных отраслей правовой науки: уголовного права, криминологии, криминалистики, уголовного процессуального права. Уголовно-правовые меры, несомненно, влияют на результативность противодействия правоохранительными органами и специальными службами этому общественно опасному явлению, в связи с чем большое значение приобретает уголовное законодательство, поскольку специфика его использования является фундаментальной для всех вышеперечисленных наук и отраслей.

Организованная преступность – это сплоченное проявление криминальной среды в масштабе определенного региона, отдельной отрасли хозяйства (ее производственных объединений) или в определенных сферах жизнедеятельности путем образования устойчивых, сплоченных, иерархически построенных преступных группировок (сообществ), сориентированных на длительную совместную преступную деятельность [8, С. 10]. Организованная преступность как неотъемлемое для современного общества явление проявляет

себя через конкретные уголовно-противоправные деяния, являющиеся предметом изучения уголовного права.

Современный анализ проблемы организованной преступности не может производиться вне изучения исторического контекста. Терроризм как проявление преступной деятельности существовал давно. Кроме того, исторические факты свидетельствуют о его взаимосвязи с организованной преступностью.

Если рассматривать Древний мир, то самое раннее упоминание относится ко времени правления римского диктатора Луция Суллы, который, желая пополнить казну и устранить оппонентов в борьбе за власть, издал проскрипции, то есть список лиц, которые были признаны «предателями» (примечательно, что среди них фигурировали довольно знатные и богатые граждане Рима). Лица, внесенные в данный список, объявлялись вне закона и любой, кто убивал данное лицо, получал себе половину его имущества.

Одной из самых ранних сект, упоминаемых в истории, является иудейская секта сикариев (данное название происходит от оружия, которым пользовались участники – это был кинжал или короткий меч – «сика»). Члены данной группировки были религиозными фанатиками, которые противостояли еврейской знати, выступавшей за мир с римской властью. Ее представители настраивали низы против верхов, отбирали имущество у богатых. Сикарии верили, что мученическая смерть принесет счастье, когда Господь явится к своему народу. Секта сикариев является одной из первых группировок, в которой явно прослеживается сочетание политического терроризма и религиозного фанатизма. Это яркий прообраз современного радикального терроризма.

В период средневековья, XI-XIII вв. упоминается о секте исмаилитов, более известной под названием «ассасины». Она располагалась на горе Аламут в Сирии. Адепты данной секты не вели открытой войны, были подчинены воле «Старца горы» и действовали скрытно. Ассасины были известны тем, что могли убить любого, на кого им указывал «Старец», несмотря на меры предосторожности обреченного на смерть. Со временем степень влияния данной секты достигла такого уровня, что о ней знали даже цари Европы и присылали своего рода «дань» для того, чтобы духовный лидер данной секты обратил на них свое внимание. Ассасины вели свою деятельность в течение двух веков, успев за это время устранить от правления большое количество шахов, визирей, ученых – всех, на кого указывал «владыка». Секта прекратила свое существования в момент взятия горы Аламут монголами в 1256 году.

Еще одним ярким историческим примером выступает Гай Фокс – капитан английской армии. В 1605 году он намеревался взорвать здание парламента в тот момент, когда в нем должен был находиться король Яков I. Действия Гая Фокса были направлены на то, чтобы в Англии был реставрирован католицизм. Позже этот исторический факт назвали «пороховым заговором».

Затем Новое время. Великая Французская революция, во время которой массовый террор становится классикой. Именно в данный период времени и формируется тактика терроризма с его устрашением и запугиванием народных масс. По всей Европе XIX в. проносятся волны покушений на жизни короля Франции Луи Филиппа, Наполеона III, испанскую королеву Изабеллу, Фердинанда III Неаполитанского, русского императора Александра II и т.д.

Конец XIX века сопряжен с движением анархо-терроризма, который затронул не только Европу, но и США. В результате покушения был убит президент США У. Мак-Кинли, погиб С. Карно – президент Французской республики, наряду с этим происходят массовые террористические акты в театрах и ресторанах, совершаются покушения и убийства крупных и средних чиновников.

Первое полномасштабное противодействие терроризму положил Иван IV Грозный (1533-1584 гг.). Чтобы в корне пресечь возможность захвата политической власти, а также возникновения мятежей, Иван Грозный вводит опричнину. Функция опричного войска сводилась к тому, чтобы обеспечить безопасность главы государства, а также подавить оппозицию.

В Россию терроризм проник в середине XIX – начале XX вв. Это связано с возникшим кризисом монархической формы правления и стремлением народа к Республике и демократии, толчком которой послужила Великая Французская революция. Для терроризма того периода характерна ярко выраженная борьба за власть, выдвижение революционных идей и достижение поставленных целей даже путем крайних мер – насилия. Как правило, революционеры стремились к уничтожению высокопоставленных чиновников, считая их залогом всех бед. Возможно, это связано с русским менталитетом, так как с абсолютной формой монархического правления, все указания и распоряжения главным образом исходили «сверху», от которых и зависела судьба всего народа в целом. Поэтому для террористических организаций был характерен индивидуальный террор.

На современном этапе терроризм как составляющая организованной преступности имеет способность коррелировать с другими составляющими данной преступности. В основе такого вывода имеется предположение о том, что существует вероятная связь между терроризмом и организованной преступностью, связанной с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и контрабандой, не имеющей строго функциональной зависимости, но позволяющей выявить определенную корреляционную зависимость.

«Организованный» терроризм имеет повышенную общественную опасность. Оценка общественной опасности терроризма имеет свои особенности. Повышенная опасность терроризма находит отражение как в нарушениях норм национального законодательства, так и общепризнанных норм международного права. Это связано с тем, что глобально терроризм посягает на основы мирового порядка, нарушает нормы международного права,

поскольку последнее определяет базовые принципы и нормы, в частности право на самоопределение, неприкосновенность государственных границ, территориальную целостность.

Борьба с организованной преступностью осуществляется по двум направлениям:

1) профилактика;

2) раскрытие и пресечение преступлений, выявление виновных и их наказание развивается.

Существует несколько стадий борьбы с организованной преступностью, однако наиважнейшее значение имеет завершающий этап, который приводит к ликвидации или нейтрализации бандформирований. Ее называют специальной операцией, осуществляемой с целью прекращения деятельности организованной преступной группы, целью которой является осуществление террористического акта.

Каждая из этих операций отличается набором присущих только ей признаков. Для них применяются различные приемы и тактики, по-разному ведутся боевые действия, сосредотачиваются силы, используются разнообразные специальные средства, вооружение и техника. Каждая такая операция должна быть хорошо продуманной, соответствовать четкому плану, поэтому ее разрабатывают заранее. Для этого предусмотрено создание оперативного плана, согласно которому будет действовать подразделение. Для этого личный состав уполномоченных органов ОВД или ФСБ должен быть в боевой готовности для пресечения деятельности преступных групп, в том числе для предотвращения «разрастания» преступной группировки и распространения её деятельности вне границ национального государства.

Риск «разрастания» организованных групп, осуществляющих террористическую деятельность, подвергает риску не только национальную безопасность, но и глобальную (международную), превращаясь в одно из проявлений транснациональной организованной преступности. В связи с чем необходимо применение особых средств и способов борьбы с рассматриваемым явлением.

Однозначного понимания и трактовки феномена транснациональной организованной преступности в современном научном дискурсе не выстроено. Однако из различных международных документов, составленных за последние десятилетия, например, Конвенции ООН против транснациональной преступности 2000 года [7], вырисовываются основные характеристики данного феномена, среди которых проникновение в легальные сферы жизни государства, размытие национальных границ, получение сверхприбыли в качестве цели, архисложный и специфичный характер.

Наиболее спорным аспектом является определение места международного терроризма в рамках этой системы. Международные документы не содержат конкретной информации на этот счёт, но подчёркивают специфичный и сложный характер, присущий данному явлению. Примером подобного документа является Доклад XI Конгресса ООН от 2005 года по

предупреждению преступности и уголовному правосудию [4]. Вместе с тем оценки отдельных исследователей дают право включать международный терроризм в перечень транснациональных организованных преступлений. Однако большая часть научного сообщества выделяет международный терроризм в качестве отдельной составляющей транснациональной преступности.

В целом, международное сотрудничество имеет важное значение в противодействии террористическим преступлениям. Террористы часто действуют за пределами национальных границ, что затрудняет решение проблемы силами одной страны. Международное сотрудничество предполагает обмен информацией, оперативными данными и ресурсами для предотвращения терроризма и борьбы с ним.

Международное сотрудничество может принимать различные формы, включая обмен информацией, совместные расследования и скоординированные операции правоохранительных органов. Это также включает разработку международно-правовых рамок, таких как Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе с терроризмом, которая обеспечивает основу для международного сотрудничества в борьбе с терроризмом.

Противодействие террористическим преступлениям требует многогранного подхода, который включает предотвращение, криминализацию, судебное преследование, арест и конфискацию активов, международное сотрудничество. Реализация этих мер может способствовать предотвращению террористических атак, привлечению террористов к ответственности за их действия, нарушению их операций и финансовых сетей, а также оказанию поддержки тем, кто пострадал от терроризма.

В данном аспекте особое значение приобретает международное сотрудничество правоохранительных органов в сфере противодействия деятельности организованных преступных групп.

В данном аспекте следует заметить, что в международных отношениях между правоохранительными органами России и зарубежных стран используются различные формы взаимодействия, в том числе:

- 1) обмен информацией;
- 2) выдача преступника (выдача);
- 3) международный розыск лиц;
- 4) выполнение поручений по запросу;
- 5) проведение совместных оперативно-розыскных мероприятий.

Особое значение для России имеет сотрудничество с государствами-участниками Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Положительную динамику развития и совершенствования международного сотрудничества можно проиллюстрировать следующими цифрами.

Главный информационно-аналитический центр» МВД России в своем докладе «Состояние преступности в Российской Федерации за январь-ноябрь 2021 года» представил следующие данные о динамике организованной преступности: «Организованные группы или преступными сообществами

совершено 20,2 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+25,1%), а их доля в общем количестве расследованных преступлений данных категорий увеличилась с 8,1% в январе-ноябре 2020 года до 9,5% [1, С. 11].

На территории Российской Федерации задержано 212 человек, находящихся в розыске органов внутренних дел (полиции) государств-участников СНГ. Добавляется, что на территории стран-участниц СНГ выявлено 108 человек, разыскиваемых российскими правоохранительными органами [2, С. 15].

Однако, международное сотрудничество в области противодействия организованных групп террористов в рамках стран СНГ требует совершенствования. Направления такого совершенствования можно определить на основе анализа зарубежного опыта.

В целях укрепления и расширения международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью необходимо некоторое отступление взаимодействующих сторон от соблюдения принципа государственного суверенитета в сфере правоохранительной деятельности, что могло бы сделать его более эффективным, ликвидировать те преимущества, которые преступные организации, а преступники, нарушающие принцип суверенитета, осуществляют трансграничные преступные операции. Этому также может способствовать национальное законодательство.

Примером из практики стран зарубежья также является Австралия, а именно – Австралийская комиссия по уголовной разведке, которая является ключевым органом в борьбе с организованной преступностью. Комиссия проводит специальные расследования, обменивается разведанными, осуществляет сбор данных, создает межведомственные совместные целевые группы, поддерживает информационные системы и готовит разведывательные отчеты [13].

Также стоит отметить, что Совет правительств Австралии согласовал Национальную стратегию по борьбе с транснациональной и организованной преступностью 12 декабря 2018 года. Данная стратегия определяет рамки, в которых правительство, частный сектор, гражданское общество, научные круги и сообщество будут работать вместе для борьбы с организованной преступностью. Она предполагает следующее:

- 1) использовать все доступные инструменты, чтобы разрушить криминальные бизнес-модели;
- 2) налаживать прочные партнерские отношения для совместной борьбы с транснациональной и организованной преступностью;
- 3) укрепление национального потенциала – обеспечение эффективного использования людских ресурсов, систем и разведанных [12].

Таким образом, борьба с преступностью тесно связана с политикой и суверенитетом государства. В ряде случаев можно наблюдать решение политических вопросов, а также чрезмерное ограничение вмешательства других стран во внутренние дела страны в ущерб решению проблем борьбы с организованной преступностью.

Вывод. Как результат, определяется образование террористической преступности, которой присущи, с одной стороны, признаки организованной преступности, с другой – исключительно «террористические». Безусловно, между терроризмом, террористической и организованной преступностью существуют общие характеристики.

С учетом изложенного, можно сделать вывод, что общими характеристиками организованной преступности и терроризма могут быть:

1) корыстная мотивация (терроризм в интересах организованной преступной деятельности);

2) систематическая коллективная преступная деятельность лиц (при терроризме возможна деятельность одиночек);

3) реализация преступной деятельности разными организационными структурами (от организации с устойчивой структурой к более гибким и динамическим сетевым структурам);

4) определяющим методом достижения цели является насилие, другие способы устрашения и силового давления;

5) стремление к власти и господству на определенной территории.

Список литературы

1. Алексеева А.А. Виды транснациональных организованных преступлений: к вопросу о трудностях классификации / А.А. Алексеева, В.Н. Морозова // Аспирантские тетради : Сборник научных статей, Воронеж, 22 декабря 2023 года. Том Выпуск 7. – Воронеж: Воронежский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. – С. 11-15.
2. Байбатыров М.Б. - А.Х. Международный терроризм и организованная преступность: связь и взаимозависимость / М.Б. - А.Х. Байбатыров, М.М. Бетильмерзаева // Профилактика экстремизма в системе образования : Сборник материалов Координационного центра по повышению эффективности формирования у молодежи активной гражданской позиции, противодействия идеологии терроризма и экстремизма, Грозный, 25 ноября 2021 года / Сост. И.С. Хажуев, С.-М.М. Джулагов. Том Выпуск 2. – Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, "Алеф", 2021. – С. 9-16.
3. Бовенкерк Ф. Терроризм и организованная преступность / Ф. Бовенкерк, Б. Чакра // Форум по проблеме преступности и общества. – 2004. – № 1-2. – Т. 4. – С. 3-16.
4. Доклад XI Конгресса ООН по предупреждению преступности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/congress/Documentation/11Congress/ACO_NF203_18_r_V0584411.pdf – (дата обращения: 14.10.2023).

5. Использование современных методов вовлечения лиц в террористическую деятельность. Аналитический обзор / авторск. коллектив: Бондаренко А.Е., Гончарова Т.А., Егоров Д.А. и др.; под общ.ред. Новикова А.П. – М., 2013.
6. Кабанова Ю.Н. Предложения по совершенствованию методов борьбы с организованной преступностью в РФ // В сб.: Актуальные вопросы юриспруденции. Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022. – С. 89-91.
7. Конвенции ООН против транснациональной преступности 2000 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 14.10.2023).
8. Холодов А.С. Возможности совершенствования мер противодействия организованным сообществам преступной деятельности в современной России // В сб.: Современные подходы к обеспечению и реализации прав человека: теоретические и отраслевые аспекты. Сборник материалов Ежегодной всероссийской научно-практической конференции. 2021. – С. 699-708.
9. Laqueur W. The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction / W. Laquer. – New York: Oxford University Press Phoenix Press, 2001.
10. Livingstone N. The War against Terrorism / N. Livingstone // Lexington Mass. – 1982.
11. Makarenko T. Transnational crime and its evolving links to terrorism and instability / T. Makarenko // Jane's Intelligence Review. – 2001. – Vol. 13. (November). – P. 5-6.
12. National Strategy to Fight Transnational, Serious and Organised Crime. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.homeaffairs.gov.au/natsecurity/files/strategy-transnational-serious-organised-crime.pdf> – (дата обращения 03.02.2024).
13. Organised crime in Australia rampant: NSW Police Assistant Commissioner Stuart Smith. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.smh.com.au/national/organised-crime-rampant-acrossaustralia-secretbriefings-reveal-20220512> p5акра. Html – (дата обращения: 03.02.2024).
14. Schmid A. Links Between Terrorist and Organized Crime / Alex P. Schmid // Transnational organized crime. – 1996. – № 2 (4). – P. 40-82.
15. Williams P. Anticipating organized and Crime / P. Williams, R. Godson // Law and Social Change. – 2002. – Vol. 37. – № 4 (June). – P. 311-355.

УДК 342.22

В.В. Седнев, докт. мед. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: wsednev63@mail.ru)

В.А. Войтов, канд. юрид. наук, заместитель директора межрегионального юридического института, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: lexv7995vvv@yandex.com)

ГОСУДАРСТВО: ПРАВОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ

В работе рассмотрены концепции правового и социального государств. Проанализированы основные правовые дефиниции правового и социального государств. Проведён анализ становления основных правовых дефиниций правового и социального государств. Описано общее и различия концепций правового и социального государств.

Ключевые слова: общая теория права; права человека и гражданина; правовое государство; социальное государство; правовые дефиниции.

Sednev, W.V.,

Vojtov, A.V.

THE STATE: LEGAL AND SOCIAL

The article discusses examines the concepts of legal and social states. The main legal definitions of the legal and social states are analyzed. An analysis of the formation of the main legal definitions of the legal and social states is carried out. The generalities and differences between the concepts of legal and social states are described.

Key words: general theory of law; human and civil rights; constitutional state; social state; legal definitions.

Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, развитием Российской Федерации как правового социального государства, что было указано 16.01.2020 Президентом России В.В. Путиным на встрече с участниками рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию [18] и актуализировано Президентом России В.В. Путиным в ходе заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 21.10.2021 [17].

В положениях Конституции Российской Федерации провозглашается, что Россия представляет собой правовое государство (статья 1), в котором права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства (статья 2) и устанавливает (статья 3), что источником власти в Российской Федерации является народ. Одновременно устанавливается, что Россия – социальное государство (статья 7). Представляется, с учётом имеющихся литературных данных, что соотношение этих понятий, правового и социального государств носит сложный и неоднозначный характер.

В данной работе предполагается использование термина «правовая дефиниция» как обозначение правовых понятий, представленных в

специальной юридической литературе, в отличие от термина «юридическая (легальная) дефиниция», фиксирующая понятие, закреплённое нормативным правовым актом [4; 7; 14].

Анализ научных исследований показал отсутствие устойчивой правовой дефиниции как понятия «правовое государство» [1; 2; 3; 9; 10; 11; 13], так и понятия «социальное государство» [2; 3; 5; 8; 11; 12; 16; 19; 20; 21], анализ соотношения этих понятий разноречив [2; 3; 11] как и описываемые соотношения общего и различий [2; 3; 11].

Соответственно, **цель статьи** – проанализировать указанные понятия и установить их соотношение с позиции диалектической логики и системного анализа исследования.

Изложение основного материала. Само понятие «государство» является конвенциональным и жесткой дефиниции не имеет, а каждый раз используется та либо иная дистинкция, применительно к теме рассуждения и позиции автора.

Одним из немногих, общеизвестных документов в международном праве, дающих определение понятию «государство», является Конвенция о правах и обязанностях государств (Межамериканский), принятая в 26 декабря 1933 г. (далее – Конвенция Монтевидео), где указаны критерии государства, как субъекта международного права, имеющего постоянное население, определённую территорию, правительство и способного вступать в отношения с другими государствами.

В специальной литературе исследуются понятия «правовое государство» и «социальное государство», которые характеризуют форму организации и деятельности самого структурного объединения общества – государства.

Так, правовое государство описывается как: государство, подчинённое праву в своей деятельности и воздействующее в определённых Законом границах, для обеспечения правовых гарантий [1; 3; 9]; обеспечивающее равенство перед законом, неуклонное соблюдение прав и свобод человека и гражданина, имеющее реальное разделение властей и сформированное гражданское общество [10]; признающее право, как последовательно формирующийся в общественном сознании и нарастаемый объём свободы и справедливости, которые выражены в Конституции, законах и в подзаконных актах, проявлены в практике реализации прав и свобод человека и гражданина [11]; в котором фактически сформировалась система гарантий от административного вмешательства в саморегулирующееся гражданское общество, значительный показатель государственного авторитета, подлинный государственный строй верховенства права, благодаря чему государство обеспечивает права и свободы человека и гражданина, в своей деятельности подчиняется праву и главной своей целью считает обеспечение прав и свобод человека [2] и в деятельности которого приоритетно право взамен политической целесообразности, ввиду приверженности концепции первенства прирождённых прав и свобод человека и приоритета обязанности государства блюсти и выступать в защиту прав и свобод человека и гражданина, при этом

власть осуществляется уполномоченными на это лицами в рамках установленной им компетенции с учётом разделения властей и гарантии судебной защиты прав и свобод человека и гражданина [13]. По сути, приведённый перечень составляющих правового государства восходит к Псалму 81 (Псалтирь - Синодальный перевод Ветхого завета): «1:2. Доколе будете вы судить несправедливо и оказывать лицемерие нечестивым? 1:3. Давайте суд бедному и сироте; угнетённому и нищему оказывайте справедливость; 1:4. Избавляйте бедного и нищего; исторгайте его из руки нечестивых.», который был перефразирован Г.Р. Державиным в его оде «Властителям и судиям» (2 и 3 четверостишия): «Ваш долг есть: сохранять законы, На лица сильных не взирать, Без помощи, без обороны Сирот и вдов не оставлять. Ваш долг: спасти от бед невинных, Несчастливым подать покров; От сильных защищать бессильных, Исторгнуть бедных из оков.»

Поднимая вопрос о первоисточках определения понятия «государство», его признаках и структуре, нельзя не вспомнить выдающегося теоретика новой эпохи Никколо Макиавелли и один из его знаменитых трудов «Государь», 1513. Государственно-управленческие идеи знаменитого итальянского мыслителя до сегодняшнего дня вызывают жаростные юридические споры и дискуссии. Макиавелли, один из первых, применил термин «государство» через призму политической организации общества, с присущими для него отношениями господства и подчинения.

Задача государства и его государя состоит в соблюдении политического равновесия в условиях постоянного противостояния знати, которая стремится подчинять, и народа, не желающего подчиняться [6].

Достижение равновесия в государстве возможно посредством навязывания народу конкретной цели – служения государству. Стремление к этой цели обосновывается гарантией государства обеспечить безопасность и частную собственность, под которыми Макиавелли подразумевает блага свободы.

Непосредственно социум является важнейшим элементом существования любого государства. В связи с чем, далее возникает вопрос актуального понятия «социальное государство».

При анализе понятия «социальное государство», как вида государственного устройства, устанавливается, что научное сообщество и законодатель не даёт ни чёткой дефиниции, ни исчерпывающего перечня его признаков.

При этом, в юридической литературе встречаются описания социального государства, которые не объединены в единое целое, а пересекаются в описании отдельных, конкретных признаков, в связи с чем не могут выступать базисом для дефиниции рассматриваемого понятия. Так, социальное государство описывается как: нацеленное на формирование для граждан благоприятных условий жизни, высокого уровня социальной защищённости и возможности реализации личности [3; 10]; исполняющее максимально возможно полное социальное обеспечение граждан и

гарантирующее его принятыми нормативными правовыми актами [16]; выступающее ведущим фактором общественного благополучия, сохраняющее социальный мир и паритет интересов в обществе, прежде всего за счёт обеспечения равенства и условий, и возможности для любого члена общества [20]; в котором законодательно закреплены принципы социальной справедливости, солидарности и взаимной ответственности [12]; проводящее активную социальную политику во имя развития личности, благосостояния, социальной защищённости и безопасности граждан [12] и приоритетом которого является благополучие граждан, социальная справедливость и защищённость [2].

Также правовая наука приводит несколько типовых моделей социального государства:

– две [8], первая – либеральная, которой свойственны: ограниченная роль государства в жизни человека, который свободен в выборе направлений, форм и содержания собственного развития, а функцией государства является формирование и поддержание равных базовых условий. Указывается, что минимизация доли государства в регулировании социальной сферы чревата экономическим неравенством с обеднением населения [23]. Вторая модель – патерналистская – превалирование государства в общественном пространстве, контроль всех социальных процессов в обществе. Т.е. государство определяет социальное развитие личности. Недостатками этой модели называют низкий уровень экономической свободы, ограниченность как в предпочтении, так и в достижении социальных интересов, что ведёт к снижению мотивации и неэффективности труда [15, С.13; 22]:

– три [21] ведущие модели: «позитивное государство» – с минимальной интервенцией государства в сферы экономические и социального обеспечения, когда государственная социальная политика выступает как средство контроля; «собственно социальное государство», в котором обеспечивается гарантированный минимум жизненного уровня и максимально возможно достигаемое равенство изначальных возможностей, когда социальная политика направлена на обеспечение максимально возможно полной занятости; «государство благосостояния», в котором обеспечен минимальный жизненный уровень, максимальный уровень доходов, понижается различие в зарплате и гарантирована полная занятость.

Выводы.

При анализе исторического (от 1994 до 2023 гг.) развития в России концептуального представления понятия «правовое государство» обращает внимание ряд, на наш взгляд, значимых тенденций:

– деактуализировано противостояние закона и политической целесообразности в деятельности управления государством и защиты им прав и свобод человека и гражданина, что, как представляется, отражает рост правового правосознания, прежде всего среди ученых-правоведов, а также адресата их исследований с явным усилением уровня принятия идеи равенства перед законом;

– триумфом считается фиксация принципов разделения властей и судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, как закреплённых в Конституции и не требующих дополнительных обоснований, отражающая укорененность этих концептов в среде правоведов и адресатов их разработок.

При анализе исторического развития (2000-2023 гг.) концепта «социальное государство», существенной динамики понятия, ни в средствах описания, ни в содержательной стороне понятия не отмечается. Это, возможно, отражает принятие концепции, которая не имела длительного развития именно в такой форме, в конкретном правовом пространстве, и одновременно процесс её осмысления проходит параллельно с процессом её становления.

Общим для обеих концепций – как правового, так и социального государств, является:

- 1) приоритет прав и свобод человека и гражданина;
- 2) приоритет правового обеспечения защиты прав и свобод человека от гражданина;
- 3) исключение дискриминации на основании юридически не значимых признаков (с тенденцией в социальном государстве обеих моделей по А.А. Клишасу (2023) к расширению перечня юридически значимых признаков).

В свою очередь, к различиям между концепциями правового и социального государства можно отнести следующие:

1) принцип верховенства права в социальном государстве расширяется за счёт влияния/воздействия структур, претендующих на практическое осуществление принципа справедливости, путём перераспределения материальных и нематериальных благ, следовательно, существует необходимость:

а) максимально возможно полного именно правового регулирования всего, что связано с социальной справедливостью;

б) закрепления функций перераспределения материальных и нематериальных благ за государственными органами (решающий голос) во взаимодействии с структурами гражданского общества и органами социальной защиты (совещательный голос);

в) расширение и дифференциация специализации государственных и негосударственных органов социальной защиты;

2) внутренние противоречия социального государства в форме несогласованности уровня и объёма государственного регулирования общественных отношений – по сути противоречия между либеральной и патерналистской моделями социального государства;

3) свобода личности, взаимная ответственность государства и гражданина и социальная безопасность, и материальное равенство могут вступать в конфликтное противоречие друг другу;

4) концепты правового и социального государств совместимы пока функционирование государственной власти «будет ограничиваться, уравниваться, контролироваться и распространяться в границах соблюдения основных прав человека», а внедрение приоритета благосостояния,

социальной безопасности и справедливости над базовыми правами человека и гражданина приведёт к противоречию между правовым и социальным государством [21, С. 152].

Таким образом, устанавливается, что концепции правового и социального государств, содержат общее и различное, представляют собой диалектическую пару единства (права человека и гражданина, их защита и обеспечение верховенством права и социальной справедливостью как приоритетная функция государства) и противоположности (концентрация социального государства на компенсации дискриминации, прежде всего экономической, негативно сказывается на состоянии социума, т.к. чревата демотивированием индивида к развитию способностей).

Соответственно изложенному, направление дальнейших исследований в этой сфере – возможность именно правовой компенсации противоположностей между концепциями правового и социального государств, при сохранении их основного диалектического единства. Это заставляет согласиться с мнением ряда авторов [9; 12; 20], что положения Конституции России в этой сфере следует рассматривать скорее, как идеальную цель и, одновременно как программную задачу.

Список литературы

1. Авакян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. / С.А. Авакян. – 5-е изд., перераб. и доп. – Т. 1. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 864 с.
2. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов / М.В. Баглай. – 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 784 с.
3. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. / Е.Ю. Бархатова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2019. – 268 с.
4. Болдырев С.Н. Дефиниция как средство юридической техники / С.Н. Болдырев // *Философия права*. – 2014. – № 4 (65). – С.48-51.
5. Вишняков В.Г. Конституционные основы социального государства / В.Г. Вишняков // *Журнал российского права*. – 2004. – № 8. – С. 11-22.
6. Воззрения Макиавелли на сущность государство в трактате «Государь» / О.С. Малоземова // *Контентус*. – 2022. – № 8. – С. 34-42.
7. Дудырин Д.С. Требования к правовой дефиниции / Огарёв-Online, 2015 [сайт]. – URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/trebovaniya-k-pravovoj-definicii> – (дата обращения: 26.11.2023).
8. Клишас А.А. Развитие Российской Федерации как социального государства в контексте 30-летия Конституции Российской Федерации / А.А. Клишас // *Журнал российского права*. – 2023. – № 12. – С. 22-37.
9. Комментарий к Конституции Российской Федерации / А.М. Дроздова [и др.]; под редакцией С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 409 с.
10. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учётом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования

- 1 июля 2020 года / Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко, С.Б. Нанба, А.Е. Помазанский; под ред. Т.Я. Хабриевой; обращение к читателям В.В. Путина. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2021 – 368 с.
11. Комментарий к Конституции Российской Федерации изд. 3 испр. и доп. / под общ. ред. Л.В. Лазарева. – М.: Проспект, ООО "Новая правовая культура", 2009. – 816 с.
 12. Комментарий к Конституции Российской Федерации / [Андриченко Л. В. и др.]; под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева; Конституционный Суд Российской Федерации. – Москва : Эксмо, 2009. – 1056 с.
 13. Конституция Российской Федерации: комментарий / Под общей редакцией Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. – М.: «Юридическая литература», 1994. – 623 с.
 14. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права: монография. – М.: Статут, 2006 – 267с.
 15. Олейникова Е.Г. Модели социальной политики государства: проблемы теории и практики// Общество: политика, экономика, право. 2013. – № 3. – С. 11-14.
 16. Петров В.П. Основы социального государства [Электронный ресурс]: Учебн. пособие / В.П. Петров, В.Э. Семёнова, К.А. Шкенеv; Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Н.Новгород : ННГАСУ, 2016 – 283 с. 1 электрон. опт. диск (DVD+RW).
 17. Путин заявил, что Россия должна строить социальное государство / Комсомольская правда [сайт]. – URL: kp.ru/online/news/4487099 – (дата обращения: 28.11.2023).
 18. Путин: поправки в Конституцию направлены на развитие России как правового государства / ТАСС [сайт]. – URL: <https://tass.ru/politika/7535725> – Текст: электронный.
 19. Пьянов Н.А. Теория государства и права: учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1. Теория государства / Н.А. Пьянов. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – 220 с.
 20. Садовникова Г.Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 194 с.
 21. Скакун О.Ф. Теория государства и права: Учебник. – Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. – 704 с.
 22. Социальная политика государства: эволюция моделей и приоритетов в XX - начале XXI вв.: монография / Е.Г. Олейникова; Российская акад. гос. службы при президенте Российской Федерации, Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Волгоградская акад. гос. Службы». – Волгоград: Изд-во ФГО ВПО ВАГС, 2006. – 211 с.
 23. Тезадова Д.А. Социальная политика в современных государствах: основное содержание, направления и модели / Д.А.Тезадова // Южно-российский журнал социальных наук. – 2015. – № 3. – С. 90-106.

УДК 347

Б.Н. Сиренко, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Донецкая академия управления и государственной службы (г. Донецк)

(e-mail: sirenkobogdan@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО ДОГОВОРУ СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

В статье рассматриваются особенности регулирования отношений по договору строительного подряда. Определены элементы и существенные условия указанного вида сделки. Выявлены некоторые проблемы, возникающие во время заключения договора, а также при привлечении той или иной стороны к ответственности. Предложены пути решения, а именно – закрепление соответствующих норм на уровне гражданского национального законодательства.

Ключевые слова: *строительные работы, договор строительного подряда, существенные условия договора, ответственность, подрядчик, заказчик.*

Sirenko, B.N.

PROBLEMS OF REGULATING RELATIONS UNDER CONSTRUCTION CONTRACTS

The article discusses the features of regulating relations under a construction contract. The elements and essential conditions of this type of transaction are determined. Some problems have been identified that arise during the conclusion of a contract, as well as when bringing one or another party to responsibility. Solutions have been proposed, namely the consolidation of relevant norms at the level of civil national legislation.

Key words: *construction work, construction contract, essential terms of the contract, liability, contractor, customer.*

Актуальность темы исследования. В условиях современности практически не осталось хотя бы одной сферы деятельности, которая каким-либо образом не была бы связана со строительством.

Объем строительных работ с каждым годом неуклонно растет, что свидетельствует о стабильности использования договора строительного подряда для оформления возникших имущественных отношений по выполнению строительных работ. Соответственно, значимость правильного оформления и заключения такой сделки приобретает другой уровень.

При этом потребность изучения договора строительного подряда также обуславливается наличием коллизий правовых норм, противоречивым состоянием действующего законодательства и складывающейся судебной практики, выявляющей недостатки нормативно-правовой базы.

Договор строительного подряда, являясь разновидностью договора подряда, прошел весьма долгий путь своего развития в истории российского частного права. На сегодняшний день – это один из самых распространенных договоров, уступающий первенство лишь договору купли-продажи. В связи с

этим современное состояние правового регулирования строительного подряда, а также особенности его реализации на практике представляют значительный интерес для рассмотрения.

Все это подтверждает актуальность рассматриваемой сферы общественных отношений.

Анализ научных исследований. Различным аспектам договора строительного подряда посвящены выполненные в последнее время работы О.Г.Алексеевой, Е.Р.Аминова, М.В.Бандо, Б.М. Гонгало [7], Е.А. Крашенинникова [11], О.И. Лашманова [12], О.В. Макарова [13], А.В. Мандрюкова [14], О.И. Секиной [20], Е.А. Суханова [19], Ю.К. Толстого [6] и других ученых, однако некоторые правовые проблемы применения данного договора пока не решены, что и обосновывает необходимость и своевременность настоящей работы.

Цель статьи состоит в исследовании проблем регулирования отношений по договору строительного подряда.

Изложение основного материала. Договор строительного подряда представляет собой разновидность договора подряда. Общие положения сделки подряда относятся и к изучаемому виду договора.

В соответствии со статьей 740 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] (далее – ГК РФ) «по договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену».

В научной среде сложилось немало различных трактовок договора строительного подряда, что обусловлено длительным и сложным путём его формирования как самостоятельного субинститута в гражданском праве, а также многостепенностью развития самих договорных отношений в строительстве и комплексностью законодательства о строительстве. Подходы к определению договора строительного подряда в целом похожи и ставят в центр выполнение строительно-монтажных работ подрядчиком и обязательные действия заказчика по их принятию, уплате и созданию требуемых условий. К примеру, по С.Н. Мокрову, договор строительного подряда – это соглашение, содержание которого предполагает обязательство подрядчика в установленный срок построить или реконструировать по заданию заказчика объект недвижимости, а также обязательство последнего создать для подрядчика все условия для выполнения строительных работ, принять их результат и произвести оплату, если все требования надлежащим образом соблюдены [15, С. 7].

Г.М. Заяханов рассматривает этот договор как устанавливающий обязанности подрядчика реализовать строительно-монтажные работы, опираясь на техническую документацию и ставя перед собой цель построить либо реконструировать весь объект или его часть, а за заказчиком – обязанности

предусмотреть и создать необходимые условия для этих действий, сделать оплату и принять их [9, С. 6].

Обобщая вышеназванные подходы, можно отметить, что сущность рассматриваемой договорной конструкции сводится к созданию определённого овеществлённого результата в строительстве тех или иных объектов, который должен быть принят другим лицом, предоставившим необходимые условия для строительства и оплатившим строительные работы. Исходя из этого, договор строительного подряда по своей юридической природе является консенсуальным, возмездным и двусторонне обязывающим.

Значимость вопроса заключения договора строительного подряда представляется возможным объяснить многочисленными дискуссиями и спорами в этой сфере, а именно – по поводу его элементов, существенных условий, значения технической документации для сторон, оплаты работ и так далее.

Элементы каждого договора являются его центральными составляющими, без которых сделка не может существовать как таковая вовсе. Не является исключением и договор строительного подряда.

К элементам сделки строительного подряда относятся предмет, субъекты и содержание.

Первым по значимости структурным элементом договора строительного подряда, как и всякого гражданско-правового договора, является его предмет, призванный выявлять юридическую сущность сделки. При отсутствии либо недостаточной конкретизации предмета, сделка может быть признана незаключенной. Предмет договора подряда – это результат деятельности, который имеет конкретную овеществленную форму.

При этом, главной особенностью договора строительного подряда представляется возможным считать то, что работы, выполняемые подрядчиком, ведут к созданию или реконструкции именно объектов недвижимости. Если же результатом исполнения работ будет создание движимых вещей, то подобные договорные отношения должны быть урегулированы общими положениями о подряде.

Предмет договора строительного подряда охватывается действиями подрядчика, выражающиеся в проведении строительных работ или реконструкции по какому-либо объекту, выполнении монтажных, пусконаладочных работ и иных связанных с ними работ. Сама специфика указанных работ, а также область применения договора отражают отличие рассматриваемой договорной конструкции от других договоров подряда. Е.В. Гуменюк справедливо указывает, что специфичность договора строительного подряда выражается в самих работах, реализуемых на его основе, «которые ведут к созданию или реконструкции (обновлению, перестройке, реставрации) объектов недвижимости» [8, С. 17].

Работы по договору строительного подряда должны быть точно определены. Тем не менее, ввиду специфики предмета конкретизировать его непосредственно в тексте сделки строительного подряда не представляется

возможным. С этой задачей справляется техническая документация, в которой определяются объем и содержание строительных и иных работ, а также предъявляемые к ним требования. Исходя из этого, возникает вопрос: поскольку в технической документации происходит индивидуализация предмета договора, будет ли наличие и согласование технической документации существенным для такого вида подряда. В пункте 2 статьи 743 ГК РФ законодатель обязывает стороны определять состав и содержание технической документации, также для регулирования этого вопроса существует соответствующее Постановление Правительства [16].

При этом в гражданском законодательстве не содержится перечень последствий для сторон в случае отсутствия или несогласования технической документации. Судебная практика также не считает такое условие существенным, поскольку согласно пункту 5 Обзора практики разрешения споров по договору строительного подряда «отсутствие утвержденной в установленном порядке технической документации не является безусловным основанием для признания договора незаключенным» [17].

Таким образом, создается правоприменительная проблема, заключающаяся, с одной стороны, в обязательстве индивидуализировать на достаточном уровне предмет, являющийся существенным условием строительного подряда, а с другой стороны, отсутствие технической документации, в которой и описывается предмет договора, не является существенным для признания сделки строительного подряда незаключенной.

Полагаем, что отсутствие четко установленной технической документации при заключении договора строительного подряда может вызывать трудности при вынесении судами правильного и обоснованного решения. Ведь техническая документация по договору подряда по сути является той составляющей, которая индивидуализирует сам предмет договора, соответственно целесообразным является её утверждение на этапе её заключения. Важным является здесь и то, что документы такого должны быть достаточно сформированными и учитывающими нормы законодательства.

Сторонами рассматриваемого договора выступают заказчик и подрядчик. К личности заказчика законодатель не предъявляет особых требований. Нередко в качестве заказчика выступает инвестор.

Таким образом, заключение строительного подряда будет выступать элементом инвестиционной деятельности. Подрядчиком является член саморегулируемой организации, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющий профессиональную систематическую деятельность в сфере строительства. В практической же деятельности при осуществлении капитального строительства, реконструкции объектов недвижимости выполнить порученное задание заказчика самостоятельно силами своей организации бывает невозможно. В этой связи подрядчик вправе с помощью заключения прямых договоров привлекать к выполнению отдельных комплексов работ специализированные организации, которые именуются субподрядчиками [10, С. 45].

Содержание договора строительного подряда составляет совокупность прав и обязанностей сторон сделки. Сюда входят и обязанности по выполнению строительных работ, и осуществление контроля (надзора) за такими работами, производство сдачи-приемки и оплаты выполненных работ и так далее. В наиболее общем виде можно сказать следующее: то, что является обязанностью подрядчика, то имеет право требовать заказчик и наоборот.

Укажем, что под существенными условиями договора строительного подряда понимаются условия, позволяющие определить конкретный вид работы, а также срок и цену работы.

Сроки выполнения работ и варианты расчета за это, при отсутствии конкретной даты, обязательно должны быть предусмотрены в соглашении во избежание признания договора незаключенным.

Несмотря на императивное положение законодательства об указании в договоре подряда начального и конечного сроков, допускается в случаях и в порядке, предусмотренных его условиями, изменять, продлевать или сокращать их. Более того, как показывает анализ судебной практики, суды нередко проявляют определенную гибкость в решении споров относительно нарушений условия о сроке [18].

Далее считаем важным указать, что при выполнении работ небольшой и средней сложности, начальный и конечный сроки обычно указываются непосредственно в тексте соглашения. Однако, при выполнении работ большей сложности предусматривать в тексте договора определенные периоды исполнения промежуточных этапов, уточнения их зависимости от выполнения обязательств заказчиком, изложения иных моментов, важных для исчисления сроков, представляется довольно сложным. В таких случаях допускается оформление подобных сроков сторонами в графике производства работ, который будет являться приложением к договору строительного подряда.

Цена может выражаться как в виде конкретной денежной суммы, так и определяться с помощью различных формул, индексов либо иным способом, по усмотрению сторон договора. Законодатель обязывает подрядчика осуществлять строительные и другие, связанные с ними работы, в соответствии со сметой, но при этом не закрепляется обязательное наличие условия о цене под страхом признания сделки незаключенной. Однако, на практике суды могут отнести условие о цене к существенным условиям договора строительного подряда. Отсутствие единого подхода к этому вопросу, безусловно, порождает немало теоретических дискуссий и практических проблем.

Усматривается обоснованным полагать, что, невзирая на неоднозначность вопроса существенности условия цены договора, не вызывает сомнений важность как для подрядчика, так и для заказчика определение цены договора и составление сметы. Смета является хоть и не единственным, но, по крайней мере, решающим фактором в принятии решения о целесообразности возникновения договорных отношений с конкретными контрагентами. В связи с вышеизложенным предлагается в рамках ГК РФ закрепить условие о цене как существенном условии договора строительного подряда.

Важно также отметить, что по соглашению сторон договор может быть изменен в любой момент, но при условии, что это не противоречит непосредственно условиям сделки. Однако, в российском законодательстве отсутствуют какие-либо условия, предполагающие запрет на изменение договора. Более того, статья 450 ГК РФ [5] реализует общее правило «свободы договора» и конкретно указывает на возможность изменения условий договоров, в том числе и строительного подряда, а также допускает его расторжение. Но в указанную норму законодатель включил важную оговорку, которая допускает ограничение вышеуказанных прав законом либо договором непосредственно.

Статья 450 ГК РФ также содержит в себе условия расторжения или изменения договора строительного подряда в судебном порядке.

Основаниями для изменения и расторжения договора строительного подряда могут быть основания, предусмотренные ГК РФ, непосредственно договором, иными законами либо в случае существенного нарушения условий договора строительного подряда, одной из сторон. Наличие таких последствий либо их отсутствие, как правило, определяется по усмотрению суда, который, по своему убеждению, разрешает этот вопрос с учетом всех обстоятельств дела [21, С. 27].

Помимо существенного нарушения условий договора, ГК РФ выделяет и существенное изменение обстоятельств, к примеру, изменение видов работ саморегулируемой организации. Это основание подразумевает под собой изменение обстоятельств настолько, что если бы стороны предвидели такое изменение (к примеру, по саморегулируемой организации – спрогнозировать изменения в законодательстве усматривается весьма сложной задачей), то они вообще не стали бы заключать договор, или заключили бы его на условиях, существенно отличающихся от тех, которые прописаны в его содержании.

Итак, можно констатировать, что существенные условия в договоре строительного подряда выступают основным признаком, обуславливающим специфику договора строительного подряда как самостоятельного вида договоров и, как следствие, отдельную регламентацию подрядных отношений. Техническая сложность предмета рассматриваемого договора, широкий охват им различных вопросов, возникающих при строительстве, определяют существование множества норм и правил, содержащихся непосредственно в законодательстве, а также в иных документах, требующихся в строительном подряде. Можно отметить, что договор строительного подряда обладает специфичностью в его регулировании по причине наличия как обязательных, так и необязательных норм, имеющих значение при осуществлении строительства. А это, по нашему мнению, является ещё одним отличительным признаком договора строительного подряда. В этом аспекте согласимся с позицией Н.А. Адамова, который, анализируя правовое регулирование договора строительного подряда, отмечал, что здесь нормы используются по отношению к определённым ситуациям и особенностям, учитываемых заказчиком в конкретном объекте капитального строительства, т.е.

«содержание отдельного договора строительного подряда может зависеть от масштаба стройки, желаний сторон, состава субъектов договоров и их юридической подготовки» [1, С. 4]. Получается, что специфика договора строительного подряда выражена и в том, что его структура в большинстве случаев зависит от определённых обстоятельств.

Процедура заключения договора строительного подряда предполагает обращение особого внимания вопросу ответственности сторон, поскольку такой институт в этом случае может быть предусмотрен как гражданским законодательством, так и заключённым соглашением сторон. При этом различные соглашения подрядчиков с заказчиками, ограничивающие либо устраняющие предусмотренную законодательством ответственность сторон, признаются недействительными. Общие же нормы об ответственности гражданско-правового характера полностью распространяются на участников договора строительного подряда, наряду со специальными санкциями, которые применимы только к указанному виду гражданско-правовой сделки или в целом к разновидности подрядных договоров.

Считаем важным акцентировать внимание на том, что привлечение к ответственности, главным образом, направлено на возмещение причиненных убытков. В научной литературе целью возмещения убытков считается не столько восстановить нарушенное право, как признать за кредитором право на получение тех выгод и преимуществ, которые причитались ему по заключённому договору строительного подряда [3, С. 209]. При определении убытков расчет составляется исходя из цен, существовавших в месте исполнения обязательства и на день добровольного исполнения обязательства по строительному подряду.

При этом, немаловажным для полноты рассмотрения ответственности виновной стороны является пункт 5 статьи 393 ГК РФ. С одной стороны, такую позицию законодателя можно считать вполне разумной и логичной. Если суд на свое усмотрение не разрешит вопрос о размере убытков, необходимых для справедливого разрешения спора, требования кредитора не смогут быть удовлетворены, что, естественно, будет нарушением его прав.

Однако, такая позиция вполне оправдана для разрешения споров между гражданами или гражданами и юридическими лицами. Что же касается споров исключительно между юридическими лицами, существует другое мнение, касающееся сущности деятельности юридических лиц в гражданском обороте. В этом случае, такие субъекты являются профессионалами и, соответственно, обладают определенными знаниями в сфере предпринимательской деятельности.

При расчете убытков, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности по допущенному нарушению обязательства, без учета различных аспектов предпринимательской деятельности, которые находятся за пределами познаний суда, будет в корне ошибочным.

В связи с этим, предлагаем на законодательном уровне внести соответствующие изменения, и в последующем, при разрешении спора о

возмещении убытков по договору строительного подряда, заключенного между юридическими лицами, размер ущерба определять на основании заключения специалистов в предпринимательской сфере.

Проанализировав отдельные особенности договора строительного подряда, можно сделать вывод, что отношения, находящиеся в его рамках, являются достаточно сложными, что обусловлено существенными условиями договора строительного подряда, комплексностью правового регулирования, зависимости от конкретной ситуации при строительстве того или иного объекта, спецификой субъектного состава. Подобная усложнённая договорных отношений в этой сфере приводит к довольно частым спорам, которые рассматриваются судами. Зачастую происходит оспаривание существенных условий договора строительного подряда, поэтому следует акцентировать внимание на необходимости понимания и согласования существенных условий, учёта возможных последствий и рисков при заключении договора. Н. Андрианов не случайно указывает на обширный характер сложившейся судебной практики по строительным спорам и связывает её главным образом с тем, что стороны, заключая договоры на выполнение строительных работ, «не в полной мере учитывают возможные правовые риски» [2, С. 7].

Наиболее интересными представляются решения арбитражных судов, в которых ими делаются выводы, касающиеся взыскания неустойки в случае, если сторонами договора строительного подряда не была предусмотрена ответственность за просрочку выполнения этапов работ; возможности ссылаться на нарушение качества в случае, если заказчик принял работы без замечаний; возможности взыскания с подрядчика неосновательного обогащения в случае непредставления заказчиком технической документации; влияния непреодолимой силы на выполнение строительных работ; оплатой заказчиком обязательств и подписания акта о том, что работы приняты и пр.

Выводы. В завершение всего вышесказанного представляется возможным сделать некоторые выводы. Договор строительного подряда является самостоятельным видом договора подряда и занимает высокое экономическое положение в общественных отношениях. В связи со стремительным развитием строительства – области действия договора строительного подряда, наличие отличительных признаков в его существенных условиях, а также разнообразный характер норм и правил, которые должны учитываться сторонами при его исполнении являются теми основными признаками, которые отличают рассматриваемый договор.

Договор строительного подряда в своей регламентации сопровождается целым пластом норм, обязательного и необязательного характера, с помощью которых учитываются требования заказчика к тому или иному объекту строительства. При этом, в силу технической сложности и широты охватываемых данным договором вопросов, вопросы его исполнения являются применимыми к конкретным ситуациям, что подтверждается многообразием сложившейся судебной практики в этой области.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, представляется возможным утверждать, что в настоящее время сфера регулирования отношений по договору строительного подряда в отечественном правовом пространстве характеризуется наличием ряда не в полной мере разрешенных проблем, существенно усложняющих, а в отдельных случаях делающих невозможным применение указанного института в практической деятельности. Эти «пробелы» следует планомерно и целенаправленно устранять путем разработки, обсуждения и принятия соответствующих норм на уровне национального гражданского законодательства.

Список литературы

1. Адамов Н.А. Особенности договора строительного подряда и проблемы правового регулирования взаимодействия участников процесса строительства / Н.А. Адамов // Бухгалтер и закон. 2005. – № 9 (81). – С. 2-5.
2. Андрианов Н. Договор строительного подряда. Риски и споры / Н. Андрианов // ЭЖ-Юрист. 2016. – № 37. – С. 7.
3. Вербицкая И.К. Правовые аспекты взыскания убытков с подрядчика при нарушении условий договора строительного подряда / И.К. Вербицкая // Юридическая наука, законодательство и правоприменительная практика: закономерности и тенденции развития : сб. трудов конф. – Гродно: ГГУ, 2020. – С. 207-211.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ – (дата обращения: 20.12.2023).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – (дата обращения: 20.12.2023).
6. Гражданское право : учебник : [в 3 т.] / [В.В. Байбак и др. ; отв. ред.: Ю.К. Толстой, Н.Ю. Рассказова] ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – Т. 2. - М.: Проспект, 2014. – 924 с.
7. Гражданское право : учебник для студентов юридических высших учебных заведений : в 2 томах / под ред. Б.М. Гонгалю. – 3-е изд., перераб. и доп. – Т. 2 / [Алексеева О.Г., Аминов Е.Р., Бандо М.В. и др.]. – М.: Статут, 2018. – 558 с.
8. Гуменюк Е.В. Договор строительного подряда : учеб. пособие / Е.В. Гуменюк. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012. – 120 с.
9. Заяханов Г.М. Договор строительного подряда в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.М. Заяханов. Екатеринбург, – 2009. – 22 с.
10. Кабанова И.Н. Договор строительного подряда: от теории до практики применения / И.Н. Кабанова // Сметно-договорная работа в строительстве. – 2020. – № 3. – С. 43-46.

11. Крашенинников Е.А. Обязанности при ведении преддоговорных переговоров / Е.А. Крашенинников, Ю.В. Байгушева // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. – № 6. – С. 82- 93.
12. Лашманов О.И. Актуальные проблемы регулирования отношений по договору строительного подряда / О.И. Лашманов // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2017. – №1 (9). – С. 55-58.
13. Макаров О.В. Обязанности подрядчика по договору строительного подряда: проблемы совершенствования закона и практики / О.В. Макаров // Адвокатская практика. – 2010. – № 3. – С. 8.
14. Мандрюков А.В. Значение технической документации для сторон договора строительного подряда / А.В. Мандрюков // Строительство: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2016. – № 4. – С. 71-78.
15. Мокров С.Н. Динамика обязательственных отношений сторон, основанных на договоре строительного подряда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.Н. Мокров. – М., 2008. – 23 с.
16. О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию : Постановление Правительства Российской Федерации от 16.02.2008 № 87. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75048/ (дата обращения: 21.12.2023).
17. Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда : Информационное письмо Президиума ВАС Российской Федерации от 24.01.2000 – № 51. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25976/ – (дата обращения: 21.12.2023).
18. Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга Ленинградской области от 12.12.2018 по делу № А56-97641/2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения 22.12.2023).
19. Российское гражданское право : учебник: в 2 т. / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. – Т. 2 : Обязательственное право. – 1208 с.
20. Секина О.И. Строительный подряд: ответственность сторон / О.И. Секина // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2019. – № 1 (52). – С. 84-89.
21. Хапчаева К.А. Договор строительного подряда и его существенные условия / К.А. Хапчаева // Вестник науки. – 2020. – № 8. – С. 26-29.

УДК 342.7

А.Л. Червяков, начальник отдела юридической работы и проведения закупок, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт проблем искусственного интеллекта» (г. Донецк)

(e-mail: law_department_ipai@mail.ru)

Д.В. Лобов, канд. юрид. наук, врио проректора по экономике, административно-хозяйственной деятельности и комплексной безопасности, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: rait84@mail.ru)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В последние десятилетия геополитическая обстановка в мире стала активно меняться, что потребовало изменения и отношения к правам, свободам человека, гражданина, являющимися одними из основных «инструментов» решения социально-правовых вопросов внутриполитической деятельности страны, а также на международной арене. В данной статье авторы анализируют понятие статуса человека с правовой точки зрения, исследуют возможности и варианты ограничения его прав, свобод, как гражданина с учётом общегосударственных интересов. Дополнительно рассматривается классификация личных прав, свобод человека, гражданина Российской Федерации.

Ключевые слова: развитие права, права и свободы человека, общая характеристика прав, человек, гражданин, международное право.

Chervyakov, A.L.,

Lobov, D.V.

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMAN AND CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION

In recent decades, the geopolitical situation in the world has begun to actively change, which has required changes in attitudes towards human rights and freedoms, which have become one of the main “tools” for resolving social and legal issues within the country and in the international arena. In this article, the authors analyze the concept of human status from a legal point of view, explore the possibilities and options for limiting his rights and freedoms as a citizen, taking into account national interests. Additionally, the classification of personal rights, human freedoms, and citizens of the Russian Federation is considered.

Key words: development of law, human rights and freedoms, general characteristics of rights, person, citizen, international law.

Актуальность темы исследования. В настоящее время, с учетом того геополитического противостояния, которое мы сейчас наблюдаем между ведущими акторами мировой политики, деятельность которых часто приводит к вооруженным противостояниям, крайне важно проводить научные исследования, которые касаются вопроса соблюдения прав и свобод человека и гражданина. В настоящей статье речь пойдет о характеристике прав и свобод

человека и гражданина в Российской Федерации. Отметим, что данный институт на территории Российской Федерации, а также в юрисдикции новых регионов РФ должен неукоснительно соблюдаться, и действующие власти: федеральные, региональные и местные уже сейчас прикладывают к развитию и укоренению данного института все необходимые усилия.

Анализ научных исследований. Права и свободы человека и гражданина исследуются многими отечественными и зарубежными учеными.

Основные проблемы, связанные с необходимостью защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ, были исследованы следующими учеными: А.В. Безрукова, Л.В. Андриченко, Ю.И. Скуратова, В.А. Лебедева, В.Е. Сафонова, Т.Д. Зражевская, И.А. Умнова-Конюхова, В.Н. Демидова, Т.Я. Хабриева и другими.

Следующие ученые в своих диссертационных исследованиях проводили анализ Конституции РФ, а также уставов регионов, в которых содержатся нормы, характеризующие необходимость защиты прав и свобод человека и гражданина в России: О.О. Маленко, И.А. Митусова, А.В. Гошуляк, С.А. Хвалёв, Т.Н. Карасёва, В.С. Ульихин, А.В. Чуклин.

Цель статьи – научный анализ и критическое обобщение нормативно-правой базы и характеристики прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Изложение основного материала. Развитое современное государство можно описать, как специфичную форму организации власти, целью которой является определение, реализация комплекса социальных, экономических, политических и других свобод человека (гражданина). В основе деятельности любого государства должен лежать принцип уважения прав, свобод человека. Данная норма является обязательством государства и фундаментом национального, международного права.

В конце 1948 года Генеральная Ассамблея ООН принимает Всеобщую декларацию прав человека. Начиная с этого момента, государства и международные организации включились в работу по совершенствованию институтов прав, свобод человека, гражданина. Целью такой деятельности стало создание процедур их защиты и воплощения.

Пример XX века наглядно показал, что прогрессивное развитие человечества на пути к демократии, построению правового государства, обеспечению социально-экономического благополучия граждан, невозможно без гарантии прав, свобод человека.

Среди функций прав человека выделим:

– установление автономии личности, области её самоопределения и свободы;

– упорядочение взаимоотношений в обществе, их координация с учётом выработанных общегосударственных, международных норм, стандартов, регламентирующих права, свободы человека;

– выделение границ вмешательства государства в сферу личных прав, свобод человека, создание буфера произволу государственных органов власти;

– определение порядка взаимоотношения человека и государства, определение степени ответственности государства за реализацию своих функций перед обществом и человеком;

– обеспечение возможности реализации творческого потенциала каждого человека, стабильного, нормального и устойчивого развития общества [9, С. 23].

Согласно Конституции РФ, Россия – это демократическое федеративное правовое государство (статья 2, часть 2). Форма правления в стране республиканская, что означает признание государством высшей ценностью права, свободы человека (гражданина) и их гарантию соблюдения и защиты (Конституция РФ, статья 2) [4, С. 203].

Комплекс прав, обязанностей человека (гражданина) представляет его правовой статус и определяет его содержание. На правовой статус оказывает влияние гражданство, основные принципы, гарантии прав, безусловное предоставление свобод и др.

В различных отраслях права закреплены те или иные права, обязанности человека, но фундаментальное значение в этом процессе имеет государственное право, и прежде всего, Конституция РФ, определяющая правовой статус человека (гражданина).

Правовое положение человека можно описать: гражданством, правами, свободами, гарантией их защиты, конституционными принципами, обязанностями. Это базовые элементы правового положения, которое в целом определяется правовым статусом (Конституция РФ, глава 2).

Отметим, что вышеперечисленные компоненты не в полной мере определяют правовое положение личности. Основные права, свободы, обязанности, закреплённые в Конституции, являются фундаментом для прав и обязанностей, закрепляемых другими отраслями права. При этом отраслевые права, обязанности конкретизируют основные права, свободы и обязанности. В Конституции РФ чётко указано, что перечисленные в Основном законе права, свободы не должны отрицать наличие и значимость других принятых в обществе, государстве прав, свобод. Кроме этого, в Конституции РФ закреплены принципы, основные черты правового положения человека (гражданина).

Статья 19 Конституции РФ определяет принцип равенства перед законом, судом всех людей:

1. «Все равны перед законом».

2. Государство является гарантом соблюдения прав, свобод человека (гражданина). При этом не имеет значение место жительства, национальность, пол, раса, имущественного ценза человека, его принадлежность к общественному объединению, религии, языку и другие обстоятельства.

3. Конституция наделила мужчин и женщин равными правами, свободами. [1, С. 789]

В современной Конституции РФ мы обнаружим новое содержание прав, свобод человека (гражданина), которые признаны непосредственно

действующими. На их основе формируется механизм и инструменты применения законов, а также сама деятельность исполнительной, законодательной и судебной власти (Основной Закон, статья 18).

В Конституции РФ содержится принцип полноты прав, свобод, которыми пользуются граждане страны. Указано, что любой гражданин России обладает всем набором прав, свобод. Данное положение относится и к иностранцам, а также лицам без гражданства, но в этом случае есть определённые ограничения и исключения, определяемые международными договорами и федеральным законодательством России.

Важнейшим конституционным принципом является неотчуждаемость и запрет на ограничение прав и свобод человека. Однако, при их реализации не должны нарушаться чьи-либо права, интересы общества и всего государства (Конституция РФ, статья 17, часть 3) [7, С. 50].

Возможность и границы ограничения прав и свобод человека (гражданина) допускает Конституция РФ в целях защиты государственных, общественных интересов в той мере, которая определяется соответствующими федеральными законами.

Некоторые ограничения вводятся для защиты конституционного строя, обеспечения безопасности граждан страны в условиях введения чрезвычайного положения (ЧС). Однако, такие исключения должны иметь место в федеральном законе, положения которого указывают на порядок введения в государстве чрезвычайного положения и перечень оснований для этого. ЧС может объявляться как на отдельных территориях, так и по всей стране в целом. При его введении объявляются пределы и срок действия ограничений прав, свобод. Обычно, после объявления режима чрезвычайного положения ограничиваются права на митинги и демонстрации, свободы передвижения, вводится цензура. Данные требования объясняются необходимостью исключения массовых беспорядков, паники.

Конституция РФ однозначно указывает на недопустимость с какой-либо стороны ограничивать, лишать основных прав, свобод человека (гражданина). Исключением становится случай, когда гражданин совершает преступление, и государство вынуждено в определённой степени ограничивать его права, свободы, и даже лишать их. Как крайняя мера, определённая Конституцией РФ, может использоваться в отношении преступника ограничение на жизнь, если за совершённое человеком преступление закон предусматривает это наказание (Конституция РФ, статья 20, часть 1) [12, С. 923].

Правовой статус человека может классифицироваться в зависимости от сферы его действия, порядка связей между правовыми системами. Отметим, что современное право предусматривает несколько правовых статусов человека:

– общий международный статус, включающий права, свободы, обязанности, гарантии, принятые внутри государства и признанные международным сообществом, что отражено в конкретных договорах и других документах;

– базовый конституционный статус, согласно которому в Конституции страны закрепляются определённые права, свободы, обязанности граждан, а также гарантии их защиты;

– отраслевой статус, объединяющий различные права, обязанности и другие компоненты, определяемые отраслями правовой системы;

– специальный статус, предоставляемый отдельным категориям граждан;

– индивидуальный статус, определяющий характеристики правового положения отдельного человека [16, С. 43].

Права и свободы человека в понимании современного права – это социальный потенциал человека, признанный обществом, который возможно реализовать при наличии условий, соответствующих достигнутому человечеством прогрессу в определённый исторический период. Следовательно, конституционные права, свободы определяются, как социальные возможности личности, гарантированные Основным законом РФ.

Разграничение «прав» и «свобод» сегодня – это дискуссионный вопрос. Некоторые исследователи не видят разницы между данными понятиями, а другие, наоборот, определяют их существенные различия. В юридической литературе можно встретить мнение, что свободу нужно воспринимать как право на какой-либо вид свободного поведения.

Однако, в вопросе различий прав и свобод мы определяем глубокий смысл. Свобода должна пониматься как индивидуальное поведение носителя свободы, выраженное в адекватной форме. Государство должно обеспечивать, защищать свободу каждого человека, при этом не регламентируя её. В свою очередь, право – это возможность свободного поведения человека в границах, определяемых государством на основании закона [3, С. 14].

Часто права человека и гражданина в литературе содержат единое смысловое наполнение. Но их содержание нельзя рассматривать как аналогичное. Безусловно, права человека и гражданина имеют неотъемлемый характер, но если права человека определяет теория естественного права, то права гражданина проистекают из теории позитивного права.

Права человека даны всем людям с самого рождения, поэтому они считаются базовыми. При этом права не меняются в зависимости от того, является ли человек гражданином или нет. Права гражданина определяются государством. Поэтому гражданин наделён правами человека, относящимися к общепризнанным правам всех стран, плюс правами, определяемыми тем государством, гражданином которого он является.

Права гражданина указывают на некоторые различия между людьми, проживающими в стране. В таких правах ограничены те, кто не имеет гражданства. Как правило, наличие прав гражданина даёт возможность человеку участвовать в государственных делах, например, в муниципальных, региональных, государственных выборах, или получить доступ к службе в государственных органах. Поэтому лица, не имеющие гражданства, таких прав не имеют. Это объясняется тем, что каждое государство стремится

предоставить преимущество тем лицам, которые имеют устойчивые связи со страной и выполняют свои конституционные обязанности в полном объёме. Однако, это не значит, что лица без гражданства перед государством не несут никаких обязанностей [6, С. 825].

Определённые гражданские права предоставляются гражданам России с целью соблюдения национальных интересов. Например, правом частной собственности на землю могут воспользоваться только граждане РФ.

Для современного мира характерно наличие больших потоков миграции. Прежде всего, это миграция рабочей силы, беженцы. Поэтому в странах оседает очень много людей, которые по той или иной причине не имеют гражданства. Все они наделены правами человека, которые гарантирует государство в соответствии с международным правом и своей конституцией.

В связи с вышеизложенным следует указать, что, согласно международной практике, в конституциях большинства стран мира используется следующая терминология: «каждый человек (гражданин) имеет право...», «все граждане страны...», «никто не может быть лишён...» и т.п.

В тех случаях, когда основной закон страны содержит обезличенную обязанность государства что-либо «гарантировать», «охранять», «признавать», подразумеваются и права человека. При этом, если прописываются такие формулировки, как «гражданин имеет право», то имеется ввиду право тех, кто является гражданином страны. Отсюда следует, что терминологическое различие между правами человека и гражданина заключается в различиях между их правовым статусом, набором прав, обязанностей, определяемых для человека и гражданина.

В современном законодательстве представлен комплекс прав, свобод, относимых как к человеку, так и гражданину. Для облегчения их рассмотрения права, свободы традиционно разделили на несколько групп [10, С. 7]:

- личные;
- социально-экономические, культурные;
- политические.

В Конституции РФ подобное деление не предусмотрено, хотя аналогия классификации по заданным критериям в текстах Основного закона явно просматривается. Поэтому предложенная классификация условна, так как отдельные права, свободы человека и гражданина могут правомерно быть отнесены к разным группам.

Основу правового статуса человека составляют личные или гражданские права, свободы. Подавляющее большинство из них имеют абсолютный характер, так как не подлежат никакому ограничению [14, С. 48]:

1. **Право на жизнь.** Это неотъемлемое право человека, закреплённое международно-правовыми актами и конституциями стран. Право на жизнь закреплено в статье 20 Конституции Российской Федерации.

Смертная казнь, до её полной отмены, применяется только как исключительная мера наказания, предусмотрена федеральным законом за преступления особой тяжести. Подсудимый, которому вменяется вина в особо

тяжком преступлении, имеет право на рассмотрение его дела судом присяжных заседателей.

Право на жизнь требует от государства выполнения особых условий. Например, ведения миролюбивой политики, не провоцировать конфликты и войны. Для мирного времени право на жизнь, которое должно гарантировать государство, не сводится только к запрещению убийства. Государству необходимо организовать эффективную борьбу с преступностью, включая и террористические акты. Кроме этого, гарантия права на жизнь заключается в доступной медицине, соблюдении правил ОТ и ТБ на производстве, профилактике ДТП, контроле за выполнением мер противопожарной безопасности и т.п.

2. Достоинство личности. Данное качество необходимо рассматривать как аналогичное уважению личности и обязанности уважительного отношения к другим людям. Особенности достоинства личности детально конкретизируются в правах человека, обязанность защищать которые возложена на государство. Эта норма закреплена в статье 21 Конституции РФ [2, С. 39]:

– достоинство личности находится под защитой государства, никто и ничто не должно его умалять;

– государство обязано защищать человека и гражданина от всякого рода насилия, пыток, жестокого обращения, унижения. Никто не вправе принуждать человека без его добровольного согласия к медицинским, научным и другим опытам.

Достоинство человека и гражданина защищают многие нормы Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ. В частности, в УК РФ предусмотрены статьи обвинения в оскорблении, клевете. Гражданский кодекс также включает в себя положения, охраняющие достоинство личности. Это право на защиту жизни, здоровья, личной, семейной тайны, репутации и др. Если гражданину будет причинён моральный вред, он имеет право потребовать от виновного лица возмещение в виде денежной компенсации. Кроме этого, личное достоинство гражданин имеет право защищать через суд.

3. Право на свободу, личную неприкосновенность. Это право подразумевает саму свободу, выраженную в совершении любых поступков, не находящихся в противоречии с правами и свободами других людей, законом. С правом на свободу тесно связано право на личную неприкосновенность человека, который по своему выбору может выбирать свой жизненный путь и распоряжаться судьбой. Право на личную неприкосновенность закреплено в Конституции РФ (статья 22):

– каждому человеку, гражданину гарантируется право на свободу, личную неприкосновенность;

– человек может быть арестован или заключён под стражу только по решению суда. До принятия такого решения судом срок задержания человека правоохранительными органами не может превышать 48 часов [13, С. 49].

Ограничить свободу личности можно только на основании закона и только в формах, определённых законом. В этом случае рамки ограничения свободы должны контролироваться судебными органами. В Федеральном законе от 1 января 2001 года «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления» заложены гарантии свободы личности.

4. **Право на частную жизнь.** С точки зрения современного права частная жизнь является отдельным элементом личной жизни человека, содержание которой он хочет скрыть от других лиц. Частная жизнь рассматривается как личный мир интимных, деловых интересов, не предназначенных для публичного освящения. Раскрытие тайны частной жизни носит антиобщественный характер и может относиться к противоправным действиям. Исходя из этого, любое вмешательство в частную жизнь допускается исключительно в случаях, предусмотренных законом и при наличии веских аргументов. Если законных оснований для вмешательства в частную жизнь нет, она неприкосновенна, что гарантирует Конституция РФ (статья 23):

– каждый человек, гражданин имеет право на защиту чести, доброго имени, неприкосновенность личной, семейной тайны, частной жизни;

– каждый человек, гражданин имеет право на сохранение тайны переписки, сообщений в любых их формах. Ограничить это право можно только по решению суда [5, С. 34].

Данные нормы дополняет статья 24 Конституции РФ:

– не допускается сбор информации о частной жизни человека без его согласия, её хранение, распространение, использование;

– каждый человек имеет право ознакомиться в органах государственной власти, местного самоуправления с материалами, затрагивающими его права, свободы, кроме случаев, определённых российским законодательством.

5. **Неприкосновенность жилища.** Данная норма определённым образом связана с правом на частную жизнь. Не допускается проникновение в жилище без согласия проживающих. Ограничивает это право только решение суда или иного органа в случаях, предусмотренных законом. Право неприкосновенности жилища распространяется на собственников недвижимости, а также лиц, заключивших с собственником договор аренды, найма.

Содержание нормы неприкосновенности жилища подразумевает и гарантии от незаконного проникновения представителей правоохранительных органов, обысков с их стороны. Однако, есть закон, который допускает несанкционированное проникновение в жилище. При этом лица, совершившие такое проникновение, обязаны в течение одних суток известить об этом прокурора. Такие требования содержит статья 25 Конституции РФ [11, С. 233].

6. **Национальная принадлежность.** Российская Федерация – многонациональное государство. Поэтому какая-либо дискриминация по

национальному признаку недопустима. В то же время, национальность является гордостью каждого отдельного человека. В статье 26 Конституции РФ указано:

– человек имеет право определять свою национальность и указывать её.

При этом никто не имеет права требовать от человека указывать свою национальность или определять её по принуждению;

– каждый человек имеет право выбирать язык общения, творчества, культуры, пользоваться родным языком.

7. Свобода передвижения, места жительства. Все, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеют право свободно передвигаться и выбирать место жительства. Данного права лишены те, кто незаконно находится на территории России (Конституция РФ, статья 27):

– человек, если он находится на территории РФ на законном основании, имеет право на свободное передвижение и выбор места жительства;

– каждый человек имеет право свободно выезжать за границы России, а граждане РФ имеют право свободно возвращаться из-за границы на территорию России.

Свобода передвижения и места жительства закреплена и в ФЗ-5242-1 в редакции от 1 января 2001 года «О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации».

8. Свобода совести, вероисповедания. Данное право гарантирует Конституция РФ. Каждый человек вправе исповедовать религию, а также не исповедовать никакую религию (Конституция РФ, статья 28) [8, С. 96].

Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125 «О свободе совести и о религиозных объединениях» регулирует свободу совести, вероисповедания. Однако, законодательство не допускает деятельность тех религиозных объединений или представителей религии, кто своими действиями наносит вред здоровью человека.

Государство, реализуя содержание конституционных норм и федеральных законов, регулирующих свободу совести, вероисповедание, таким образом, возвращает стране духовность, создавая материальные условия для реализации человеком своих гражданских свобод.

9. Свобода мысли, слова. Всем людям свойственна мыслительная деятельность. Поэтому свободу мысли не имеет смысла закреплять законодательно, так как заставить человека думать невозможно, как и невозможно заставить его отказаться от мышления. Свобода слова более сложный в правовом понимании процесс, требующий законодательного регулирования. Свобода слова неразрывно связана с демократией, а демократия со свободой слова. При этом, признавая свободу слова, необходимо признать и необходимость некоторого её ограничения.

Гарантия свободы слова закреплена в Конституции РФ. Но в Основном законе также указано, что запрещается разного рода агитация, пропаганда насилия, вражды и ненависти.

Свобода слова является неотъемлемой частью личных, политических прав. В статье 29 Конституции Российской Федерации сказано:

- каждому человеку в России гарантирована свобода мысли, слова;
- в Российской Федерации не допускается агитация, пропаганда различного рода вражды, ненависти по национальным, социальным, религиозным и иным различиям между людьми;
- никто не может принуждаться к отказу от своих убеждений и выражению своих мыслей, мнения;
- каждый человек обладает правом свободно находить информацию, производить и транслировать её, если это не запрещено законом (например, запрещено заниматься поиском, распространением информации, содержащей государственную тайну);
- государство гарантирует свободу массовой информации. В Российской Федерации цензура запрещена [15, С. 79].

В Конституции новой России личные права, свободы, описанные в статьях 20-29, являются основой для всех других прав, свобод человека. При этом такие права, свободы описаны масштабнее и глубже, чем в Основном законе СССР.

Отличительной особенностью личных прав, свобод человека, гражданина, являются следующие обстоятельства: данные права, свободы принадлежат всем людям, вне зависимости от его гражданства; личные права, свободы неотчуждаемы, то есть они принадлежат человеку с момента его рождения и до момента смерти; личные права, свободы необходимы человеку для его жизни, охраны здоровья, достоинства, свободы. Кроме этого, к личным правам, свободам относят те естественные права, которые связаны с его личной, частной жизнью.

Практический правовой опыт даёт основание говорить о том, что все виды прав, свобод тесно связаны между собой. Поэтому ранжировать права, свободы по их значимости или приоритету малопродуктивно. Так же мы не согласны с мнением о том, что гражданские и политические права человека более значимы по сравнению с социальными, экономическими правами, свободами, так как если человеку не обеспечены хотя бы минимальные социальные, экономические права, то наличие у него личных и политических прав также ставится под большое сомнение. Данное утверждение нашло своё одобрение в большинстве стран мира и стало основой различных международно-правовых документов, ставящих социальные, экономические права наравне с другими правами человека.

Выводы. Новая история России определила направление государственного развития в сторону соблюдения, защиты основных прав, свобод человека, гражданина. В 1998 году Российская Федерация ратифицировала Конвенцию «О защите прав человека и основных свобод». Но, стоит заметить, что есть определённое несоответствие задекларированных международных прав с правовыми нормами государства.

В условиях современных кризисов и угроз Россия взяла курс на денонсацию некоторых международных договоров, являвшихся ранее важной частью правовой системы страны. Это связано, прежде всего, с тем, что

принципы гуманизации прав, свобод человека в странах ЕС стали проявлять себя однополярно.

В 1992 году РФ подала заявку на вступление в Совет Европы, но её рассмотрение было отложено по причине начала боевых действий на Кавказе. Кроме этого, европейское сообщество потребовало от России разработать правовые нормы, которые бы соответствовали общеевропейскому стандарту. В результате Российская Федерация стала членом Совета Европы, но с оговоркой, что её законодательная база имеет существенные недостатки и нуждается в совершенствовании.

Членство России в Совете Европы начало оказывать влияние на развитие правового поля страны. Например, Конституционный суд РФ, в результативной части принимаемых постановлений часто ссылался на Европейскую Конвенцию прав, свобод человека. Поэтому денонсация данной конвенции вызвана внешнеполитическими причинами, а не исключительно желанием Российской Федерации.

Современная правовая система России развивается по самобытному сценарию, что позволит освободиться от навязанных ЕС принципов, лоббирующих односторонние интересы. На этом пути ещё предстоит сделать многое. Поэтому важно исследовать вопросы прав и свобод человека, гражданина с учётом различных аспектов.

Список литературы

1. Анимукова А.Л. Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина: уголовно-правовая характеристика / А.Л. Анимукова, Г.И. Чечель // Аллея науки. – 2018. – Т. 2, № 4 (20). – С. 786-790.
2. Валентов Д.В. Содержание и соотношение понятий права и свободы, права человека и права гражданина / Д.В. Валентов, Я.Р. Гусаренко, А.А. Шумский // Modern Science. – 2020. – № 1-3. – С. 37-40.
3. Волынская К.Н. Современное состояние реализации механизмов защиты прав свобод человека и гражданина в международном праве / К. Н. Волынская, Е.Д. Трубникова // Столыпинский вестник. – 2022. – Т. 4, № 10.
4. Гаджиева М.Г. Ограничения прав и свобод человека и гражданина: реализация принципа соразмерности при ограничении прав и свобод / М.Г. Гаджиева, Д.Ш. Пирбудагова // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 4 (143). – С. 202-204.
5. Комаров С.А. Правовая инфильтрация идеи о достоинстве человека в Декларации о правах и свободах человека и гражданина / С.А. Комаров, С.Ч. Ковальски // Юридическая мысль. – 2023. – № 2(130). – С. 19-35.
6. Мальцева Е.Н. К вопросу о разграничении прав и свобод человека и прав и свобод гражданина / Е.Н. Мальцева, Д.С. Сердаров // Аллея науки. – 2019. – Т. 1, № 5 (32). – С. 823-826.
7. Мецгер А.А. Содержание отдельных личных прав и свобод человека и гражданина (на примере политических прав) / А.А. Мецгер //

- Международный журнал конституционного и государственного права. – 2019. – № 4. – С. 49-51.
8. Мусалова З.М. Институт обращения граждан как важный фактор развития системы защиты прав и свобод человека и гражданина / З.М. Мусалова, Н.Х. Алидибиров // Образование. Наука. Научные кадры. – 2023. – № 1. – С. 95-97.
 9. Паулов П.А. Право на судебную защиту в контексте защиты прав и свобод человека и гражданина / П. А. Паулов, М. А. Кобзарев // Адвокатская практика. – 2019. – № 3. – С. 21-25.
 10. Петренко Н.И. Защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в Европейском суде по правам человека / Н.И. Петренко, А.К. Полевщикова // Марийский юридический вестник. – 2018. – № 2(25). – С. 6-8.
 11. Праницкая Т.О. Право граждан на самозащиту в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина / Т.О. Праницкая, О.И. Дерюшева // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2023. – № 2. – С. 230-234.
 12. Пустовойт Е.С. Всеобщая декларация прав человека: 70 лет в истории защиты прав и свобод человека и гражданина / Е.С. Пустовойт // Аллея науки. – 2018. – Т. 1, № 4(20). – С. 920-924.
 13. Рабаданов А.С. О гарантиях защиты конституционных прав, свобод человека и гражданина в уголовном праве: теоретико-правовые проблемы / А.С. Рабаданов // Правовая культура. – 2021. – № 1 (44). – С. 46-51.
 14. Саудаханов М.В. Субъективная природа прав и свобод человека и гражданина как объективных принципов общего правопорядка / М.В. Саудаханов // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2019. – № 2. – С. 47-49.
 15. Фефелова А.О. Место и значение Уполномоченного по правам человека в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина / А.О. Фефелова // Конституционализм и государствоведение. – 2021. – № 4 (24). – С. 76-81.
 16. Шапиро И.В. Право граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства: общая характеристика оснований ограничения / И.В. Шапиро // Очерки новейшей камералистики. – 2019. – № 4. – С. 41-45.

УДК 351.811.122

Д.Г. Чуб, аспирант, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: Скапрion@yandex.ru)

ПРОПАГАНДА БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В статье сделана попытка раскрыть содержание понятий «безопасность дорожного движения», «пропаганда безопасности дорожного движения», проанализирована законодательная база в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, предложены пути ее повышения. Отмечено, что на обеспечение безопасности дорожного движения направлен комплекс мероприятий, повышающих защищенность граждан и общество в целом от дорожно-транспортных происшествий, и их последствий.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, транспортное средство, автомобильный транспорт, пропаганда.

Chub, D.G.

PROMOTION OF ROAD SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO IMPROVE ITS EFFECTIVENESS

The article attempts to reveal the content of the concepts of «road safety», «propaganda of road safety», analyzes the legislative framework in the field of ensuring road safety, and suggests ways to improve it. It is noted that a set of measures is aimed at ensuring road safety to increase the protection of citizens and society as a whole from road accidents and their consequences.

Key words: road safety, traffic accident, vehicle, road transport, propaganda.

Актуальность темы исследования. Безопасность дорожного движения в настоящее время является ключевым элементом развития современного общества. Так, одним из приоритетных направлений деятельности государства является обеспечение безопасности дорожного движения на автомобильных дорогах, улицах городов, других населенных пунктов и т.д. и создание безопасных и комфортных условий движения на улично-дорожной сети, путем осуществления комплекса мероприятий по усовершенствованию управления безопасностью дорожного движения на государственном уровне.

Ввиду последствий от дорожно-транспортных происшествий перед государством, в котором человек, его жизнь и здоровье являются высшей социальной ценностью, возникает вопрос о необходимости осуществления неотложных комплексных мер по обеспечению безопасности дорожного движения, в том числе осуществление пропаганды с использованием всех имеющихся возможностей, а также усовершенствование законодательного регулирования по этим вопросам.

Анализ научных исследований. Отдельные аспекты обеспечения безопасности дорожного движения исследованы в трудах А.В. Зотина,

М.С. Студеникина, И.А. Галаган, П.А. Волкова, К.С. Бельского, А.В. Здольник, П.В. Дихтиевского, А.П. Коренева, Л.Л. Попова и др.

Цель статьи – проанализировать пропаганду безопасности дорожного движения в Российской Федерации и внести предложения по ее повышению.

Изложение основного материала. Сфера обеспечения безопасности дорожного движения представляет собой сложную многоотраслевую совокупность функциональных элементов транспортно-дорожного комплекса, состоящую из субъектов транспортной, дорожной, образовательной, медицинской и иной деятельности, формирующих и управляющих подсистемой дорожного движения.

К объектам обеспечения безопасности дорожного движения относятся участники дорожного движения, транспортные средства, дороги и их инженерное обустройство, и оборудование, технические средства организации дорожного движения, специалисты по организации и управлению дорожным движением и т. д.

В свою очередь, решение проблем, связанных с безопасностью дорожного движения, зависит от качества функционирования всех ее элементов на всех этапах разработки, изготовления и эксплуатации, от их правильной организации, от наличия средств технического и экономического анализа и использования научных достижений в данной области [7, С. 83].

Таким образом, сфера обеспечения безопасности дорожного движения представляет собой совокупность разнородных взаимодействующих между собой функциональных элементов, связанных общей целью функционирования – повышение безопасности дорожного движения, т.е. обладает признаками сложных систем.

В соответствии с ч.1 ст.7 Конвенции о дорожном движении (далее – Конвенция), пользователи дорог обязаны вести себя так, чтобы не создавать опасности, либо препятствий для движения, не подвергать опасности других людей и не наносить ущерба государственному, общественному или частному имуществу [8]. Тем самым, Конвенция, в качестве составных частей безопасности движения, выделяет: отсутствие препятствий в движении, опасности и условий для возникновения ущерба.

Одна из первых и наиболее удачных дефиниций «дорожное движение», была дана Р.И. Денисовым, в ней определена роль человека в дорожном движении, значимость его отношения к обеспечению безопасности дорожного движения, дорожному транспорту и дорогам [9, С. 64].

Г.И. Клинковштейн сформулировал термин дорожное движение как сложную динамическую систему, представляющую собой совокупность движущихся и неподвижных пешеходов и различных типов механических и немеханических транспортных средств, управляемых людьми [15, С. 52].

Непосредственно вопросы безопасности дорожного движения исследованы в работах:

«Государственное управление безопасностью дорожного движения» под ред. Ю.А. Рябокоть [16, С. 61], в котором определено понятие безопасности

дорожного движения, основные методы и уровни управления безопасностью дорожного движения, правовые основы регулирования и основные органы, уполномоченные действовать согласно концепции безопасности дорожного движения;

А.С. Дугенец «Основные направления совершенствования работы по обеспечению безопасности дорожного движения / Система обеспечения безопасности дорожного движения: проблемы и перспективы» [17, С. 36], в котором рассмотрены современные особенности и направления обеспечения безопасности дорожного движения и представлен региональный и муниципальный опыт;

В.В. Карева «Теория и практика управления безопасностью дорожного движения: факторы, методы, инструменты» [18, С. 72], в которой представлены актуальность и значимость, основные методы и инструменты управления безопасностью дорожного движения.

Следует отметить, что любая система общественного порядка может считаться целостной только при условии взаимодействия ее элементов. Таким образом, взаимодействие следует рассматривать как необходимый интегративный фактор и для системы государственного управления в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Сама же пропаганда безопасности дорожного движения является важным направлением деятельности Госавтоинспекции, элементом взаимодействия, выстраивания партнерских отношений ГИБДД с участниками дорожного движения и представляет собой «целенаправленную деятельность, осуществляемую субъектами пропаганды по распространению знаний, касающихся вопросов обеспечения безопасности дорожного движения, разъяснению законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регламентирующих поведение участников дорожного движения» [10, С. 59].

В своей статье «К вопросу о пропаганде безопасности дорожного движения: современные проблемы и перспективы» И.А. Былинин и Я.Р. Казаков придерживаются мнения, что помимо основной деятельности сотрудников Госавтоинспекции, важной задачей является пропагандистская работа.

Целью пропаганды является не только снижение рисков и опасностей дорожного движения, но и формирование, повышение уровня правосознания, правовой культуры населения.

В данной деятельности особо важна подготовительная работа и планирование. Следует учитывать возрастные особенности граждан, их социальную ориентацию и иные факторы.

Под пропагандистской деятельностью принято понимать специально организованное психологическое воздействие, направленное на формирование общих интересов, взаимопонимания, общественного мнения о правоохранительных органах, а также законопослушного поведения граждан и участников дорожного движения в целом [11, С. 11].

Воспитательное значение пропаганды безопасности дорожного движения выражается, прежде всего, в том, что она является одним из основных средств убеждения участников дорожного движения в необходимости и целесообразности соблюдения Правил дорожного движения. При этом крайне важно обеспечить адресность пропагандистского воздействия, учет специфических интересов отдельных групп участников дорожного движения и выбор соответствующих форм и методов пропаганды.

Непосредственно основными принципами взаимодействия субъектов обеспечения безопасности дорожного движения являются:

- законность;
- научность;
- комплексность;
- гибкость;
- специализация субъектов обеспечения безопасности дорожного движения;
- пропорциональность ответственности;
- отсутствие дублирования функций [12, С.75].

Само же взаимодействие субъектов обеспечения безопасности дорожного движения с помощью организационных форм управления, как правило, осуществляется путём:

- совместного проведения мероприятий по обеспечению безопасности дорожного движения, проведение профилактических и пропагандистских занятий на предприятиях, учреждениях, организациях по предотвращению ДТП;
- обмена информацией о документах по разработке и проведению мероприятий по предотвращению ДТП с транспортными средствами и совершенствованию системы обеспечения безопасности дорожного движения;
- оказание помощи в организации сопровождения колонн военных транспортных средств, а также в обеспечении движения через населенные пункты этих колонн и т.д.

Проанализировав законодательную базу Российской Федерации, следует отметить, что вопросы обеспечения безопасности дорожного движения регламентированы следующими нормативными правовыми актами, а именно:

1. Правилами дорожного движения, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 02.06.2023) «О Правилах дорожного движения», которые устанавливают единый порядок дорожного движения на всей территории Российской Федерации [1];

2. Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (далее – ФЗ № 196), который определяет правовые основы обеспечения безопасности дорожного движения на территории Российской Федерации [2];

3. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 г. № 1-р «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 - 2024 годы», которая является основой для формирования и реализации государственной политики в области безопасности дорожного движения на федеральном, региональном, муниципальном и межотраслевом уровнях.

Стратегия разработана в целях определения приоритетов в области безопасности дорожного движения, направлений и способов их достижения, а также для формирования у участников правоотношений в области безопасности дорожного движения представлений относительно перспектив и ориентиров состояния обеспечения безопасности дорожного движения на территории Российской Федерации на среднесрочный период [3].

Непосредственно административная ответственность за нарушение дорожного движения установлена главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) (далее – КоАП РФ) [4]; Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 декабря 2018 года № 903 «Об утверждении Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения», который определяет порядок организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения, ее цель и задачи, а также основные направления, организацию и формы осуществления деятельности Госавтоинспекции по пропаганде безопасности дорожного движения и др. [5].

Так, непосредственно понятие «безопасность дорожного движения» закреплено в статье 2 ФЗ № 196, под которым понимается состояние данного процесса, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий.

Стоит отметить, что пропаганда безопасности дорожного движения является первоочередной задачей повышения безопасности дорожного движения в рамках реализации национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги».

Реализация цели пропаганды безопасности дорожного движения – повышение уровня правосознания и правовой культуры в области безопасности дорожного движения – невозможно без систематизированной и поэтапной деятельности по передаче знаний, формированию умений и навыков обеспечения безопасности всеми участниками дорожного движения.

Деятельность по разъяснению законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, регламентирующих действия участников дорожного движения, а также своевременное информирование населения о состоянии аварийности в области дорожного движения и информационно-пропагандистские мероприятия,

проводимые органами внутренних дел Российской Федерации, неэффективны без специальной педагогической подготовки сотрудников, ответственных за пропаганду безопасности дорожного движения.

Утвержденная Правительством Российской Федерации Стратегия безопасности, Паспорт национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» предусматривает осуществление специализированных государственных программ, последних решений и направлений деятельности, снижающих существующие проблемы на дорогах. Осуществление такой деятельности возможно лишь при полной поддержке всех социальных институтов и заинтересованных граждан [6].

Профилактика правонарушений является одним из наиболее действенных способов борьбы с ними. Поэтому одной из основных задач пропаганды безопасности дорожного движения является именно профилактика.

Составной и неотъемлемой частью профилактической работы является широкая пропагандистская деятельность, проводимая различными субъектами: работниками государственных учреждений и общественных организаций, Государственной инспекцией безопасности дорожного движения, Всероссийским обществом автомобилистов, педагогическими коллективами образовательных и дошкольных организаций, автотранспортными предприятиями, средствами массовой информации.

Государственное управление в сфере обеспечения безопасности дорожного движения неразрывно связано с социальными процессами и явлениями, что вполне объяснимо. В то же время общество не может прямо решать многие проблемы, вытекающие из социальных ситуаций.

В этой связи различные общественные объединения и организации приобретают особый политико-правовой статус в структуре общества и играют ключевую роль в решении социальных проблем как на глобальном, так и на локальном уровнях, выполняя посредническую функцию между гражданским обществом и публичной властью.

Насущная потребность совершенствования регулирования отношений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения связывается с ростом дорожно-транспортного травматизма в Российской Федерации, который значительно превышает показатели большинства стран мира. Несоблюдение правил поведения на автомобильных дорогах является очень серьезной угрозой для жизни и здоровья граждан, что предопределяет повышенное внимание со стороны государства, а также общества на случаи нарушений правил дорожной дисциплины участниками дорожного движения.

Поэтому на сегодняшний день приоритетной задачей для общества, которая решается на государственном уровне, является обеспечение безопасных условий дорожного движения.

И именно поэтому возникла потребность в более детальном исследовании содержания проступков в сфере дорожного движения, а также особенностей применения меры административной ответственности за их совершение и внесение на рассмотрение предложений по изменению и

дополнению действующего законодательства с целью повышения эффективности реализации административной ответственности в этой сфере.

Учитывая быстрое развитие автомобильного транспорта во всех странах и рост уровня организации дорожного движения, уже давно возникла потребность регулировать эти процессы на международном уровне.

Непосредственно в мероприятиях по профилактической работе в сфере БДД во многих странах мира принимают участие различные общественные организации, например:

– Всеобщий автомобильный клуб Германии (ADAC) – крупнейшая общественная организация автомобилистов Германии, самая крупная в Европе. Основная функция – техническая, информационная и юридическая помощь автомобилистам;

– общественные советы безопасности дорожного движения Великобритании;

– Федерация велосипедистов Дании – датская неправительственная велосипедная организация, занимающаяся продвижением велоспорта и безопасности велосипедов;

– Голландская ассоциация безопасности дорожного движения в Нидерландах;

– Национальное общество безопасности дорожного движения Швеции (NTF);

– Национальный совет по предупреждению дорожно-транспортных происшествий Израиля;

– Международная федерация жертв ДТП оказывает эмоциональную, социальную и юридическую помощь жертвам ДТП. Одним из достижений федерации стало учреждение ежегодного всемирного Дня памяти жертв ДТП (третье воскресенье ноября), основная роль которого заключается в привлечении внимания населения к проблеме гибели большого количества людей от последствий ДТП. Пропагандой безопасности дорожного движения и профилактикой дорожно-транспортного травматизма занимаются и национальные общественные организации.

– Федерация ассоциаций безопасности дорожного движения Японии и многие другие [13, С. 16].

Стоит также отметить, что в настоящее время одним из основных факторов, определяющих степень безопасности дорожного движения, является эффективность административного законодательства в области дорожного движения и процесса его реализации, при этом общей тенденцией административной ответственности за нарушение правил, обеспечивающих безопасность дорожного движения, является ее усиление, что отразилось, во-первых, в увеличении общих размеров административных штрафов, во-вторых, в существенном расширении перечня административных правонарушений, предусматривающих лишение права управления автотранспортным средством, в-третьих, в установлении новых видов административных правонарушений [14, С. 37].

Тем самым, считаем целесообразным предложить следующие пути повышения безопасности дорожного движения:

1) повысить уровень информационно-пропагандистской работы среди граждан, путем проведения социальной рекламы, проведение массовых общественных мероприятий;

2) внедрить инновационные технологии в сфере регулирования дорожным движением;

3) установить камеры видеонаблюдения для мониторинга движения транспорта в местах концентрации ДТП, на въездах и ключевых перекрестках, местах массового скопления людей;

4) повысить контроль за безопасностью дорожного движения на местном уровне;

5) совершенствовать улично-дорожную сеть, путем: установления дополнительных светофоров возле пешеходных переходов;

– разработки алгоритмов работы светофоров с более длинными фазами для конкретных направлений движения;

– оборудования острова безопасности для пешеходов;

– увеличения источников освещенности на пешеходных переходах;

6) борьба за сокращение случаев вождения в нетрезвом состоянии;

7) создать общественные организации, которые будут заниматься вопросами пропаганды безопасности дорожного движения среди пешеходов, водителей, совместно с сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения;

8) внедрить в образовательную программу занятия по безопасности дорожного движения.

Выводы. Главными задачами повышения безопасности дорожного движения является предоставление населению необходимой информации по вопросам безопасности дорожного движения, работа в образовательной и социальной сфере, проведение широкомасштабных агитационных (рекламных) компаний, исследовательская работа, анализ дорожно-транспортных происшествий, административного и иного воздействия на участников дорожного движения.

В ходе проведенного исследования было выяснено, что на законодательном уровне не закреплено понятие «пропаганда безопасности дорожного движения», тем самым предлагается закрепить данное понятие в статье 2 ФЗ № 196, изложив его в следующей редакции:

«Пропаганда безопасности дорожного движения – комплекс скоординированных и взаимодополняющих действий органов государственной власти и местного самоуправления, а также общественности, направленных на повышение правосознания участников дорожного движения, формирования у

них безопасных навыков поведения на дороге, выполнения правил дорожного движения».

А также на законодательном уровне предлагается внести изменения в главу 12 КоАП РФ, путем внедрения:

– ответственности для пешеходов за использование мобильных телефонов при их движении через проезжую часть;

– ответственности водителей за курение сигарет за рулем во время движения.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 02.06.2023) «О Правилах дорожного движения». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ – (дата обращения: 07.02.2024).
2. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/ – (дата обращения: 07.02.2024).
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 г. № 1-р «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 - 2024 годы». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71760528/> – (дата обращения: 11.02.2024).
4. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023). – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ – (дата обращения: 28.12.2023).
5. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 декабря 2018 года № 903 «Об утверждении Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/72148844/> – (дата обращения: 11.12.2023).
6. Национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ddtks.ru/files/documents/bdd/materialy/norm/2022_2023/11-pasport-nacionalnogo-proekta-bezopasnye-i-kachestvennye-avtomobilnye-dorogi.pdf – (дата обращения: 07.02.2024).
7. Блинкин М.Я. Безопасность дорожного движения: история вопроса, международный опыт, базовые институции / М.Я Блинкин – Москва: ИД ВШЭ, 2018. – 240 с.

8. Конвенция о дорожном движении (заключена в г. Вене 08.11.1968) (с изм. от 23.09.2014). – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136493/ – (дата обращения: 07.02.2024).
9. Денисов Р.И. Административный надзор в сфере дорожного движения. – Москва : ВНИ-ИБД МВД СССР, 1981 – 141 с.
10. Беженцев А.А. Безопасность дорожного движения. Учебное пособие / А.А. Беженцев. – Москва: Вузовский учебник, Инфра-М, 2016. – 272 с.
11. Былинин И.А. К вопросу о пропаганде безопасности дорожного движения: современные проблемы и перспективы / И.А. Былинин, Я.Р. Казаков // Современная наука. – 2023. – № 3. – С. 11-13.
12. Коноплянко В.И. Организация и безопасность дорожного движения / В.И. Коноплянко. – Москва: Высшая школа, 2017. – 383 с.
13. Беженцев А.А. Безопасность дорожного движения. Учебное пособие / А.А. Беженцев. – Москва: Вузовский учебник, Инфра-М, 2016. – 272 с.
14. Карпенко А.В. Административная ответственность в области дорожного движения: проблемы, тренды, перспективы / А.В. Карпенко. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 10 (300). – С. 37-39. – URL: <https://moluch.ru/archive/300/67922/> – (дата обращения: 11.12.2023).
15. Клинковштейн Г.И. Организация дорожного движения: учебник для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. / Г.И. Клинковштейн, М.Б. Афанасьев. – Москва: Транспорт, 2001 – 247 с.
16. Государственное управление безопасностью дорожного движения: учебное пособие / Под ред. Ю.А. Рябокоть. – Омск: СибАДИ, 2012. – 281 с.
17. Дугенец А.С. Основные направления совершенствования работы по обеспечению безопасности дорожного движения // Система обеспечения безопасности дорожного движения: проблемы и перспективы : Материалы круглого стола. – Ульяновск, 2013. – 234 с.
18. Карева В.В. Теория и практика управления безопасностью дорожного движения: факторы, методы, инструменты: учеб. пособие / В.В. Карева, П.П. Володькин. – Хабаровск: ТОГУ, 2014. – 155 с.

УДК 347.965

В.В. Шульга, канд. психол. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: shulga55@rambler.ru)

М.С. Степаниук, студент, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: stepaniukm1612@yandex.ru)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАНДАРТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ АДВОКАТУРЫ РАЗНЫХ СТРАН

В статье представлен сравнительный анализ этических кодексов адвокатов России, США, Англии и Франции. Рассмотрены сходства и различия этических стандартов объединений адвокатов этих стран. Констатируется, что все кодексы имеют единую международную основу. При этом, их содержание отражает исторические и национальные особенности становления адвокатской практики.

Ключевые слова: этические принципы адвоката, национальные особенности этических принципов адвокатуры.

Shulga, V.V.

Stepaniuk, M.S.

COMPARATIVE ANALYSIS OF PROFESSIONAL ETHICS STANDARDS OF LAWYERS IN DIFFERENT COUNTRIES

The article presents a comparative analysis of ethical codes of lawyers in Russia, the USA, England and France. The similarities and differences in the ethical standards of lawyers' associations of these countries are considered. It is stated that all codes have a uniform international basis. At the same time, their content reflects the historical and national peculiarities of the formation of lawyers' practice.

Key words: ethical principles of counsel, national features of ethical principles of advocacy.

Адвокатура любого государства является одним из важнейших социально-правовых институтов гражданского общества, своеобразным индикатором развития национального законодательства и правового уровня страны в целом. Право на справедливое судебное разбирательство и квалифицированную юридическую помощь составляет фундамент прав и свобод человека, которые закреплены в международных конвенциях и декларациях. Современное общество возлагает на адвокатуру целый комплекс различных обязательств, в том числе и морального характера [5, 8].

Актуальность темы исследования. Характер адвокатской деятельности таков, что любые ее виды невозможно рассматривать в отрыве от нравственных принципов и профессионального долга. Этические принципы служат адвокату ориентирами при решении того или иного конкретного вопроса, проблемы, при выборе собственной линии поведения или поведения своего клиента. Профессиональная этика адвоката играет основополагающую роль в поддержании доверия к юридической профессии и обеспечении социальной справедливости [4, 5, 8]. Интерес к уровню разработанности этических норм и

стандартов поведения адвокатов для регулирования их деятельности на государственном уровне представляет не только теоретический, но и практический интерес, как со стороны общественности, так и со стороны профессионального юридического сообщества.

Анализ последних исследований и публикаций. С момента учреждения института адвокатуры вопросам этических правил адвокатской профессии, как и самим правилам, придавалось особое значение. Поэтому вопросы профессиональной этики и дисциплинарной ответственности адвоката были предметом исследования многих дореволюционных авторов – К.К. Арсеньева, А.Ф. Кони, Д.И. Невядомского, А.Н. Стоянова. В дальнейшем вопросы профессиональной этики рассматривались в фундаментальных работах Н.Н. Полянского, Д.П. Ватмана, Я.С. Киселёва, Г.Ф. Горского, Д.П. Котова. Истории возникновения и развития адвокатской этики, совершенствования ее норм посвящены исследования современных юристов: М.Ю. Барщевского, А.Д. Бойкова, С.Н. Гаврилова, Ю.С. Пилипенко. Теоретическую базу при написании статьи составили труды Д. Марьенко, И. Сорокотягина, А. Маслеева, С. Бородина, а также правовые акты и статьи из открытых источников.

Цель исследования заключается в проведении сравнительного анализа стандартов профессиональной этики адвокатов России, Англии, США, Франции, а также соответствия локальных принципов адвокатской этики международным стандартам.

Изложение основного материала. Профессиональная этика обобщает, систематизирует и научно обосновывает принципы, нормы и другие элементы морали, доказывает разумность и прогрессивность одних нравственных норм, и подвергает научной критике другие. Профессиональная этика юриста включает в себя систему моральных принципов, которыми руководствуется специалист юридического профиля в своей профессиональной деятельности. Значение профессиональной этики для юридических специальностей настолько велико, что основные этические принципы в области юриспруденции законодательно закрепляются во многих странах, а также в политико-экономических объединениях. В целом, существует несколько видов этических кодексов, которые регулируют поведение юристов, и которыми они руководствуются в процессе выполнения своих обязанностей:

– международные этические кодексы, которые чаще всего выступают ориентиром для создания «локальных» кодексов этики;

– национальные этические кодексы, устанавливающие стандарты этического поведения юристов в определенной стране;

– профессиональные этические кодексы, разработанные организациями или ассоциациями юристов с целью регулирования деятельности своих членов;

– корпоративные этические кодексы устанавливают правила и стандарты поведения для юристов, работающих в конкретной компании или организации.

Разработанные Международной ассоциацией юристов (ИВА) в 2006 году, «Общие принципы для сообщества юристов» (далее – Общие принципы) закрепили 10 базовых пунктов, предназначенных для продвижения идеалов юридического сообщества и внедрения их в практику профессиональной деятельности [6]. Существуют и более ранние аналоги Общих принципов, например, «Международный кодекс этики» (1956 г.), однако статус данного документа не совсем ясен.

1. *Независимость.* Юрист выносит непредвзятое профессиональное суждение при консультировании, или при представительстве своего клиента.

2. *Честность, прямота, беспристрастность.* Юрист поддерживает высокие стандарты поведения по отношению к суду, своим коллегам, клиентам.

3. *Конфликт интересов.* Юрист должен избегать конфликта интересов, и действовать исключительно в интересах клиента.

4. *Конфиденциальность.* Юрист должен сохранять в тайне информацию, полученную от клиента в ходе консультации и в своей практики.

5. *Интересы клиентов.* Юрист должен относиться к интересам своих клиентов как к первостепенным, но при этом соблюдать свои обязанности, следовать закону и поддерживать этические стандарты.

6. *Обязательства.* Юрист должен чтить любое обязательство, принятое в ходе своей практики, до тех пор, пока это обязательство не исполнено, не погашено или пока юрист от него не освобожден.

7. *Свобода выбора клиента.* Юрист должен уважать свободу выбора клиента в случае своего избрания его представителем.

8. *Имущество клиентов и третьих лиц.* Юрист добросовестно отчитывается за любое доверенное ему имущество своих клиентов или третьего лица, и должен держать таковое отдельно от своего собственного имущества.

9. *Компетентность.* Юрист должен выполнять свою работу компетентным образом, понимать, когда он может взяться за дело клиента, а когда – нет.

10. *Вознаграждения.* Юрист имеет право на разумное вознаграждение за свою работу. Он не должен совершать действия, направленные на появление или выполнение ненужной работы [6].

Профессиональная этика адвоката возникает в ответ на необходимость выработки дополнительных требований, которые отражают специфику юридической деятельности в сфере защиты прав физических и юридических лиц, и которые должны быть релевантными внутреннему укладу профессии. Профессия адвоката основывается на развитом внутреннем контроле над словами и действиями, необходимость и востребованность этого контроля находит свое отображение в сводах и правилах юридической практики. По мнению Либановой Н.Э., «кодексы профессиональной этики объективно необходимы из-за увеличивающейся дистанции между нормами права и морали» [4, С. 50].

Основополагающими принципами организации деятельности адвоката являются: принцип равноправия, законность, справедливость, корпоративность, добросовестность, честность, независимость, конфиденциальность, а также самоуправляемость адвокатских образований. В России эти принципы отражены в «Кодексе профессиональной этики адвоката» (далее – Кодекс), в США они сформулированы в «Типовых правилах профессиональной этики» (далее – Правила), в Евросоюзе – в «Кодексе этических норм адвокатов стран Европейского Союза». Главными ориентирами в разработке этических стандартов адвоката для каждой страны являются два документа, принятые Международной Ассоциацией Юристов – «Международный кодекс этики» и «Общие принципы для сообщества юриста».

Несмотря на различия в государственном устройстве и структуре правовой сферы, социальный аспект деятельности адвоката в разных странах определяется едиными гуманными целями – обеспечение правосудия и защита нарушенных прав и интересов физических и юридических лиц. Институт адвокатуры, вне зависимости от национальных особенностей, исполняет важнейшую функцию, возложенную на него обществом, – осуществляет правовую защиту обвиняемого для достижения справедливого разрешения конфликта между личностью и обществом. Условием сохранения баланса между интересами отдельных граждан и государственными или общественными интересами является свобода и независимость юридической корпорации в целом.

Анализируя этические нормы адвокатской этики Великобритании, в обязательном порядке следует отметить действующую в стране англосаксонскую правовую систему, которой присущ феномен дуализма, то есть традиционное разделение на солиситоров и барристеров. На природу английского права в значительной мере повлиял факт раннего становления в стране сословия юристов. Уже в раннем средневековье, главным образом из среды духовенства, сформировался широкий круг юридически компетентных представителей, что обусловило тот факт, что, наряду с национальными особенностями протекания социально-политических процессов, в Англии уже более шести веков профессия правозащитника делится на две взаимодополняемые, но в тоже время обособленные ветви: барристеров и солиситоров.

В Великобритании профессиональная деятельность адвокатов регулируется Королевским юридическим советом и Баром Англии и Уэльса. Эти организации утверждают правила этики и профессионального поведения адвокатов, которые юристы должны соблюдать неукоснительно. Следует отметить существование в Великобритании и такой авторитетной организации, как Лоуренский комитет по адвокатской этике (Lawrence Committee on Ethics), занимающийся надзором за деятельностью барристеров и солиситеров.

Рассматривая профессиональное назначение барристеров и солиситоров, следует уточнить разделение их сфер деятельности. Солиситоры – консультанты по правовым вопросам широкого профиля, которые составляют

различные юридические документы, ведут переговоры с другими сторонами, подготавливают дела для барристеров. При этом, солиситоры часто выступают в судах графств и магистратах, то есть в судах нижестоящих инстанций. В свою очередь барристеры считаются специалистами узкого профиля, которые сосредоточены в основном на судебной деятельности. В России такого разделения профессии нет, однако существует устойчивое деление адвокатов по сфере их деятельности: адвокат по уголовным делам, адвокат по гражданским делам, арбитражный адвокат, адвокат по делам об административных правонарушениях, адвокат общей специализации и т.д. [3].

Профессиональная этика барристеров регулируется «BSB Handbook» – Инструкцией по профессиональной этике и квалификации барристеров (далее – Инструкция), разработанной Комиссией по стандартам барристеров Англии. А профессиональная этика солиситоров основывается на «Solicitors Code of Conduct» – Кодексе поведения солиситоров (далее – Кодекс поведения, КП), разработанный Сообществом Солиситоров.

В Инструкции описаны правила профессионального поведения барристеров и их основные квалификационные требования. Одной из особенностей данного ответвления адвокатской деятельности является то, что в Англии могут выполнять профессиональную юридическую деятельность незарегистрированные барристеры, которые имеют право оказывать ограниченный спектр юридических услуг: давать консультации по правовым вопросам, составлять завещания и т.п. При этом, для барристеров, незарегистрированных в качестве членов коллегии, в Инструкции предусмотрен отдельный раздел, в котором четко прописаны их основные обязанности. Это существенное различие в сфере правоприменительной деятельности юристов: в Англии адвокатскую деятельность могут осуществлять незарегистрированные адвокаты (барристеры), в то время как в России каждый адвокат должен числиться в региональном реестре.

Существенным отличием этических норм английской адвокатуры является и то, что в Инструкции содержится важная структурная нормативная часть – «Результаты», в которой зафиксированы цели, которых должен стремиться достичь каждый барристер. В России чётких рамок и требований того, что должен достичь каждый адвокат, нет.

Стоит упомянуть также и то, что в Инструкции существует глава о наказаниях за нарушение положений этого документа. Если барристер нарушает статью своего свода правил, в Инструкции предусмотрено принятие адекватных мер в зависимости от тяжести проступка: выговор или штраф в размере до 1000 фунтов стерлингов и т.д. При серьёзных нарушениях дисциплинарные меры становятся более суровыми: штраф до 50000 фунтов стерлингов, временное отстранение от работы, переаттестация или же отстранение от должности [9].

В КП солиситоров включены важные деонтологические нормы адвокатской деятельности, идентичные российским этическим принципам, закрепленные в Кодексе: соблюдение буквы закона, конфиденциальность,

представление интересов клиента, независимость от посторонних влияний и справедливость по отношению ко всем участникам процесса. Адвокаты обеих стран обязаны соблюдать высокие стандарты профессионального поведения и демонстрировать независимость и беспристрастность в своих действиях. Помимо этого, в КП содержится перечень обязанностей солиситоров, в числе которых положение о совершенствовании их профессиональных навыков и знаний. К слову, последнее – идентично обязанности адвокатов России, которые должны в обязательном порядке повышать свой профессиональный уровень.

В целом, в английских аналогах российского документа о профессиональной этике более детально разработаны требования к качеству юридической помощи, существует большее количество дисциплинарных мер в случае нарушений, в то время как российские этические нормы адвокатской деятельности носят более общий характер. Тем не менее, многие главы этих сводов правил обеих стран коррелируют между собой, и устанавливают высокие стандарты профессионального поведения, обеспечивая надежность, профессионализм и независимость специалиста в рамках правовой профессии.

В США Американская ассоциация юристов разработала «Типовые правила профессиональной этики». В Соединённых Штатах Америки регулирование деятельности адвокатов отнесено к ведению каждого штата. Это значит, что каждый субъект страны самостоятельно утверждает свой свод этических правил поведения юриста, опираясь на национальный стандарт – «Типовые правила профессиональной этики».

И в России, и в США базовые правила взаимоотношений адвоката с клиентом схожи: адвокат должен вести себя разумно, соблюдать независимость от сторонних интересов, своевременно выполнять свои обязанности, защищать права, свободы и интересы клиента, не должен представлять интересы клиента, если это представительство вызывает конфликт интересов с другим клиентом. При этом нормы, закрепленные в российском Кодексе, носят обязательный характер, в то время как нормы Правил – частично обязательный. В Правилах существуют исключения, которые позволяют адвокату представлять интересы разных клиентов. Такая коллизия возможна, если адвокат уверен в том, что он способен, обосновано и квалифицировано, обеспечить компетентное и добросовестное представительство обратившегося к нему за профессиональной помощью человека, а также, если клиент после консультации с адвокатом даёт письменное согласие на это.

Рассматривая принцип адвокатской конфиденциальности, можно отметить высокую степень идентичности двух документов. Как в Кодексе, так и в Правилах говорится о том, что адвокат не имеет права раскрывать информацию о деле без согласия клиента. Однако, раскрытие информации без согласия клиента допускается, но только в том случае, когда возникает спор с клиентом и требуется обоснование своей позиции. Главное отличие Кодекса от Правил в этом плане состоит в том, что в этом документе указывается, что именно является адвокатской тайной.

Следует отметить, что в Кодексе и Правилах уделяется внимание межпрофессиональным отношениям. В обоих документах указано, что адвокат должен с уважением относиться к своим коллегам. Различие в том, что согласно Кодексу адвокат ни в коем случае не должен совершать какие-либо действия, способные умалить честь и достоинство другого адвоката. В Правилах выделяются случаи, когда адвокат имеет право так поступать. К примеру, если коллега был уличен в нарушении «Правил профессионального поведения», что ставит под сомнение его честность и профессиональную надёжность, то юрист обязан сообщить об этом в коллегия адвокатов своего штата.

Что касается гонорара, который положен адвокату за работу, то на этот счёт ни в Кодексе, ни в Правилах нет особых расхождений. В Правилах закреплено понятие «условного гонорара», то есть это гонорар, который будет зависеть от исхода дела, в Кодексе установление подобного возможно, но лишь при решении споров имущественного характера.

Сравнивая эти документы, следует отметить, что «Кодекс профессиональной этики адвоката» уделяет больше внимания нормам поведения, а не адвокатской деятельности, так как Кодекс – дополняющий документ к действующему законодательству, которое касается деятельности адвоката. Если проанализировать Правила, то в них больший акцент делается на деонтологических аспектах профессии адвоката, его взаимоотношениях с клиентами, коллегами. В целом, оба документа весьма похожи по содержанию, соответствуют международным стандартам и принципам в области профессионально-этических норм.

Истории адвокатской этики России и Франции тесно связаны между собой. Хотя история возникновения профессиональной этики адвоката берёт своё начало с давних времён, но, несомненно, весомый вклад в её развитие внесли французские юристы. С. В. Бородин подчеркивает: «Адвокаты во Франции всегда пользовались гораздо большей свободой, чем в других странах Европы, что, в свою очередь, позволило сформировать богатейшие традиции французской адвокатуры» [1]. В 19 столетии во Франции утвердился принцип независимости адвокатской профессии, который впоследствии был заимствован и проходил трудный путь имплементации в российскую юридическую систему.

Несмотря на тесную связь российского привилегированного общества с французской культурой и языком, галльское вольнодумие и независимость не нашли отклика у российских самодержцев. Такое положение вещей сказалось на важнейших различиях в адвокатской деятельности, которые начинают складываться во Франции и Российской империи. Обращает на себя внимание тот факт, что в законодательстве Российской империи термин «адвокат» даже не употреблялся. В тексте Судебных уставов 1864 г. синонимом адвоката стало понятие «присяжный поверенный» («присяжный» означало «давший присягу»). Такая позиция законодателя не была случайной, и причина различного понятийного подхода кроется в негативной оценке политической роли

адвокатов российскими монархами, которые весьма негативно отзывались о представителях этой профессии.

С приходом к власти большевиков, ситуация с функционированием адвокатуры в российском обществе не улучшилась, а наоборот, стала значительно ухудшаться. «Задачи адвокатуры сводились к укреплению революционной законности в стране и оказанию содействия правосудию, что противоречило природе адвокатуры» [2, С. 12]. При этом, многие известные большевики досконально знали тонкости адвокатской профессии, т.к. практиковали в качестве присяжных поверенных или их помощников (В.И. Ленин, П.А. Красиков, Н.Н. Крестинский, П.И. Стучка и др.). Но этот факт не изменил резко отрицательного отношения победившего класса к адвокатуре. Либеральные взгляды большинства адвокатов в условиях диктатуры пролетариата вызвали крайнее недовольство большевиков. В письме В.И. Ленина по этому поводу сказано следующее: «Адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение...» [3, С. 20].

Безусловно, отношение к адвокатам, и в целом к институту адвокатуры в Российской империи и в Российской Федерации существенно различается, что вполне закономерно и детерминировано различием исторических условий, спецификой властных структур, и всей динамикой социального развития. Но, также, безусловно, что проблемы российской адвокатуры, связанные с высоким уровнем контроля со стороны государства за ее деятельностью, имеют исторические корни, которые лежат в далеком и не столь отдаленном прошлом.

Однако времена меняются, меняется политический ландшафт, претерпевают изменения социокультурные представления о месте человека в мире, что продуцирует пересмотр и изменения в профессиональных этических принципах многих профессий, юридических в том числе. Взгляды на этические принципы адвокатской деятельности развивались, и существенно изменились за прошедшие годы. Современная Россия закрепила основы профессиональной адвокатской этики в уже упомянутом Кодексе, а во Франции стандарты профэтики адвоката изложены в Регламенте Парижской коллегии адвокатов (далее – Регламент) и законодательстве.

Хотя корни российской адвокатуры являются французскими, современные Кодекс и Регламент имеют не только сходства, но и ряд отличий. Согласно российскому Кодексу и французскому Регламенту, адвокат вправе выбирать клиента. Если адвокат считает, что он недостаточно компетентен, чтобы вести подобное дело, он может отказаться от его ведения. Также идентично в документах трактуется и принцип конфиденциальности: всё, что клиент доверил адвокату, составляет адвокатскую тайну, которую адвокат не вправе разглашать. Содержание текста клятвы адвоката примерно одинаково в обеих странах: адвокат клянется исполнять свои функции «с совестью, независимо, честно и гуманно».

Оба документа уделяют внимание межпрофессиональным взаимодействиям, которые должны строиться на уважительном отношении к своим коллегам и запрете действий, умаляющих честь и достоинство коллеги

по цеху. В отношении судей поведение адвоката в обеих странах можно характеризовать тремя словами – учтивость, деликатность, достоинство. Адвокат обязан уважать судебную инстанцию, пререкания с судьёй совершенно не допустимы. Тем не менее, при любых обстоятельствах позиция адвоката остается независимой.

Положение о гонораре имеет как различия, так и сходства. В России и во Франции гонорар определяется соглашением сторон, и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для её выполнения, опыт и квалификацию адвоката. Отличие в этом вопросе заключается в том, что во Франции предусмотрен вариант выплаты объема вознаграждения без предварительного соглашения. В таком случае размер гонорара устанавливается по обычаю, исходя из финансовой ситуации клиента, сложности дела, расходов, понесенных адвокатом, его известности. Также во Франции предусмотрено совместное участие нескольких адвокатов в формировании гонорара, обозначена возможность выплаты гонорара третьей стороной, зафиксирована обязательность окончательного подробного отчета перед клиентом.

Следует отметить, что в Регламенте закреплены правила поведения для адвоката в социальных сетях. В России существуют отдельные Правила поведения адвокатов в сети «Интернет», принятые на основе Международных принципов поведения специалистов в области права в социальных сетях [8].

Что касается различий, то можно отметить следующее: если содержание статей Кодекса в большей степени сосредоточено на стандартах профессиональной этики, то в Регламенте, помимо основных этических принципов, закреплены описания сфер адвокатской деятельности, практикуемые в России в малой степени. К ним относятся следующие распространенные виды и статусы деятельности французских адвокатов: адвокат как посредник при страховании; адвокат как спортивный представитель; адвокат как поверенный в сделках с недвижимостью; адвокат как помощник депутата; адвокат – бывший чиновник; почетный адвокат [1].

Значительное место в Регламенте занимают нормы-рекомендации: типовые условия договоров с участием адвокатов; образцы писем к противной стороне; образцы договоров о сотрудничестве между адвокатами и т.п.

Сравнение статей Кодекса и Регламента показывает, что основное содержание документов, в которых закреплены правила поведения адвоката с клиентом, коллегами и в суде, во многом сходно. Во Франции и в России адвокат обязан быть честным, вежливым, независимым и гуманным. Различие между этическими нормами и профессиональными стандартами адвокатуры в России и Франции в том, что в России деятельность адвокатов подвержена более активному контролю со стороны государства. Российские адвокаты также подчинены обязательной системе юридической государственной экзаменации и профессиональной проверке. Во Франции профессия адвоката более независимая и саморегулируемая, адвокаты свободнее выбирают специализацию и клиентов.

Выводы.

1. Анализ содержания этических кодексов адвокатов разных государств позволяет сделать вывод, что основные статьи документов Англии, России, Франции и США, которые регулируют этическое поведение адвокатов, базируются на международных документах.

2. Все рассмотренные кодексы устанавливают нормы и правила поведения представителей адвокатской профессии для успешной профессиональной работы. Принципы профессиональной этики адвоката – независимость, честность, беспристрастность, конфиденциальность и другое – находят своё закрепление в Кодексе (РФ), в Регламенте (Франция), в Инструкции и КП (Англия), в Правилах (США) за счет усиления и внедрения в практику деятельности адвокатов деонтологических стандартов. Основным отличием деятельности национальных адвокатур являются сферы применения адвокатской практики.

3. Корпорация адвокатов в каждой из стран имеет собственную специфику в осуществлении профессиональной деятельности в силу принадлежности к определённой правовой системе, или вследствие различных путей развития адвокатуры в целом. Существующие особенности в деятельности адвокатов различных государств обусловлены степенью развитости отдельно взятого гражданского общества, своеобразием правовой культуры и традиций, и имеют свои проблемы, возникающие из особенностей функционирования правовой системы конкретной страны.

Список литературы

1. Бородин С.В. Этика французских адвокатов / С.В. Бородин. – Текст : электронный // «Адвокатская газета»: [сайт] – 2015. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/etika-frantsuzskikh-advokatov/> – (дата обращения: 09.03.2024).
2. Квалификационный экзамен на адвоката: Крат. пособие / Под ред. А.Н. Чашина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Дело и Сервис. – 2014. – 146 с.
3. Саркисов В.И. Виды адвокатов в России / В.И. Саркисов – Текст : электронный // Адвокат Саркисов: [сайт] – 2019. – URL: <https://clck.ru/38NsJK> – (дата обращения: 09.03.2024).
4. Либанова С.Э. Значение кодекса профессиональной этики в воспитании нравственного профессионализма и институционализации адвокатуры в России / С.Э. Либанова // Евразийская адвокатура: международный научно-практический юридический журнал. – 2012. – № 5. – URL: <https://www.eurasian-advocacy.ru/professionalnaya-etika-i-distiplinarnaya-otvetstvennost-advokata/45-znachenie-kodeksa-professionalnoj-etiki-v-vospitanii-nravstvennogo-professionalizma-i-institutsionalizatsii-advokatury-v-rossii> – (дата обращения: 11.03.2024).
5. Марьенко Д.С. Кодекс профессиональной этики адвоката. Статус, назначение, структура / Д.С. Марьенко, Д.Н. Бедняев, К.Д. Лыкова. – Юридическая наука. – 2019. – 224 с. – URL:

